

Рига 1879 - 1893 - 1994

Въ Зонтагскую церковную Библио-
теку. Т. Лоревъ, 22 авг. 1893 года.

№ 623. Библиотечн. Форм. 18.
Всеребрени

ИСТОРИКО-СТАТИСТИЧЕСКОЕ

Ст. А-1665

2 м.

ОПИСАНИЕ ЦЕРКВЕЙ И ПРИХОДОВЪ

Рижской Епархіи.

Милл гаетат м. 1 ?

Милл гаетат
Лейнда 31 XII 1917 ?

ВЫПУСКЪ I.

1-2017 419
II. и часть I 1-218

Кус асудат ?

III Дух. правл.
IV Ист. стат. опис. Огдэл II н. ч) Веро 6) Фе 7) Дз
V Купл
VI Земл.
Tartu moa

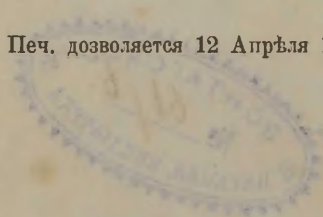
РИГА.

Типографія Л. Бланкенштейна. Тацкая ул. № 13.

1893.

Отдѣльный оттискъ изъ Рижскаго Издательства за 1893 и 1898 гг.

Печ. дозволяется 12 Апрѣля 1893 г. Цензоръ, Каѳедральн. Прот. В. Князевъ.

Отдѣльный оттискъ изъ Рижск. Енарх. Вѣдомостей за 1892 и 1893 гг.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	<i>Стр.</i>
Предисловіе.	1
Географическое положеніе Прибалтійскаго края и общее понятіе о немъ	5
Этнографическое описаніе Прибалтійскаго края. Племена изстари населяющія этотъ край.	11
Эсто-финскія племена, изстари населявшія Прибалтійскій край	48
Сношенія латышско-эстскихъ племенъ съ сосѣдными слав- янскими племенами. Начало православія между латышами и эстами до покоренія Остзейскаго края нѣмцами . .	90
Состояніе православія въ Прибалтійскомъ краѣ со времени утвержденія въ немъ нѣмцевъ до присоединенія Ливо- ніи къ Россіи	122
Присоединеніе Ливоніи къ Россіи и состояніе православія до обращенія латышей и эстовъ въ православіе въ 1841 г. Управленіе православной церкви съ Прибал- тійскихъ губерніяхъ со времени присоединенія Ливоніи къ Россіи	167
Православіе въ Курляндіи	182
Распространеніе православной вѣры въ Лифляндіи и Кур- ляндіи въ XVIII вѣкѣ	186
Состояніе православной церкви въ предѣлахъ Рижской епархіи въ 1-ой половинѣ XIX столѣтія.	188
Управленіе православной церкви въ Прибалтійскихъ губер- ніяхъ со времени присоединенія Ливоніи къ Россіи до открытія викаріатства въ г. Ригѣ	193-201

Историко-статистическое описаніе церквей и приходовъ РИЖСКОЙ ЕПАРХІИ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Съ благословенія и утвержденія Преосвященнѣйшаго Арсенія, Епископа Рижскаго и Митавскаго, составленъ историко-статистическій комитетъ для описанія церквей и приходовъ Рижской епархіи. Для выполненія принятой на себя задачи Комитетъ предварительно выработалъ программу для о.о. настоятелей церквей Рижской епархіи, которую бы они приняли въ руководство при описаніи ввѣренныхъ имъ церквей и приходовъ. Программа эта не ограничивалась только требованіями представить описаніе церквей съ исторіею ихъ возникновенія, но имѣла въ виду собрать документально данныя, по которымъ бы можно было судить о развитіи приходской жизни какъ въ религіозно-нравственномъ отношеніи, такъ и въ бытовомъ, — отмѣтить дѣятелей, особенно выдававшихся на пользу церковно-приходскаго благосостоянія, насколько они (дѣятели) содѣйствовали сему благосостоянію своимъ нравственнымъ вліяніемъ, или имущественными жертвами, — при чемъ требовалось принять во вниманіе и отношеніе иновѣрной среды къ тѣмъ или другимъ сторонамъ церковно-приходской или бытовой жизни православнаго населенія. Такимъ образомъ историко-статистическое описаніе церквей и приходовъ Рижской епархіи по указанной программѣ должно было захватить церковно-приходскую жизнь со всѣхъ главныхъ сторонъ ея проявленія и развитія. Независимо

отъ сего, Комитетъ предварительно составилъ планъ, по которому бы могъ быть расположенъ собираемый историко-статистическій матеріалъ по описанію церквей и приходовъ Рижской епархіи. По сему плану Комитетомъ предположено было частному описанію церквей и приходовъ предпослать обзоръ различныхъ сторонъ церковно-исторической жизни въ предѣлахъ Рижской епархіи въ общихъ чертахъ, откуда можно бы было видѣть, какъ возгорался свѣтъ православія въ Прибалтійской окраинѣ между туземцами, какъ онъ потухалъ и опять снова возгорался и теперь сіяетъ, распространяя свои благотворные лучи на окружающую среду, какіе дѣятели стояли и стоятъ во главѣ епархіальнаго управленія и въ чемъ проявились ихъ заботы и труды на пользу православной церкви въ мѣстномъ краѣ, какое положеніе занимали и занимаютъ второстепенные дѣятели (духовенство) въ общественной средѣ, какія мѣры были употребляемы для распространенія духовнаго просвѣщенія въ народѣ, какія препятствія встрѣчала и встрѣчаетъ православная церковь въ предѣлахъ Рижской епархіи отъ иновѣрнаго общества и сектъ, выродившихся какъ на почвѣ лютеранства, такъ и православной русской церкви. Предметы эти частію уже разработаны, а частію разрабатываются членами Комитета.

Такимъ образомъ Комитетъ имѣетъ возможность приступить къ печатанію собраннаго и частію разработаннаго имъ матеріала по историко-статистическому описанію церквей и приходовъ Рижской епархіи. Комитетъ предположилъ имѣющійся въ его распоряженіи матеріалъ напечатать въ мѣстныхъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ и затѣмъ издать отдѣльными выпусками по слѣдующему плану:

I-й выпускъ. Гл. I. Географическое положеніе Прибалтійскаго края. Этнографическое описаніе Прибалтійскаго края. Племена изстари населяющія этотъ край: а) латышско-литовскія, б) эсто-финскія.

Гл. II. Отношеніе латышско-эстскихъ племенъ къ сосѣднимъ славянскимъ племенамъ. Начало христіанства между латышами и эстами до основанія г. Риги.

Гл. III. Состояніе православія между латышами и эстами со времени водворенія нѣмцевъ въ Прибалтійскомъ краѣ до присоединенія Ливоніи къ Россіи.

Гл. IV. Присоединеніе Ливоніи къ Россіи и состояніе православія до обращенія эстовъ и латышей въ православіе въ 1841 г. Управление православной церкви въ Прибалтійскихъ губерніяхъ со времени присоединенія Ливоніи до открытія викаріатства въ г. Ригѣ.

Выпускъ II-й. Открытіе Рижскаго викаріатства и первые викарные епископы: 1) Епископъ Иринархъ, 2) Епископъ Филаретъ (біографическій очеркъ того и другого съ раскрытіемъ особенной ихъ дѣятельности въ предѣлахъ Рижской епархіи). Открытіе самостоятельной Рижской епархіи. Составъ и предѣлы ея. Рижскіе іерархи: 1) Архіепископъ Платонъ, 2) Епископъ Веніаминъ, 3) Епископъ Серафимъ, 4) Епископъ Филаретъ, 5) Епископъ Донатъ, 6) Епископъ Арсеній. Біографическіе очерки сихъ Архипастырей съ описаніемъ ихъ пастырской дѣятельности въ предѣлахъ Рижской епархіи.

Всего стр 201 + 218 = 419

Выпускъ III-й. Гл. I. Духовное правленіе во время Рижскаго викаріатства. Гл. II. Епархіальное духовенство — пришлое и туземное. Гл. III. О способѣ просвѣщенія духовенства и народа. Гл. IV. О построеніи церквей и школьно-молитвенныхъ домовъ и причтовыхъ помѣщеній въ Рижской епархіи. Гл. V. Отношеніе иновѣрцевъ къ православію въ предѣлахъ Прибалтійскаго края съ 1841 г. Гл. VI. Раскольники г. Риги. Гл. VII. Религіозныя секты, развившіяся на почвѣ лютеранства въ предѣлахъ Прибалтійскаго края.

Выпускъ IV-й. Историко-статистическое описаніе православныхъ церквей и приходовъ Лифляндской губерніи.

Отдѣлъ I. 1) Губернскій городъ Рига. Географическое положеніе Риги, обусловливающее развитіе ея благосостоянія. Народонаселеніе г. Риги. Процентное отношеніе русскихъ къ туземцамъ. Положеніе православныхъ въ отношеніи къ иновѣрцамъ. Общій очеркъ православныхъ церквей и приходовъ.

II. Уѣзды: Рижскій. Общій очеркъ. Географическое положеніе уѣзда и этнографическое описаніе его. Господствующіе языки, образъ жизни и занятій населенія. Общій историческій очеркъ положенія православія въ предѣлахъ уѣзда. Степень образованности населенія уѣзда. Сельскія церкви Рижскаго уѣзда.

Отдѣлъ II. Уѣзды: 1) Венденскій, 2) Валкскій, 3) Вольмарскій, 4) Верроскій, 5) Перновскій, 6) Феллинскій, 7) Дерптскій, 8) Аренсбургскій. Общій очеркъ каждаго уѣзда въ отдѣльности по тому же плану, какъ выше сказано о Рижскомъ уѣздѣ. Церкви въ уѣздныхъ городахъ и сельскія.

Выпускъ V-й. Историко-статистическое описаніе православныхъ церквей и приходовъ Курляндской губерніи: I) Губернскій городъ Митава. Описаніе г. Митавы по плану описанія г. Риги. II. Уѣзды: 1) Добленскій (Митавскій), 2) Баусскій, 3) Виндавскій, 4) Гольдингенскій, 5) Газенпотскій, 6) Гробинскій (Либавскій), 7) Туккумскій, 8) Тальсенскій, 9) Якобштадтскій, 10) Фридрихштадтскій, 11) Илукетскій. Общій очеркъ описанія ихъ по плану описанія Рижскаго уѣзда. Церкви въ уѣздныхъ городахъ и сельскія.

Выпускъ VI. Историко-статистическое описаніе православныхъ церквей и приходовъ Эстляндской губерніи. I. Губернскій городъ Ревель. II. Уѣзды: 1) Ревельскій, 2) Везенбергскій, 3) Вейсенштейнскій, 4) Гапсальскій. Балтійскій портъ, острова — Даго, Вормсъ. Общій очеркъ описанія ихъ по плану описанія г. Риги и Рижскаго уѣзда. Церкви въ Ревелѣ, уѣздныхъ городахъ и сельскія.

Историко-статистическій матеріалъ, расположенный по сему плану, дастъ возможность начертить болѣе или менѣе цѣльную и всестороннюю картину какъ современнаго намъ состоянія православія, такъ и древней судьбы его въ предѣлахъ Прибалтійскаго края. Матеріалъ этотъ будетъ состоять частію изъ статистическихъ цифровыхъ данныхъ, которыя дадутъ возможность читателю самому сдѣлать заключеніе о преуспѣянiяхъ православія въ Рижской епархіи, и частію будетъ предложенъ въ формѣ обработанныхъ статей. Въ первомъ случаѣ Комитетъ

поставилъ для себя неизмѣнную обязанность цифровыя данныя или единичные факты, относящіеся къ уясненію той или другой стороны состоянія церквей и приходовъ Рижской епархіи, собрать, насколько можно, полно, точно и согласно съ дѣйствительностію, въ послѣднемъ же взялъ на себя трудъ обобщить единичные факты и такимъ образомъ разобраться въ сыромъ матеріалѣ архивнаго хранилища. Конечно, трудъ этотъ требуетъ тонкаго анализа историческаго матеріала, правильной оцѣнки его, основательности общихъ выводовъ изъ частныхъ фактовъ, словомъ — научныхъ приѣмовъ въ разработкѣ архивныхъ документовъ. Съ этой стороны Комитетъ постарается исполнить свою задачу настолько, насколько достанетъ у него наличныхъ силъ, призванныхъ къ участию въ его дѣятельности. По крайней мѣрѣ, Комитетъ позволитъ себѣ надѣяться, что его трудъ по важности предмета благосклонно будетъ принятъ читателемъ, интересующимся судьбою православія въ предѣлахъ Прибалтійскаго края.

Съ Божіею помощію приступаемъ къ печатанію историко-статистическаго описанія церквей и приходовъ Рижской епархіи по вышеизложенному плану.

Географическое положеніе Прибалтійскаго края и общее понятіе о немъ *).

Прибалтійскимъ краемъ называется сѣверо-западная окраина Россіи, прилегающая къ юго-восточному берегу Балтійскаго моря и простирающаяся по берегу моря отъ рѣки Наровы до Полангена. Съ сѣверо-востока край этотъ граничитъ С.-Петербургскою губерніею, съ юго-востока — Псковскою, съ юга — Витебскою и Ковенскою, а съ сѣверо-запада — Балгійскимъ моремъ и его заливами. Прибалтійскій край въ настоящемъ своемъ видѣ занимаетъ пространство въ 1639 квадратныхъ миль; если же присоединить къ нему также такъ называемую Польскую

---

*) Статья эта составлена протоіереемъ І. Линденбергомъ.

Лифляндію, входившую въ составъ древней Ливоніи, а нынѣ принадлежащую къ Витебской губерніи, то все пространство края составитъ 1700 квадратныхъ миль. Въ административномъ отношеніи Прибалтійскій край раздѣляется на три губерніи: Эстляндскую, Лифляндскую и Курляндскую.

Жителей во всѣхъ трехъ Прибалтійскихъ губерніяхъ считается въ настоящее время до 2 милліоновъ 200 тысячъ, изъ коихъ главную массу составляютъ латыши (слишкомъ 1 милліонъ) и эсты (слишкомъ 900 тысячъ), почему и весь край называется эсто-латышскимъ. Эсты занимаютъ всю Эстляндскую губернію, съ островомъ Даго и другими мелкими островками Балтійскаго моря у Эстляндскаго берега, и слѣдующіе уѣзды Лифляндской губерніи: Дерптскій, Верроскій, Феллинскій, Перновскій и часть Валкскаго, и Лифляндскіе острова Балтійскаго моря: Эзель, Моонъ и Кюно. Латыши занимаютъ всю Курляндію и уѣзды Лифляндіи — Рижскій, Венденскій, Вольмарскій и большую часть Валкскаго. Кромѣ латышей и эстовъ въ краѣ живетъ до 200,000 тысячъ нѣмцевъ, 35,000 русскихъ, 20,000 евреевъ и на островахъ: Руно, Вормсъ и другихъ мелкихъ островахъ 5,500 шведскихъ крестьянъ. Нѣмцы, русскіе и евреи живутъ преимущественно въ городахъ и занимаются торговлею и ремеслами. Изъ 200,000 нѣмцевъ въ деревняхъ живетъ только 16,000 человекъ. Коренными нѣмцами можно считать не болѣе 100,000 человекъ, остальные 100,000 составились изъ онѣмеченныхъ латышей, эстовъ и евреевъ *). По религіи нѣмцы, шведы и большинство латышей и эстовъ — протестанты. Православныхъ — русскихъ эстовъ и латышей вмѣстѣ считается слишкомъ 200,000 душъ. Изъ нихъ русскіе живутъ большею частію въ городахъ и въ селахъ по берегу озера Пейпуса, а православные латыши разсѣяны между лютеранами преимущественно въ Лифляндской губерніи. По занятіямъ нѣмцы — землевладѣльцы, чиновники, адвокаты и пасторы; недворяне нѣмцы — купцы,

---

*) См. Учебная книга Географіи Е. А. Лебедева, Россійская Имперія, 14-е изданіе 1837 г., стран. 152.

фабриканты и ремесленники. Все сельское, крестьянское сословіе составляютъ латыши и эсты.

Эсто-латышскій край, какъ край приморскій, въ климатическомъ отношеніи вполне зависитъ отъ моря. Онъ подверженъ холоднымъ восточнымъ и сѣверо-западнымъ вѣтрамъ и потому климатъ его отличается суровостію и сыростію. Испаренія, приносимыя съ Атлантическаго океана и Балтійскаго моря почти постоянно дующими здѣсь сѣверо-западными вѣтрами, выпадая въ значительномъ количествѣ, образуютъ излишекъ сырости, множество болотъ и озеръ и дѣлаютъ воздухъ влажнымъ, отъ чего лѣтомъ здѣсь холоднѣе, а зимою теплѣе, чѣмъ въ мѣстахъ, лежащихъ восточнѣе подъ той же широтой. Этотъ же излишекъ сырости дѣлаетъ весну и осень очень длинными и весьма переменчивыми, вслѣдствіе чего сильно распространены болѣзни простудныя, горловые и чахотка, которыя ежегодно уносятъ въ могилу множество людей.

Эстляндская губернія, составляющая сѣверную часть края, суровѣе по климату и бѣднѣе по плодородію, нежели Лифляндская и Курляндская губерніи. Почва въ ней состоитъ изъ известковаго пласта, покрытаго тонкимъ слоемъ чернозема. Въ ней много болотъ, но есть и хорошіе сѣнокосы и луга. Судоходныхъ рѣкъ и озеръ въ ней нѣтъ; но за то есть двѣ хорошія гавани, ревельская и балтійско-портская, соединенныя желѣзною дорогою.

Въ Лифляндской губерніи, лежащей южнѣе Эстляндской, подпочву составляетъ желто-красный песчанникъ. Въ ней ряды холмовъ пересекаются равнинами и болотами. Самая большая возвышенность Мунамяи (до 1000 фут. надъ уровнемъ моря) находится въ Верроскомъ уѣздѣ, въ 16-ти верстахъ отъ гор. Верро, у имѣнія Гаангофъ. Болѣе плодородная почва въ Лифляндіи находится у береговъ Западной Двины и въ уѣздахъ Вольмарскомъ и Феллинскомъ; самая неплодородная земля находится близъ песчаныхъ береговъ моря и въ торфяно-болотистомъ Перновскомъ уѣздѣ. Вообще вся западная береговая полоса Лифляндіи низменна, покрыта болотами, сырыми лугами и полосами песку, который западными вѣтрами гонится внутрь

страны и заноситъ плодородныя поля, такъ что въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ принимаютъ мѣры для закрѣпленія его посредствомъ плетней, посадки кустарниковъ и сорныхъ травъ. Для осушенія мѣстности жители усердно проводятъ рвы и каналы; но сырой, дождливый климатъ препятствуетъ успѣху этихъ мѣръ. Восточная часть Лифляндіи возвышенна и состоитъ изъ песчаной или глинистой почвы, удобной для земледѣлія и скотоводства. Южная часть Лифляндіи, между рѣками Западною Двиною и Трейдень Аа, въ особенности въ окрестностяхъ Вендена, представляетъ необыкновенное разнообразіе: горы, во многихъ мѣстахъ отвѣсно стоящія, холмы, покрытые орѣшникомъ, дубомъ и лиственными деревьями, въ долинахъ зеленѣющія поля и луга, между горами и холмами озера, множество красивыхъ и богатыхъ мызъ даютъ всей этой странѣ особую прелесть, такъ что, по множеству очаровательныхъ видовъ, ее справедливо называютъ Ливонскою Швейцаріею. Между озерами Лифляндіи замѣчательны Пейпусъ или Чудское озеро, *Вириъ-ярвъ* и *Буртнікъ* (древнее эстское Асти-ярвъ, т. е. озеро *Асти*, а изъ рѣкъ Западная *Двина*, впадающая подъ Ригю въ Рижскій заливъ, *Эмбахъ*, втекающій въ озеро Пейпусъ и служащій такимъ образомъ воднымъ путемъ между Дерптомъ и Псковомъ, *Трейдень-Аа* или древняя Говья (по эстски Койва) и *Пернава*, устье которой служитъ гаванью. Лифляндскіе острова Эзель и Моонъ, какъ почвою, такъ и плодородіемъ походятъ на Эстляндскую губернію.

Въ Курляндской губерніи подпочва похожа на Лифляндскую, но съ большимъ наноснымъ слоемъ глины, очень удобнымъ для сѣянія пшеницы, въ особенности въ плодородной Митавской и Баусской равнинѣ. Хорошіе сады, поля и луга встрѣчаются также по теченію рѣки Виндавы, отъ чего мѣстность эта называется садомъ Курляндіи. Приморская береговая полоса Курляндіи также песчана, какъ и въ Лифляндіи. Изъ Курляндскихъ рѣкъ можно упомянуть только Бальдеръ-Аа или Муху, впадающую однимъ рукавомъ въ Рижскій заливъ, а другимъ въ Двину у Динаминда, и Виндаву, устье которой составляетъ самую лучшую гавань во всемъ краѣ, которая никогда

не замерзаетъ, но пороги рѣки у Гольдингена мѣшаютъ ей сдѣлаться судоходною во всемъ протяженіи.

Соединительными путями Прибалтійскаго края съ внутренними губерніями служатъ рѣки Западная Двина и Эмбахъ съ озеромъ Цейпусомъ и желѣзныя дороги — Риго-Динабургская, Либаво-Роменская, Исково-Рижская и Балтійская.

Народонаселеніе Прибалтійскаго края занимается главнымъ образомъ земледѣліемъ и скотоводствомъ. Земледѣліе въ помѣщичьихъ имѣніяхъ можетъ считаться лучшимъ въ Россіи. У помѣщиковъ въ ихъ имѣніяхъ введены многопольная, плодоперемѣнная система, травосѣяніе, поливаніе луговъ, усовершенствованныя земледѣльческія орудія и другія полезныя нововведенія. И крестьяне, въ особенности собственники, слѣдуя примѣру помѣщиковъ, вводятъ у себя многопольное хозяйство, травосѣяніе, посадку картофеля въ большомъ размѣрѣ, который идетъ на винокуреніе въ краѣ, и сѣютъ много льна (въ особенности въ Феллинскомъ уѣздѣ), который составляетъ важнѣйшую статью вывоза за границу. Скотъ у крестьянъ во многихъ мѣстахъ хорошій, туземной породы, въ особенности славятся эзельскія лошади и быки; у помѣщиковъ же породы скота иностранныя: шотландская, голландская и швейцарская. Въ послѣднія десятилѣтія не только въ Лифляндіи, но даже въ Эстляндіи стали съ успѣхомъ разводить стада тонкорунныхъ овецъ — меринось. Улучшенное овцеводство дало возможность устроить въ краѣ значительныя суконныя фабрики, между которыми замѣчательны въ Перновскомъ уѣздѣ Цинтенгофская и Квелленштейнская. Эсто-латышскій край можетъ похвалиться также своимъ лѣсоводствомъ. Лѣса раздѣлены на участки, вырубка которыхъ производится по одному въ годъ, такъ что при окончаніи послѣдняго участка, первый уже вырастаетъ и потому край обезопасенъ отъ конечнаго истребленія лѣсовъ, хотя въ послѣднее время мѣстныя газеты стали жаловаться на беспощадное истребленіе нѣкоторыми помѣщиками своихъ лѣсовъ. Благодаря сохраненію лѣсовъ, въ краѣ водятся еще медвѣди, лоси, дикія козы и лисицы. Въ краѣ, въ городахъ и въ дворянскихъ имѣніяхъ много винокуренныхъ и пивоваренныхъ заводовъ. Есть также хорошія

фабрики въ имѣніяхъ нѣкоторыхъ помѣщиковъ, въ особенности въ эстской половинѣ края, напр. суконныя фабрики Цинтенгофъ и Квелленштейнъ (какъ выше сказано), стеклянныя Лелльская и Феннернская въ Перновскомъ уѣздѣ, зеркальныя и другія въ Феллинскомъ уѣздѣ.

При скудости своей почвы и суровости климата Прибалтійскій край могъ оживиться только упорнымъ трудомъ человѣка и близостью моря. Если земля дастъ что либо земледѣльцу, то только благодаря тщательной обработкѣ и удобренію ея. Всякій земледѣлецъ здѣсь дорожитъ навозомъ, какъ хлѣбомъ; если навозу скота не хватаетъ для удобренія полей, онъ вывозитъ тогда на поля свои морскую грязь, перегной изъ разныхъ ямъ и прудовъ, а если и послѣднихъ не хватаетъ, то покупаетъ въ городѣ суперфосфатъ. Судостроеніе, судоходство и рыболовство по морю, озерамъ и рѣкамъ, текущимъ въ нихъ, доставляютъ прибрежнымъ жителямъ значительныя заработки. Но такъ какъ вся земля въ краѣ составляетъ собственность дворянства и крестьяне поземельною собственностію не надѣлены, то большая часть крестьянскаго эсто-латышскаго населенія, за исключеніемъ дворохозяевъ-арендаторовъ и немногихъ дворохозяевъ-собственниковъ, состоитъ изъ безземельныхъ батраковъ и бобылей, кои за ничтожное вознагражденіе нанимаются работниками на мызахъ у помѣщиковъ и въ деревняхъ у дворохозяевъ или же переселяются въ города работниками на фабрикахъ и заводахъ. И такъ какъ число бобылей и батраковъ съ каждымъ годомъ увеличивается и экономическое положеніе ихъ становится вмѣстѣ съ тѣмъ труднѣе и невыносимѣе на родинѣ, то они вынуждаются ежегодно въ значительномъ числѣ выселяться изъ края во внутреннія губерніи Россіи, гдѣ уже во многихъ мѣстахъ образовались цѣлыя колоніи эстовъ и латышей, напр. въ губерніяхъ Псковской, Витебской, Новгородской, Саратовской, Самарской, Симбирской, Ставропольской, Минской, Могилевской, въ Крыму и на Кавказѣ. Въ послѣдніе годы многіе латыши переселились даже въ Америку

Этнографическое описаніе Прибалтійскаго края. Племена, изстари населяющія этотъ край.

а) Латышско - Литовскія племена: ихъ характеръ и бытовая сторона, ихъ занятія, нравы и обычаи, религія, гражданское и политическое положеніе *).

Самыя древнія свѣдѣнія о нынѣшнемъ Прибалтійскомъ краѣ и его обитателяхъ встрѣчаются у римскихъ и отчасти греческихъ писателей; но эти свѣдѣнія до того отрывочны, неопредѣленны и темны, что по нимъ трудно судить, какія собственно племена входили въ составъ этого края и гдѣ они жили. Судя по отрывочнымъ указаніямъ и намекамъ, можно полагать, что древніе писатели не дѣлали строгаго племеннаго различія между его жителями, а смотрѣли на всѣхъ, какъ на одно племя, присвоя имъ общее названіе то Вендовъ, то — Эстовъ. Поэтому этимъ свѣдѣніямъ нельзя придавать серьезнаго значенія. Болѣе подробныя и точныя историческія данныя о Прибалтійскомъ краѣ начинаются лишь съ прибытіемъ сюда нѣмцевъ въ XII вѣкѣ. Въ хроникахъ, замѣткахъ и письмахъ этого времени мы находимъ уже не только подробное перечисленіе народовъ, населявшихъ этотъ край, но и указаніе на ихъ мѣстопребываніе и племенное различіе. Главнымъ источникомъ этихъ свѣдѣній, безъ сомнѣнія, является хроника Генриха Латыша. Но и этотъ главный и почти единственный древній источникъ, излагающій собственно исторію покоренія нѣмцами Прибалтійскаго края и обращенія туземцевъ въ христіанство, очень мало касается внутреннихъ сторонъ жизни и дѣятельности его жителей. Поэтому эти свѣдѣнія приходится почерпать изъ источниковъ еще болѣе позднихъ *).

---

*) Статя эта составлена Я. Крауклисомъ.

*) Источниками этихъ свѣдѣній могутъ служить слѣдующіе авторы: D. Fabricius, I. Menesius и Einhorn, см: *Scriptores rerum Livonicarum*; I. Lasicius: *De diis Samogitarum*, Th. Hiarn: *Gesch. Ebsth-Lyf und Lettland*; Fr. Nyenstädt: *Livlandische chronik*; Voigt: *Preus. Gesch.*; Kruse: *Urgesch.*; E. Merkel: *Die Letten in Liefland am Ende des philosoph Jahrhund*; Pfingsten: *Über die Feste der alten Letten*; O. Rutenberg и Richter *Geschichte der Ostsee prov*; наконецъ Brandis, Bergmann, Е. Чешинъ и др.

По изслѣдованіямъ ученыхъ, въ составъ коренныхъ жителей Прибалтійскаго края латышско-литовскаго племени входили слѣдующія народности: Венды, Куры или Куроны, Селоны, Самагиты и Летгалы.

Венды (по русск. лѣтоп. *Весъ*) занимали прибрежную полосу въ Курляндской губерніи, отъ нынѣшняго гор. Виндавы до Ковенской губерніи, между рѣкою Виндавою и побережіемъ Балтійскаго моря. Этотъ округъ былъ огражденъ замками: Гробиномъ, Кульдигою (Гольдингенъ), Вентеспильсомъ (Виндава), Кретенемъ, Ампиленомъ, Мутене, Грезеномъ, Амботеномъ и Асеботеномъ; на развалинахъ иервыхъ трехъ впослѣдствіи возникли города съ сохраненіемъ древнихъ названій, остальные же были разрушены нѣмцами.

Къ востоку отъ Вендовъ жили *Курры* или *Куроны* (по русск. лѣтоп. *Корсы*), отъ которыхъ получила свое названіе Курляндская губернія. Древнихъ Куровъ нѣкоторые относятъ къ финскому племени, будто бы впослѣдствіи вытѣсненныхъ, или смѣшавшихся съ латышско-литовскими племенами при движеніи послѣднихъ съ юга. Но основанія, приводимыя въ подтвержденіе такого мнѣнія, мало убѣдительны. Границы Куровъ на востокъ простирались отъ рѣки Виндавы, съ Ковенской губерніи, до нынѣшняго города Шлока. Вся страна по правому берегу рѣки Виндавы съ довольно значительнымъ угломъ, врѣзывающимся въ Балтійское море, за исключеніемъ только узкой прибрежной полосы около Домеснеса, населенной Ливами, была мѣстопробываніемъ этого племени. Эта область была защищена замками: Тальсеномъ, Лазеномъ, Меркесомъ и Синтелесомъ, изъ которыхъ только первый сохранилъ свое названіе.

Далѣе, къ востоку отъ Куровъ, по побережью Балтійскаго моря и вверхъ по лѣвому берегу Двины, до нынѣшняго гор. Фридрихштадта, всю Курляндскую губернію населяли *Земалы*, довольно многочисленное племя, укрѣпившее свою бласть пятью замками: Боботеномъ, Добленомъ, Раkenомъ, Ратеомъ и Сидобреномъ, изъ которыхъ уцѣлѣло только названіе Доблена.

Къ югу отъ вышеупомянутыхъ племенъ, отчасти въ Курляндской и отчасти въ Ковенской губерніяхъ, жило племя *Са-*

маитовъ или *Самогитовъ*, остатки котораго встрѣчаются и до настоящаго времени, только съ польскимъ названіемъ „Жмудъ“.

Въ сосѣдствѣ съ земгалами, по направленію къ востоку, по лѣвому и отчасти правому берегу Двины жили *селоны* или зельбургскіе латыши, поселки которыхъ простирались до границъ полоцкихъ кривичей. Этотъ народъ больше сохранилъ на себѣ оттѣнокъ древнихъ литовцевъ, такъ что до сихъ поръ рѣзко отличается по языку отъ другихъ латышей, которые въ насмѣшку ихъ называютъ „*maleneeschi*“ — украинцами *). У селоновъ былъ укрѣпленный замокъ *Селтильсъ*, упоминаемый и у Генриха Латыша.

Наконецъ самымъ многочисленнымъ латышско-литовскимъ племенемъ были *летгалы* или собственно латыши, именемъ которыхъ впослѣдствіи стали называться все латышско-литовскія племена Прибалтійскаго края. Ихъ границы тянулись отъ Полоцкаго княжества, по правому берегу Двины до Кокенгузена, отсюда направлялись внутрь Лифляндской губерніи и шли почти прямою полосой къ Буртнекому озеру, къ Руену, затѣмъ на востокъ — къ Валку, Мариенбургу — до Псковскаго княжества. На сѣверѣ границы древнихъ латышей, насколько позволяютъ судить историческія данныя, кончались почти тамъ же, гдѣ въ настоящее время; только на западѣ, начиная съ Кокенгузена, побережіе Балтійскаго моря населяли ливы. Въ этой области было четыре замка: Антине, Беверинъ, Сотекле и Венденъ, построенный частью вытѣсненныхъ изъ Курляндской губерніи вендовъ, отъ которыхъ онъ получилъ свое названіе.

Вопросъ о *происхожденіи* и первоначальномъ мѣстопребываніи латышей, до прихода ихъ въ нынѣшнія Прибалтійскія губерніи, подвергался и теперь еще подвергается различнымъ толкованіямъ. Одни производили ихъ отъ римлянъ, другіе — отъ македонянъ, третьи — отъ евреевъ, четвертые — отъ сарацинъ и пр. Изъ множества мнѣній и предположеній, на которыхъ каждый изслѣдователь старался обосновать происхожденіе

---

*) Впрочемъ это прозвище присвояютъ всеѣмъ пограничнымъ латышамъ, разговорная рѣчь которыхъ рѣзко отличается отъ литературнаго языка.

латышей, большинство страдаетъ отсутствіемъ всякой серьезности. Къ числу таковыхъ, между прочимъ, относится мнѣніе о происхожденіи латышей отъ евреевъ. У латышей былъ обычай во время празднествъ приносить въ жертву богамъ ягненка (Jehrs), при чемъ, во время закланія его жрецомъ, народъ воспѣвалъ гимны, въ которыхъ упоминали и приносимаго въ жертву ягненка (jehru). Сходство жертвъ древнихъ латышей съ еврейскими и особенно частое упоминаніе на празднествахъ слова, „jehru, jehru“, дало поводъ наивнымъ толкователямъ дѣлать заключеніе, что латыши вспоминаютъ свое древнее отечество — Іерусалимъ, слѣд. они происходятъ отъ евреевъ. Въ послѣднее время стало поддерживаться мнѣніе, что древнимъ мѣстопробываніемъ латышско-литовскихъ племенъ, какъ и другихъ народовъ, была Азія. Въ подтвержденіе сего, между прочимъ, ссылаются на тотъ фактъ, что еще недавно учеными путешественниками около Гималайскихъ горъ было открыто племя, имѣющее много сходнаго по языку съ латышами и литовцами. Отсюда дѣлаютъ выводъ, будто латыши вышли изъ Азіи и поселились на занимаемыхъ ими теперь мѣстахъ еще во время великаго переселенія народовъ. Этою гипотезою главнымъ образомъ хотятъ доказать самобытность латышскаго племени; изъ русскихъ ученыхъ такого мнѣнія, между прочимъ, придерживается Булгаринъ *). Но откуда ни производили бы латышей, всѣ данныя, какъ мы увидимъ, на сторонѣ того мнѣнія, что латыши составляютъ отрасль великаго славянскаго племени, только рано отдѣлившася отъ него, и потому, подъ вліяніемъ различныхъ историческихъ обстоятельствъ и вслѣдствіе столкновенія и сосѣдства съ другими неславянскими племенами, принявшаго настоящій свой видъ. Дѣлать такое заключеніе даютъ право ихъ языкъ, нравы, обычаи и отчасти религія. Поэтому и происхожденіе латышей лучше всего искать въ исторіи происхожденія славянъ.

Древніе латыши говорили *языкомъ* очень сходнымъ съ *языкомъ* славянъ. Это подтверждаетъ, между прочимъ, тотъ фактъ,

---

*) Россія въ историч., стат., геогр. и литерат. отнош. Ч. I, стр. 149.

что до сихъ поръ латышскій языкъ заключаетъ въ себѣ больше половины (около $\frac{3}{5}$) чисто славянскихъ корней, а остальная часть составляетъ смѣсь языковъ нѣмецкаго, латинскаго и эстскаго, вообще тѣхъ народовъ, съ которыми больше всего имъ въ послѣдствіи приходилось сталкиваться.

По *внѣшности* древніе латыши были высоки ростомъ, плечисты, съ голубыми глазами, свѣжимъ цвѣтомъ лица и бѣлокурыми волосами, вившимися у нихъ по плечамъ. Волосъ латыши никогда не стригли, а равно и не брили бороды. Длинная борода у древнихъ латышей, какъ и у славянъ, всегда считалась украшеніемъ человѣка; поэтому на нее они обращали особое вниманіе и дорожили ею. Только отъявленному преступнику или вору брили бороду въ наказаніе. Такой человѣкъ среди латышей считался совершенно опозореннымъ; онъ не смѣлъ показываться въ народныхъ собраніяхъ и всякій избѣгалъ встрѣчи съ нимъ.

Въ *одеждѣ* латышей, въ противоположность эстамъ, преобладалъ свѣтло-сѣрый цвѣтъ, какъ и у славянъ. Зимой какъ мужчины, такъ и женщины одѣвались въ широкія шубы, обтянутыя поясомъ, а лѣтомъ—въ болѣе узкія холщовыя или шерстяныя одежды. Въмѣсто пуговицъ употребляли тесемки, поясы, брошки и крючки. Обувью служили или кожаные или сплетенные изъ лыка лапти (*pastala*), которые привязывались къ ногамъ на подобіе древне-греческихъ сандалій. Головы замужнихъ женщинъ покрывались холщовыми чепцами, дѣвицы же носили длинныя косы и кофты, опоясанныя поясомъ съ бубенчиками, а голову украшали вѣнками изъ полевыхъ цвѣтовъ. Даже молодая замужняя женщины до тѣхъ поръ должны были носить на головѣ вѣнокъ, пока не удостоились званія матери рожденіемъ сына; ихъ можно было отличить отъ дѣвицъ только по обстриженнымъ волосамъ и по поясу безъ бубенчиковъ.

Жили древніе латыши не селами или деревнями, какъ русскіе, а отдѣльными, разбросанными хижинами. Такая раздробленность объясняется тѣмъ, что, при населеніи этого края, каждая отдѣльная семья, избравъ себѣ подходящій кусокъ земли, годный для обработыванія, тутъ же останавливалась, воздѣлы-

вала его подъ пашню и воздвигала себѣ необходимыя постройки. Самыя жилища древніе латыши строили изъ бревенъ, наложенныхъ одно на другое и щели проконопачивали мохомъ. Крышу, касавшуюся часто земли, покрывали или древесною корою или соломой. Внутреннее устройство жилища отличалось первобытною простотою; посреди избы, въ нѣкоторомъ углубленіи въ полу, помѣщался очагъ, дымъ отъ котораго наполнялъ всю избу во время топки, такъ какъ въ то время не имѣли понятія о трубахъ. Окнами служили устроенныя въ стѣнѣ отверстія съ деревянною задвижкою, изъ которыхъ выпускали и дымъ во время топки очага.

По *природѣ* древніе латыши были миролюбивы, добродушны, откровенны, незлопамятны, готовы при первой ласкѣ обидчика забыть нанесенную обиду и мириться съ врагомъ. Этою чертою *характера* главнымъ образомъ объясняется тотъ фактъ, что латыши первые подпали подъ иго нѣмцевъ и раньше эстовъ приняли христіанство. Но, конечно, и латыши платили дань своему времени. Грубость и жестокость нравовъ, царившія надъ всѣми народами язычества, не избѣгли и ихъ. Примѣровъ жестокаго обращенія съ плѣнными въ хроникѣ Генриха Латыша встречаемъ довольно много. Особенно они жестоко обращались съ плѣнными нѣмцами, когда поняли ихъ двоедушіе и съ оружіемъ въ рукахъ должны были отстаивать свою свободу и собственность. Рисуя характеръ древнихъ латышей, писатели находятъ, что они, соотвѣтственно своему свѣтлому платью, были веселѣе, бодрѣе и предприимчивѣе эстовъ. Вселое и бодрое настроеніе, особенно на празднествахъ, любовь къ пѣнію, музыкѣ, остротамъ и пляскамъ выставляются отличительными чертами древнихъ латышей. Эти же черты уцѣлѣли до настоящаго времени. И въ настоящее время ихъ собранія и общества не мыслимы безъ пѣнія, музыки, остротъ и плясокъ, а эти черты несомнѣнно наиоминають родство латышей со славянами.

Отличаясь сравнительно мягкостью характера, древніе латыши были крѣпкаго *тѣлосложенія* и достигали глубокой старости; столѣтній возрастъ и болѣе у нихъ былъ явленіемъ обыкновеннымъ. Послѣднее обстоятельство объясняется просто-

тою ихъ образа жизни и привычкою переносить холодъ и зной. Древніе латыши, подобно Спартанцамъ, съ малолѣтства пріучали своихъ дѣтей ко всякимъ перемѣнамъ температуры; они мало обращали вниманія на одежду и обувь дѣтей, а въ стужу и зной выгоняли ихъ на дворъ босыми и почти голыми. Закаленность ихъ природы видна изъ того, что, по свидѣтельству Эйнгорна, они въ суровую зимнюю стужу выходили изъ горячей бани, бросались въ холодную воду или валялись въ снѣгу, — обычай существующій и до сихъ поръ, — затѣмъ здоровыми и невредимыми отправлялись въ свои хижины. О предметахъ роскоши и удобствахъ жизни они не имѣли никакого понятія. Этимъ и объясняется, что среди латышей было мало больныхъ; если и выпадали случаи заболѣванія, то лучшимъ лекарствомъ у нихъ, какъ и у славянъ, служила жаркая баня, въ которой знахари и знахарки треніемъ, выпрямленіемъ членовъ и разными причитываніями производили свои опыты леченія.

Не менѣе способствовала ихъ крѣпкому тѣлосложенію и долговѣчности простота *пищи*. Питались латыши всѣмъ, что добывали трудами своихъ рукъ. Какъ народъ земледѣльческій, они главнымъ образомъ поддерживали свое существованіе хлѣбомъ ржанымъ, ячменнымъ, гречневымъ и пшеничнымъ; изъ ячменя и гречихи пекли круглыя лепешки, которыя считались ихъ любимымъ кушаньемъ. Эйнгорнъ указываетъ, что въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ употребляли въ пищу вареную, немолотую рожь и пшеницу (русское сочиво), смѣшанную съ коноплянымъ сѣменемъ; такое блюдо подавали на столъ даже на пиршествахъ. Приправою къ хлѣбу служило толченное конопляное сѣмя, молоко, горохъ и бобы. Такъ какъ латыши занимались скотоводствомъ и лѣса изобиловали дичью, а рѣки рыбою, то въ пищу, конечно, они употребляли также мясо животныхъ и рыбу; мясо обыкновенно жарили на раскаленныхъ камняхъ; рыбу же варили въ сосудахъ, приготовленныхъ изъ древесной коры. Сосудъ съ рыбою наполняли водою и туда бросали раскаленные камни; по словамъ Эйнгорна, рыба, приготовленная такимъ способомъ, имѣла казалась вкуснѣе, чѣмъ сваренная въ глиняномъ сосудѣ. Кромѣ того они осенью собирали дикіе яблоки, рябину и чере-

муху, которыя замораживали и употребляли въ пищу зимою. Соль получали отъ сосѣднихъ племенъ въ обмѣнъ на произведе- нія своей страны.

Изъ *напитковъ* древнихъ латышей всеобщю извѣстностью пользовался конопляный сокъ, употребляемый во многихъ мѣ- стахъ и въ настоящее время. Богачи и знать приготавливали осо- бый родъ шипучаго и хмѣльнаго напитка изъ крови животныхъ и кобыльаго молока. Но нужно думать, что этотъ напитокъ впоследствии вышелъ изъ употребленія, такъ какъ о немъ не упоминается въ позднѣйшихъ хроникахъ. Кромѣ того древніе латыши очень любили кленовый и березовый сокъ, который спускали изъ деревъ весною, въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, и доводили до броженія въ особыхъ сосудахъ. Но самыми любимыми ихъ на- питками были пиво и медъ, собственнаго приготавленія. Ни одно празднество, ни одно жертвоприношеніе не обходилось безъ пива и меду. У нихъ былъ даже особый богъ покровитель пчелъ — Узиньшъ. Въмѣсто стакановъ употребляли деревянные ковши и ро- га животныхъ, одинъ конецъ которыхъ былъ заткнутъ дерева- ною пробкою. По вынутіи пробки эти же рога служили музы- кальными инструментами на войнѣ, охотѣ и пирахъ.

Гостепріимство и хлѣбосольство составляли у латышей, какъ и у славянъ, выдающуюся черту. Если путешественнику слу- чалось быть въ хижинѣ латыша, его всегда встрѣчали съ ра- достью. Хозяйка усаживала его на ночетномъ мѣстѣ и предла- гала самое лучшее угощеніе; хозяинъ подносилъ ему ковшъ пива или меду, выпивъ самъ прежде изъ него въ знакъ дружбы. Ни- кто не спрашивалъ у путешественника кто онъ, откуда и куда направляется. Если гость высказывалъ въ чемъ либо свою нужду, то вполнѣ могъ рассчитывать во всемъ на поддержку и помощь. Путешественника держали въ домѣ до тѣхъ поръ, пока позво- ляли средства; затѣмъ самъ хозяинъ провожалъ его до ближай- шаго сосѣда, гдѣ его встрѣчали съ такимъ же радушіемъ. Если кто нибудь осмѣлился оскорбить гостя, то священною обязан- ностью хозяина было защититъ и отомстить за него. путеше- ственникъ, по словамъ Меркеля, врядъ ли нашелъ бы въ сво- емъ собственномъ домѣ болѣе удобный пріютъ, чѣмъ въ хижинѣ

латыша, котораго онъ, можетъ быть, первый разъ видѣлъ и никогда не увидитъ.

Не менѣе симпатичны были *взаимныя отношенія* древнихъ латышей между собою. По свидѣтельству Эйнгорна, въ ихъ средѣ рѣдко можно было встрѣтить такого бѣднаго, которому болѣе состоятельный отказалъ бы въ помощи, а равно не было развито попрошайничество, потому что, у кого ничего не было, того все принимали и держали у себя, какъ желаннаго гостя. Если у кого не было собственнаго поля, тому состоятельный предлагалъ часть своего, за что первый уплачивалъ собственнику полъ зерна съ урожая, а другую половину обращалъ въ свою пользу, какъ вознагражденіе за трудъ. Послѣдній обычай повсемѣстно сохранился до настоящаго времени. Если же кто пожелалъ бы обзавестись собственнымъ полемъ и хозяйствомъ, тотъ безпрепятственно избиралъ себѣ подходящее мѣсто, и обрабатывалъ его подъ пашню, которую считалъ священной и неприкосновеною собственностью воздѣлавшаго даже тотъ, предъ чьимъ домомъ она находилась. А обзаведеніе прочимъ хозяйствомъ и скотомъ уже не представляло затрудненія, потому что онъ всегда могъ рассчитывать на поддержку сосѣдей. Такъ, напр., у кого не было собственнаго скота или же кто вслѣдствіе какихъ либо несчастныхъ обстоятельствъ лишился его, того болѣе состоятельный сосѣдъ, при первомъ намекѣ, надѣлялъ своимъ. Пользоваться чужимъ скотомъ онъ могъ безвозмездно до третьяго приплода; если и послѣ этого онъ не пожелалъ бы возвратить данный ему скотъ, то могъ оставить его за собою, только половину его стоимости уплативъ собственнику хлѣбомъ. Вообще взаимопомощь, довѣріе другъ къ другу до того были развиты между древними латышами, что они никогда не замыкали ни жилищъ, ни клѣтей, ни амбаровъ, а всегда оставляли ихъ безъ запоровъ. Безумнымъ или крайне испорченнымъ человѣкомъ считался бы тотъ, кто для удовлетворенія своихъ потребностей и прихотей, пустился бы на воровство, между тѣмъ какъ ему нужно было только намекнуть своему сострадательному сосѣду и его нужды были бы удовлетворены. Такое довѣріе къ честности окружающихъ, по словамъ Эйнгорна,

между латышами царило еще долго послѣ завоеванія этого края нѣмцами.

Бракъ у древнихъ латышей, по описанію Эйнгорна и Менеіуса, состоялъ въ похищеніи невѣсты. Женихъ въ сопровожденіи избранныхъ друзей отправлялся въ домъ невѣсты, оставивъ на дворѣ одного изъ нихъ. Ихъ, по обыкновенію, встрѣчали радушно и предлагали угощеніе. Но гости отказывались отъ угощенія подъ тѣмъ предлогомъ, что ихъ ожидаетъ на дворѣ товарищъ съ лошадыю и, если желаютъ, чтобы они приняли угощеніе, то пусть чрезъ свою дочь пригласятъ и его откушать вмѣстѣ. Лишь только дочь появлялась на дворъ, какъ оставшіяся тамъ соучастники схватывали ее, усаживали въ повозку и увозили въ домъ жениха, а за нимъ слѣдомъ исчезали и находившіеся въ комнатѣ. Если этимъ способомъ не удавалось увести невѣсты, то товарищи жениха скрывались гдѣ-нибудь вблизи дома невѣсты и выжидали, пока удобный случай не поможетъ напасть и увести ее съ собою. Но должно полагать, что это похищеніе было только мнимое, составляло какъ бы часть брачнаго обряда, такъ какъ есть явныя свидѣтельства, подтверждающія, что бракъ у латышей всегда совершался по любви и взаимному согласію. Исключеніе было развѣ только въ томъ случаѣ, когда родители невѣсты не соглашались на бракъ; тогда женихъ увозилъ невѣсту или силою, или хитростью и родители уже не могли расторгнуть брака.

Еще до увода въ домъ жениха, невѣста приглашала къ себѣ всѣхъ своихъ подругъ и родственницъ и въ ихъ присутствіи поднимала плачевную пѣсню, въ которой прощалась съ отцомъ, матерью, домашнимъ очагомъ, со всѣми домашними животными, за которыми ухаживала, между тѣмъ какъ подружки то плакали и сѣтовали вмѣстѣ съ нею, то опять ободряли и утѣшали ее. Въ день увода въ домъ жениха, невѣста запасалась подарками, чтобы одарить родственниковъ и друзей жениха, при чемъ тогда, какъ и теперь еще, платки и перчатки играли главную роль. Самая свадьба сопровождалась множествомъ обрядовъ и церемоній. Прежде всего жениха и невѣсту обводили трижды вокругъ очага, затѣмъ сажали на скамейку и умывали имъ ноги.

Тою же водою, въ которой мыли ноги невѣсты, обмывалось брачное ложе, вся домашняя утварь и всѣ присутствовавшие гости (Менец. гл. 22). Послѣ омовенія предъ женихомъ и невѣстою ставили столъ съ вогнутымъ предъ каждымъ изъ нихъ и приведеннымъ ударомъ руки въ колебаніе ножомъ. Но продолжительности колебанія этихъ ножей судили, кто кого переживетъ въ бракѣ. Затѣмъ къ невѣстѣ подходилъ вожатый (друга), завязывалъ ей глаза и подводилъ къ дверямъ всѣхъ хозяйственныхъ построекъ, до которыхъ она должна была дотронуться правою ногою. У каждой двери слѣдовавшіе гости обсыпали ее пшеницею, овсомъ, ячменемъ, бобами и горохомъ, причитывая, что она во всемъ этомъ не будетъ ощущать недостатка, если свято будетъ чтить вѣру своихъ отцовъ и усердно заботиться о домашнемъ хозяйствѣ. По снятіи завязки съ глазъ невѣсты, начинался всеобщій пиръ, сопровождавшійся пѣніемъ и пляскою. Брачный пиръ продолжался нѣсколько дней или, по крайней мѣрѣ, до тѣхъ поръ, пока хватало средствъ, при чемъ, по свидѣтельству Эйнгорна, пища и питье не сходили со стола. Вечеромъ среди плясокъ и пѣнія у невѣсты обстригали волосы и на голову надѣвали вѣнокъ, разукрашенный бѣлыми лентами, который, какъ уже было упомянуто, она должна была носить до тѣхъ поръ, пока не родится сынъ, ибо до тѣхъ поръ молодые жены считались дѣвицами. Наконецъ, мать невѣсты или ближайшая родственница приводила молодую къ брачному ложу и передавала ее во власть мужа, предварительно ударивъ ее троекратно.

Что же касается *семейной жизни* и семейныхъ отношеній между супругами, то тутъ царилъ полный произволъ главы семейства. При всеобщей грубости нравовъ языческаго времени, мужъ считался неограниченнымъ господиномъ надъ жизнью и смертію женъ и дѣтей. Слова мужа должны были свято исполнять жена, дѣти и домочадцы; онъ могъ ихъ ругать, бить и даже убивать, не давая въ своихъ поступкахъ никому отчета и никто не могъ обуздать его произвола. Мужъ могъ имѣть двухъ-трехъ женъ, чѣмъ, конечно, пользовались богачи; но бѣдные довольствовались только одною женою. Вообще полигамія не была развита между древними латышами, по крайней

мѣръ на это не находимъ подтвержденія въ древнихъ хроникахъ. Наоборотъ, чистота нравовъ и вѣрность супруговъ были непремѣнными условіями брачной жизни. Нарушившаго супружескую вѣрность, по древнимъ обычаямъ, сожигали живымъ на кострѣ, пепелъ его разсыпали по дорогѣ и его потомки навсегда лишались права поступить въ жрецеское званіе; также наслѣдство переходило только къ дѣтямъ отъ законнаго брака. Если же у нѣкоторыхъ и было по двѣ или по три жены, то одна изъ нихъ, особенно происшедшая отъ болѣе знатнаго рода, пользовалась всѣми преимуществами предъ другими въ домашнемъ быту и въ веденіи хозяйства, а прочія находились въ подчиненіи у первой.

Дѣтямъ при рожденіи давали имена, заимствованныя преимущественно отъ звѣрей и птицъ; названія звѣрей обыкновенно присволяли дѣтямъ мужескаго пола, а названія птицъ — дѣтямъ женскаго пола. Этими именами родители выражали свое желаніе, чтобы ихъ дѣти обладали тѣми же свойствами, какія усматривали въ животномъ, именемъ котораго прозывали новорожденного. Даже до сихъ поръ не искоренился среди латышей обычай давать, наряду съ христіанскими именами, еще прозвища, выражающія сходство извѣстнаго лица по характеру со свойствами животныхъ или птицъ. Если новорожденный мужескаго пола являлся на свѣтъ болѣзненнымъ или калѣкою, то родители, подобно древнимъ Спартамцамъ, его умерщвляли, а изъ многихъ дочерей часто оставляли дома только одну, прочихъ или продавали въ рабство или же приносили въ жертву богамъ. О первоначальномъ воспитаніи дѣтей у латышей не могло быть рѣчи; лишь по достиженіи извѣстнаго возраста ихъ начинали приучать къ занятіямъ старшихъ. Какъ мальчики, такъ и дѣвочки прежде всякой другой работы должны были пасти стада. Затѣмъ мальчиковъ приучали къ полевымъ работамъ, а дѣвочекъ — къ домашнему хозяйству: молоть хлѣбъ ручною мельницею, стряпать, прясть, ткать и пр. Наряду съ земледѣліемъ мальчиковъ обучали и ручному ремеслу.

Права наслѣдованія отцовскаго имущества у древнихъ латышей, какъ и у славянъ, переходили только къ младшему

сыну. Въ этомъ случаѣ они руководились тѣмъ соображеніемъ, что старшій сынъ при жизни отца болѣе пользовался какъ родительскимъ добромъ, такъ и его руководствомъ къ пріобрѣтенію житейской опытности, чѣмъ младшій, а потому скорѣе можетъ составить себѣ состояніе. Вмѣстѣ съ движимымъ и недвижимымъ имуществомъ въ наслѣдство къ младшему сыну переходили и мачихи, которыя дѣлались рабынями наслѣдника. Если наслѣдникъ ослушаніемъ или дурнымъ поведеніемъ разгнѣвалъ отца, то послѣдній выгонялъ его изъ дома и лишалъ наслѣдства, при чемъ актъ лишенія сопровождался особою церемоніею. Отецъ привязывалъ соломою къ шеѣ сына топоръ и обращался къ нему со слѣдующею рѣчью: „ты повинешься своему отцу не больше, чѣмъ оперившаяся птица; поэтому оставь его гнѣздо и бери съ собою столько же имущества, сколько птица даетъ своимъ птенцамъ“. Если солома рвалась до переступленія сыномъ порога, то онъ лишался даже топора.

Больные у древнихъ латышей не пользовались особымъ леченіемъ и уходомъ врачей. Какъ уже упомянуто выше, общераспространеннымъ врачевнымъ средствомъ противъ всѣхъ болѣзней считались жаркія бани, которыя у латышей, подобно славянамъ, были въ большомъ употребленіи. Если бани не могли поставить больного на ноги, то, какъ за послѣднимъ средствомъ, обращались къ содѣйствію жрецовъ, которые давали больному пепелъ съ священнаго огня бога Перкунса. Если и это средство не оказывало своего цѣлебнаго дѣйствія, то уже теряли всякую надежду на выздоровленіе больного.

Поэтому родственники считали за лучшее насильственною смертію облегчить страданіе больного: его тащили съ кровати и душили. Особенно дѣти поступали такъ со своими безнадежно больными родителями и этимъ хотѣли выразить свою преданность и любовь къ нимъ. Этотъ обычай Крузе считаетъ заимствованнымъ отъ эстовъ, но, по свидѣтельству Карамзина (т. I стр. 62), онъ былъ общъ всѣмъ славянамъ. Также на войнѣ тяжелораненныхъ добивали ихъ товарищи, о чемъ находимъ ясныя указанія въ хроникѣ Генриха Латыша. Дряхлые и слабые старики и тяжело больные часто сами себя предавали смерти.

Въ этомъ случаѣ они созывали своихъ друзей на прощальный пиръ; въ то время какъ приглашенные гости пили за доблести больного, самъ онъ, облеченный въ бѣлую одежду, лишалъ себя жизни какимъ-нибудь орудіемъ.

Тѣло умершаго облекали въ ту же одежду, которую онъ носилъ при жизни. Въ день похоронъ собирались родственники и друзья въ домъ покойнаго и, окруживъ трупъ, поднимали похоронный плачъ, причитывая: „зачѣмъ тебѣ было умирать? развѣ у тебя не было пищи или питья?“ затѣмъ, перечисливъ по порядку всѣхъ оставшихся родственниковъ, жену, дѣтей и наконецъ все имущество покойнаго, они заканчивали свои причитанія словами: „итакъ, стоило ли тебѣ умирать, имѣя все это?“ По окончаніи плача покойнику приносили различные подарки, какъ то: полотно, хлѣбъ, пиво, медъ, гребень, деньги; а женщинамъ сверхъ того—иголку съ ниткою. Этими приношеніями они имѣли въ виду удовлетворить всѣ нужды покойника послѣ смерти, такъ какъ они вѣрили, что со смертию не прекращается жизнь человѣка, хотя самое представленіе о загробной жизни было смутно и неопредѣленно. Во время господства нѣмцевъ въ этомъ краѣ, земгалы и самаиты, по свидѣтельству Лавиціуса, клали въ руки покойника еще топоръ или другое какое либо орудіе, напутствуя его слѣдующими словами: „иди, страдалецъ, изъ этой жалкой жизни въ лучшій міръ, гдѣ не нѣмцы будутъ господствовать надъ тобою, а ты будешь мучить нѣмцевъ, какъ они насъ здѣсь“. До введенія христіанства трупы мертвецовъ обыкновенно сжигались, что, безъ сомнѣнія, находилось въ связи съ боготвореніемъ огня. Пепелъ собирали въ глиняныя урны и на холмахъ закапывали вмѣстѣ съ приношеніями, какъ-выя еще и теперь часто выкапываются. Вмѣстѣ съ мужемъ, особенно умершимъ на полѣ брани, иногда сжигали и жену, слугу, любимую лошадь и собаку, о чемъ и находимъ ясныя свидѣтельства у Генриха. Обычай сжигать трупы покойниковъ должно быть исчезъ съ введеніемъ христіанства; но не вездѣ, потому что, по свидѣтельству путешественника Гиллиберта Ланноя (см. Ист. Рутенберга), онъ существовалъ еще у куровъ въ началѣ XV вѣка. Ко времени пришествія нѣмцевъ въ бѣль-

шемъ распространѣніи былъ обычай предавать землѣ покойниковъ. Конечно особо устроенныхъ кладбищъ еще не было, а трупы зарывали на поляхъ или въ лѣсу, гдѣ ихъ нерѣдко выкапывали дикіе звѣри. Самое погребеніе, по описанію Менеціуса, сопровождалось многими обрядностями и, чѣмъ состоятельнѣе былъ покойный, тѣмъ съ бѣльшимъ торжествомъ и веселіемъ праздновались похороны. Когда трупъ везли для погребенія, собравшіеся гости сопровождали его верхомъ, при чемъ, поднявъ крикъ и свистъ, махали по воздуху мечами, взывая: „прочь демоны!“ Жена умершаго въ теченіи тридцати дней, при восходѣ и заходѣ солнца, приходила на могилу оплакивать своего мужа и приносила съ собою что нибудь изъ сѣстнаго для него. Въ 3-й, 6-й, 9-й и 40-й день собирались въ домъ покойнаго на *тризну* его друзья и родственники, призывая туда же въ щель двери на пиръ и душу умершаго. За столомъ всѣ сидѣли молча, при чемъ каждый изъ присутствовавшихъ кидалъ подъ столъ часть отъ каждаго блюда, а также отплескивалъ часть напитковъ, предлагая душѣ поѣсть и попить вмѣстѣ. Еслибы при этомъ что нибудь изъ сѣстнаго свалилось на полъ по неосторожности, то считали за грѣхъ поднимать свалившееся, а оставляли это на сѣденіе тѣмъ душамъ, которыя не имѣютъ въ живыхъ ни родственниковъ, ни друзей, или же послѣдніе были столь бѣдны, что не въ состояніи устроить въ честь ихъ тризны. Вставъ изъ-за стола, присутствовавшій тутъ же жрецъ подметалъ избѣ и выгонялъ вонъ души умершихъ, какъ бы комаровъ, говоря: «вы поѣли и попили, души, идите теперь вонъ!» Только послѣ этого обряда присутствовавшіе вступали между собою въ разговоръ. Тризна обыкновенно заканчивалась всеобщей попойкою, при чемъ всѣ присутствовавшіе лобызались другъ съ другомъ.

Кромѣ того, въ честь всѣхъ душъ, по описанію Эйнгорна, каждый глава семейства устраивалъ въ октябрѣ мѣсяцѣ особый праздникъ, называемый *Землика*. Въ особую, для того убранную комнату вносили яства и напитки и ставили на полъ. Поздно вечеромъ туда входилъ съ огнемъ въ рукахъ хозяинъ дома и приглашалъ на пиръ души всѣхъ умершихъ предковъ, родите-

лей, родственниковъ и дѣтей, называя каждаго по имени. Предположивъ, что всѣ души достаточно поѣли и попили, онъ предполагалъ имъ опять отправиться въ свои жилища, но при этомъ не идти по засѣяннымъ полямъ и не топтать посѣвовъ, чтобы тѣмъ не вызвать неурожая. Если же въ слѣдующемъ году дѣйствительно былъ неурожай, то это приписывали душамъ умершихъ, которыя, разсердившись на плохое угощеніе, затоптали посѣвы.

Главнымъ занятіемъ древнихъ, какъ и нынѣшнихъ, латышей было земледѣліе и соединенное съ нимъ скотоводство. При не особенно густомъ населеніи, земли было достаточно для всѣхъ, только требовалось много устойчиваго труда, чтобы обработать ее подъ пашню, потому что вся почти страна была покрыта густымъ лѣсомъ, а земледѣльческія орудія были въ первобытномъ состояніи. Но должно полагать, что эта отрасль производства находилась въ довольно цвѣтущемъ состояніи; по крайней мѣрѣ это можно сказать съ достовѣрностью о скотоводствѣ, основываясь на свидѣтельствѣ Генриха Латыша, который говоритъ, что нѣмцы во время набѣговъ и грабежей увозили съ собою въ видѣ добычи до четырехъ тысячъ рогатаго скота и двѣ тысячи лошадей. Выше уже было упомянуто, что любимѣйшимъ напиткомъ древнихъ латышей былъ медъ (*meestinsch*); поэтому нужно думать, что пчеловодство у латышей было распространено повсемѣстно. Уходъ за пчелами, какъ менѣе трудная работа, главнымъ образомъ входилъ въ кругъ обязанностей стариковъ и женщинъ. Наряду съ этими занятіями, охота на дикихъ звѣрей и мелкую дичь была предметомъ развлеченія для богатыхъ и источникомъ дохода для бѣдныхъ. Охота до пришествія нѣмцевъ вездѣ производилась безпрепятственно на томъ основаніи, что никто не кормить и не ухаживаетъ за дичью и потому никто не имѣетъ исключительныхъ правъ на нее. Съ покореніемъ же этого края нѣмцами, послѣдніе со всею строгостью стали примѣнять здѣсь древне-германскій законъ, по которому охота на дичь считалась достояніемъ только высшаго, господствующаго сословія. Жители побережья моря, озеръ и рѣкъ занимались рыболовствомъ, торговлею и морскимъ грабе-

жемъ. Какъ пираты, еще до прибытія нѣмцевъ были извѣстны куры. Торговля же, по словамъ Рутенберга, находилась въ рукахъ земгаловъ. У послѣднихъ при устьѣ рѣки Мухи или Курляндской Аа, которая прежде впадала въ море около нынѣшняго городка Шлока, была даже своя гавань. Здѣсь стояли ихъ корабли, на которыхъ они объѣзжали берега Балтійскаго и другихъ морей, пускались вверхъ по судоходнымъ рѣкамъ, по Двинѣ — даже до Смоленска, обмѣнивая произведенія своей страны на чужія; здѣсь же они производили торговлю съ чужеземными купцами. Торговля въ древности была больше мѣновая, потому что у латышей своей чеканенной монеты не было, хотя есть указаніе, что уши бѣлокъ и другихъ дикихъ звѣрей съ продѣтымъ серебрянымъ гвоздемъ служили у нихъ украшеніемъ и вмѣстѣ съ тѣмъ монетою; чужеземную монету обыкновенно пробивали и женщины носили на шеѣ въ видѣ ожерелій. Главнымъ занятіемъ женщинъ было: уходъ за пчелами, домашними животными, приготовленіе пищи, пряденіе шерсти, тканье сукна и пр. Мужчины же наряду съ земледѣліемъ занимались еще и разнаго рода ремеслами: приготовленіемъ земледѣльческихъ и военныхъ орудій, рыболовныхъ снарядовъ, музыкальныхъ инструментовъ, домашней утвари и пр., при чемъ, по свидѣтельству Эйнгорна, многіе обнаруживали такое искусство, что ихъ издѣліями восхищались даже пришлые нѣмцы. Попрошайничество и воровство, какъ уже было сказано, не было развито между латышами, потому что эти пороки обыкновенно господствуютъ тамъ, гдѣ отсутствуетъ гостепріимство. Если встрѣчались отдѣльные случаи воровства, то виновные подвергались жестокому наказанію. Напр. уличенному только въ кражѣ чужихъ пчелъ разрѣзывали животъ, затѣмъ прикрѣпляли его на веревкѣ къ улью и до тѣхъ поръ гоняли вокругъ улья, пока не вываливались всѣ его внутренности. Это наказаніе для воровъ, по свидѣтельству Ніэнштедта, существовало даже долго еще послѣ завоеванія этого края нѣмцами. Также праздность считалась величайшимъ порокомъ. Только дряхлые, безпомощные старцы могли ходить изъ дома въ домъ, гдѣ ихъ радушно принимали и угощали.

Что же касается *ремгии* и религіозныхъ понятій латышей,

то нельзя сказать, чтобы онѣ достигли особаго развитія, дошли до болѣе совершеннаго культа, какъ напр. у грековъ и римлянъ, хотя все таки въ этомъ отношеніи латыши стояли выше многихъ народовъ язычества. Латыши, какъ и древніе славяне, ограничивались боготвореніемъ окружающей природы съ ея силами и явленіями; солнце, луна, звѣзды, воздушныя явленія молніи, грома и вѣтровъ, наконецъ огонь, вода и рощи были главными предметами ихъ почитанія. Они вѣрили, что, начиная съ грома и кончая послѣдней навозной кучей, въ каждомъ предметѣ и въ каждомъ явленіи находится особое божество, которому нужно воздавать поклоненіе. Они были убѣждены, что въ угоду богамъ нужно дѣлать все, что есть честнаго и справедливаго, но при опредѣленіи самой честности и справедливости предавались больше руководству своего чувства и совѣсти, чѣмъ изворотливымъ толкованіямъ разсудка. Этимъ исчерпывались всѣ религіозныя понятія древнихъ латышей и этихъ понятій для нихъ было достаточно, потому что они не знали другихъ нуждъ и потребностей, кромѣ тѣхъ, которыя предлагала окружающая ихъ природа. Въ сферѣ почитанія своихъ боговъ древніе латыши не замыкались въ четырехъ стѣнахъ особыхъ храмовъ, а чтили своихъ боговъ на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ явны были слѣды ихъ могущества. Такъ бога грома они чтили подъ дубомъ, расщепленнымъ ударомъ молніи, лѣснаго бога — въ лѣсахъ, рощахъ, бога водъ — въ мѣстахъ прибрежныхъ, бога хранителя посѣвовъ — на нивахъ и пр. Только божества высшія имѣли особое, опредѣленное мѣстопробываніе. Такимъ мѣстомъ было священное Ромове въ нынѣшней Пруссіи, гдѣ помѣщались изображенія трехъ главныхъ боговъ, чтимыхъ всѣми латышко-литовскими племенами. Здѣсь на широкой долинѣ стоялъ старый высокій дубъ, имѣвшій 12 футовъ въ окружности и не терявшій своей зеленой листвы даже зимою. Этотъ дубъ былъ и алтаремъ и храмомъ. На немъ, между богато покрытыми зеленью вѣтвями, помѣщались изображенія трехъ главныхъ боговъ — Перкунса, Потримпса и Шиколса.

Изображеніе *Перкунса*, какъ могущественнаго бога грома и огня, царя боговъ, находилось посреди прочихъ. На видъ онъ

былъ мужемъ, пылающимъ отъ гнѣва, потому лицо его было огненнаго цвѣта, съ вьющеюся, кудравою бородою и голова увѣнчана двѣнадцатю огненными лучами. Онъ былъ богомъ солнца, свѣта и всѣхъ воздушныхъ явленій. По представленію латышей, онъ ѣздилъ по небу, опираясь правою рукою на шею быка, а въ лѣвой держалъ пламенный жезлъ, изъ котораго вылетала молнія. Когда онъ гнѣвался на беззаконія людей, то дулъ на свою вьющуюся бороду и тотчасъ поднималась буря и по всѣмъ облакамъ разносились раскаты грома: онъ посылалъ на землю дождь, снѣгъ и вѣтеръ и оплодотворялъ ее, за что пользовался особымъ почтеніемъ у народа. Подъ его защитою и покровительствомъ находились границы усадьбъ и весьма строгому наказанію подвергались тѣ, которые осмѣливались присвоить себѣ чужой кусокъ земли или переставить пограничные столбы. По свидѣтельству Ніэнштедта, виновные должны были нести вокругъ оспариваемаго участка земли въ голыхъ рукахъ накаленный до бѣла кусокъ желѣза. Такъ какъ изъ руки Перкунса вылетала молнія, то огонь считался священной стихіею. Поэтому въ Ромовѣ предъ изображеніемъ Перкунса горѣлъ вѣчный огонь, поддерживаемый священными дубовыми дровами. Уходъ за этимъ огнемъ лежалъ на обязанности особыхъ жрецовъ, которые расплачивались жизнью, если по ихъ винѣ потухалъ этотъ огонь. Въ такихъ несчастныхъ случаяхъ жрецы извлекали изъ кремня огонь и, подползши на колѣняхъ къ дубу, возжигали вновь священный костеръ, въ который бросали небрежнаго жреца въ умиловленіе разгнѣваннаго бога Перкунса. Во время раскатовъ грома народъ падалъ ницъ, взывая: „богъ, Перкунсъ, помилуй насъ!“ А чтобы гроза не причинила какого либо вреда хозяйству, латыши обносили вокругъ полей и хозяйственныхъ построекъ свиной окорокъ, обращаясь къ Перкунсу со слѣдующими словами: „Перкунсъ! мы приносимъ тебѣ въ жертву этотъ кусокъ свинины, пощади нашу собственность!“ Послѣ грозы, они собирались вмѣстѣ и съѣдали жертвенный окорокъ, воспѣвая хвалебные гимны въ честь Перкунса. Любимыми жертвами, которыми старались умиловить его гнѣвъ, были свиньи, козлы и особенно знатные военно-плѣнные, ихъ

кровью поливали корни священнаго дуба въ Ромовѣ. Какъ главный богъ изъ священной ромовской троицы, Перкунсъ считался раздаятелемъ, радѣтелемъ и охранителемъ народнаго здоровья. Пепель отъ его священнаго огня, вода изъ озеръ, рѣкъ и источниковъ, посвященныхъ въ честь его, считались главными цѣлебными средствами противъ всѣхъ болѣзней.

Направо отъ Перкунса помѣщалось изображеніе веселаго безбородаго юноши, голова котораго была украшена вѣнкомъ изъ хлѣбныхъ колосьевъ и зеленыхъ листьевъ. Это было изображеніе *Потримпса*, бога источниковъ, рѣкъ, дождя, подателя плодородія, охранителя полей и поствовъ и помощника на войнѣ. Въ жертву этому богу обыкновенно приносили снопы и ладонь, всыпанный въ кипящій воскъ, а часто даже дѣтей, такъ какъ онъ жаждалъ человѣческой крови. Предъ жертвоприношеніемъ жрецы проводили три дня въ строгомъ постѣ, спали на голой землѣ и отъ времени до времени бросали въ вѣчный огонь ладонь. Въ честь этого бога въ большой урнѣ, подъ снопами колосьевъ, вскармливали молокомъ змѣю, ухоть за которою лежалъ на обязанности особыхъ жрецовъ. Поэтому змѣя считалась у латышей священной и встрѣча съ нею — признакомъ особаго счастья; по ихъ представленію, самъ вселый Потримись всегда является людямъ въ образѣ змѣи съ человѣческою головою. По свидѣтельству Менеціуса и Фабриціуса, держать и воспитывать въ домѣ змѣй было всеобщимъ явленіемъ у латышей и литовцевъ *); онѣ были такъ приручены, что не кусали ни животныхъ, ни людей; даже дѣти играли съ ними и спали вмѣстѣ на одной кровати. Воспитывали змѣй обыкновенно въ домѣ подъ печкою или въ банѣ. Въ извѣстное время года жрецы обходили дома и устраивали въ честь ихъ праздникъ. При этомъ предъ порою, гдѣ скрывались змѣи, постилали бѣлое полотно, покрытое разными яствами; жрецъ вызывалъ ихъ изъ норъ на полотно и предлагалъ отвѣдать пищи. Если онѣ дѣйствительно выходили на полотно и касались какого нибудь блюда, это счи-

---

*) Нужно думать, что это были собственно ужи, такъ какъ эти пресмыкающіяся до сихъ поръ находятся подъ особымъ покровительствомъ женщинъ.

талось предвѣстникомъ урожайнаго года и преуспѣянія во всемъ. Поэтому, по уходѣ змѣй въ свои норы, устраивали веселый пиръ и сѣдали яства, разложенныя на полотнѣ.

По лѣвую сторону Перкунса помѣщалось изображеніе третьяго главнаго бога — *Пиколса*, бога смерти. Въ своихъ дѣйствіяхъ Пиколсъ былъ во всемъ противникомъ Потримпса, ибо, что создалъ Потримпсъ, то истреблялъ Пиколсъ. Какъ тотъ былъ принципомъ творенія и плодородія, такъ этотъ — принципомъ разрушенія и смерти. Того всѣ любили, а этого всѣ боялись, потому что онъ требовалъ въ жертву себѣ всего, что есть самаго дорогаго для человѣка. Мученіе и страхъ людей были предметами его радости. Соотвѣтственно этому въ Ромовскомъ святилищѣ онъ былъ изображенъ подъ видомъ старца съ длинною, сѣдою бородою, съ мертвенно-блѣднымъ цвѣтомъ лица и голова его была покрыта бѣлою повязкою. Три черепа: человѣческій, лошадиный и коровій, постоянно висѣвшіе на шестахъ предъ изображеніемъ Пиколса, были символами его дѣятельности. Въ жертву ему приносили горшокъ съ саломъ, также черныхъ лошадей, свиней, козловъ, телятъ и людей. Предъ началомъ войны ему обыкновенно приносили въ жертву плѣннаго врага, при чемъ жрецы обращали вниманіе на то, течетъ ли кровь изъ раны струею, или только просачивается. Если кровь струилась, то это предвѣщало побѣду, если же капала, то нужно было ждать пораженія. Похороны у латышей и литовцевъ всегда должны были сопровождаться жертвоприношеніемъ богу Пиколсу, въ противномъ случаѣ онъ наводилъ страхъ и мученія на ослушниковъ; если до трехъ дней не приносили ему требуемой жертвы, то разгнѣваннаго бога можно было умиловить только человѣческою кровью. Онъ налагалъ строгое наказаніе даже на тѣхъ, кто ослушался главнаго жреца Криве, не слѣдовалъ волѣ боговъ и былъ скупъ на жертвы. Какъ богъ смерти, онъ имѣлъ преимущественно власть надъ душами умершихъ, которыхъ держалъ въ особомъ темномъ мѣстѣ, называемомъ (*prekle peklo*). Въ виду страха, который наводилъ на народъ Пиколсъ, ему всюду приносили жертвы для умиловленія его гнѣва и отвращенія его наказанія.

Отъ вѣтвей священнаго дуба ниспадала завѣса, образуя собою какъ бы закрытое мѣсто особой святыни, доступъ куда былъ открытъ исключительно высшимъ жрецамъ во время жертвоприношеній. Это ромовское святилище было окружено со всѣхъ сторонъ на семиверстномъ разстояніи священной рощею, вступить въ которую дозволялось народу только въ извѣстные торжественные праздники, и то не останавливаясь вблизи самаго святилища. Въ такихъ торжественныхъ случаяхъ, при лунномъ свѣтѣ, спускалась священная завѣса, скрывавшая отъ народа его боговъ; самъ первосвященникъ Криве, окруженный жрецами, воспѣвавшими священные гимны, падалъ ницъ предъ священнымъ дубомъ, а народъ только издали взиралъ на своихъ боговъ.

Кромѣ этой ромовской троицы не меньшею извѣстностью пользовались у Прибалтійскихъ латышей божества Пергрубисъ, Лиго и Кургисъ или Курко, въ честь которыхъ совершались нарочитыя празднества.

Пергрубисъ былъ богомъ весны и развитія почекъ, иокровителемъ садовъ и плодовыхъ деревьевъ. Въ честь этого бога устраивали весною около двадцатыхъ чиселъ апрѣля особый праздникъ, съ котораго начинался и новый годъ *). Лишь только устанавливалась весенняя погода и начиналъ пускать почки орѣшникъ, жрецъ созывалъ народъ на празднество въ священную рощу. Участники праздника приносили съ собою пиво, медъ и пару разукрашенныхъ молодыми дѣвицами ягнятъ. Последнихъ жрецъ тутъ же заколалъ при пѣніи народомъ священныхъ гимновъ и передавалъ обратно дѣвицамъ для сожженія на сучьяхъ плодовыхъ деревьевъ, еще не приносившихъ плодовъ. Дѣвицы, ягнята и сучья деревьевъ, равно какъ и самая весна являлись тутъ символами надежды на будущій урожай. По сожженіи ягнятъ, жрецъ поднималъ ковшъ съ пивомъ и обращался къ богу Пергрубису со слѣдующею молитвою: „Могущій Пергрубисъ, отецъ всего существующаго! Ты прогоняешь зиму, покрыва-

---

*) До сихъ поръ рабочій годъ у латышей начинается съ Юрьева дня, 23-го апрѣля.

ваешь землю травю, зеленью и цвѣтами. Благослови наши поля и уничтожь плевелы. Повели каждой вѣткѣ обратиться въ тѣнистый сукъ, каждой почкѣ—въ цвѣтъ, каждому цвѣту—въ плодъ, чтобы люди и всѣ животныя получили пропитаніе и прославляли тебя!“ Послѣ этой молитвы онъ осушалъ ковшъ съ пивомъ и перебрасывалъ его чрезъ свою голову безъ помощи рукъ. Стоявшій же позади него подхватывалъ этотъ ковшъ, наполнялъ пивомъ и вновь подносилъ его жрецу. Послѣ этого жрецъ съ такою же церемоніею обращался къ богу Перкунсу, умоляя его послать на землю дождь, согрѣть ее лучами солнца и охранить посѣвы отъ злыхъ духовъ и особенно отъ всеистребляющей силы Пиколса. Наконецъ въ третій разъ поднесенный ковшъ съ пивомъ онъ поднималъ и выпивалъ въ честь Узиня, покровителя пчелъ и Пилнитиса, бога обилія и богатства, прося ихъ наполнить дома и клѣти медомъ и всякимъ богатствомъ. По окончаніи этой церемоніи, присутствовавшіе выпивали принесенное съ собою пиво и обходили всѣ деревни, гдѣ имъ предлагали угощеніе, отчего и самый праздникъ въ древности назывался „kur zeemi“ (гдѣ деревня), т. е. обходъ всѣхъ деревень, вродѣ карнавала.

Лиго (русск. Ладо) была богинею мира и любви, она сообщала людямъ всякія познанія, научала ихъ ремеслу, веденію домашняго хозяйства, пѣнію и музыкѣ, указывала цѣлебныя травы противъ укушенія ядовитыхъ змѣй. Но особенно она заботилась о водвореніи мира и любви въ народѣ. Поэтому праздникъ въ честь этой богини былъ самымъ любимымъ праздникомъ у древнихъ латышей, на которомъ мирились всѣ враждующіе и холостые избирали себѣ подругу жизни. Чествованіе богини Лиго происходило во время лѣтняго поворота солнца. Въ назначенный день, въ сумерки, жрецъ прикрѣплялъ въ священной рошѣ къ длинному шесту зажженный смоляной сосудъ и тѣмъ давалъ знать окрестнымъ жителямъ о наступленіи праздника. Увидѣвъ огонь въ священной рошѣ, весь народъ направлялся туда, предшествуемый роговою музыкою, свирѣлями и другими инструментами. За народомъ слѣдовали повозки съ яствами и напитками, что доставляли на праздникъ обыкновенно

люди состоятельные; бѣдные же за право участія въ пиршествѣ приносили къ мѣсту празднества только пахучія травы для сидѣнія. Женщины и дѣвицы вили изъ полевыхъ травъ и цвѣтовъ вѣнки, которыми украшали головы мужчинъ. По прибытіи народа въ священную рощу, жрецъ запѣвалъ въ честь Лиго гимнъ, который подхватывали всѣ присутствовавшіе. Пѣніе гимновъ длилось до ужина, за который садились всѣ безъ исключенія. Послѣ ужина всѣ присутствовавшіе пускались въ пляску, или устраивали игры, пѣли пѣсни, угощались пивомъ и медомъ и такимъ образомъ проводили всю ночь до поздняго утра. Чествованіе богини Лиго до того сильно укоренилось въ народѣ, что всѣ усилія католическихъ ксендзовъ не могли искоренить этого языческаго обычая даже долго послѣ введенія христіанства. Поэтому они принуждены были соединить этотъ праздникъ съ днемъ рожденія Іоанна Предтечи. Но народная фантазія и послѣ этого не забыла своей богини Лиго, а перенесла всѣ представленія о ней на Іоанна. Отсюда до сихъ поръ всѣ обычаи, соблюдаемые при празднованіи Иванова дня, а равно и всѣ пѣсни, которыя поются въ этотъ день, напоминаютъ времена язычества; только въ послѣднихъ прибавлено къ языческому названію богини Лиго еще имя Іоанна (Lihgo-Jahnit).

Курисъ или *Курко* считался богомъ жатвы. Онъ былъ какъ бы завершителемъ дѣйствій ромовскаго Потримпса, оплодотворялъ своими дождями поля, зарождалъ посѣвы и охранялъ ихъ во время лѣта, а Курко оплодотворялъ уже колосья и плодовые деревья, доводилъ ихъ до зрѣлости и такимъ образомъ доставлялъ народу обильную жатву. Какъ Потримпсъ, такъ и Курко подавали побѣду на войнѣ. Въ жертву этому богу приносили обыкновенно мясо, рыбу, муку, жито, пиво и медъ. Когда начиналъ созрѣвать хлѣбъ на поляхъ, то въ честь Курко устраивали особый праздникъ. Во всѣхъ рощахъ и другихъ посвященныхъ ему мѣстахъ воздвигали его изображеніе, облеченное въ козлиную шкуру и разукрашенное колосьями, плодами и травами, а предъ нимъ изъ камней — жертвенникъ, на которомъ приносили богатые жертвы, сопровождаемыя пѣніемъ гимновъ и пляскою. При этомъ жрецъ произносилъ рѣчь, въ кото-

рой прославлялъ милость боговъ за хорошіі урожай, и убѣждалъ народъ быть благодарнымъ богамъ и удѣлять часть отъ избытка бѣднымъ и странникамъ. Если же урожай былъ неудачный, то онъ выставлялъ народу на видъ его грѣхи и умолялъ боговъ о прощеніи. При этомъ весь народъ рыдалъ и сѣтовалъ о своихъ грѣхахъ. Самый зажиточный изъ присутствовавшихъ срѣзывалъ пукъ колосьевъ съ своего поля и, прикрѣпивъ къ шесту, вбивалъ его на полянѣ священной рощи, куда участники праздника, смотря по состоянію сносили съѣстные припасы и напитки для общаго пира, при чемъ лѣнтяи должны были доставлять вдвое больше, чтобы этимъ искупить свою лѣность. Затѣмъ начинался пиръ, который продолжался до тѣхъ поръ, пока не истощались запасы. На другой же день всѣ принимались за жатву.

По окончаніи жатвы и уборки хлѣба, ко времени зимняго поворота солнца, нѣсколько деревень вмѣстѣ устроили общій праздникъ въ честь всѣхъ боговъ помогшихъ благополучно закончить трудный рабочій годъ. Этотъ праздникъ, какъ и Лиго, былъ однимъ изъ любимѣйшихъ праздниковъ древнихъ латышей. Эйнгорнъ же называетъ его „самымъ гнуснымъ“, вѣроятно потому, что на немъ во всей силѣ обнаруживался народный разгулъ. Какъ видно изъ послѣдующей исторіи, и католическіе ксендзы боролись долго еще послѣ введенія христіанства съ искорененіемъ этого праздника, почему принуждены были соединить его съ праздникомъ Рождества Христова, чтобы придать ему хоть по внѣшности христіанскій отбѣнокъ. Для этого праздника приводили къ жрецу по самцу и самкѣ изъ каждой породы животныхъ, которыхъ тотъ убивалъ, умоляя боговъ ниспослать народу здоровье и во всемъ обиліе. Въ то время какъ женщины варили мясо и готовили кушанье, парни и старики катали во кругъ деревень и каждого дома дубовый чурбанъ, сопровождая его пѣснями, въ которыхъ высказывали трудности прожитой лѣтней и осенней рабочей поры и радости по поводу окончанія работъ. Наконецъ чурбанъ бросали въ огонь и при его свѣтѣ принимались за ѣду, при чемъ отъ каждого кушанья бросали

кусокъ на землю въ честь боговъ. Поэтому и самый праздникъ въ древности называли праздникомъ чурбана — „bluku swehtki“.

Таковы главные боги древнихъ латышей и учрежденные въ честь ихъ праздники. За ними слѣдовалъ рядъ божествъ, которыя пользовались не меньшею извѣстностью въ народѣ, хотя чествованіе ихъ не сопровождалось особыми обрядностями и празднествами. Къ нимъ прежде всего относится почитаніе богини *Лаймы*, боготвореніе солнца, луны и звѣздъ, изъ которыхъ каждому присвоено было особое мифологическое сказаніе.

Лайма считалась богинею судебъ. По представленію латышей, она держала въ своихъ рукахъ всю судьбу человѣка, начиная со дня его рожденія. Особенно она покровительствовала брачному сожителству и строго преслѣдовала нарушителей супружеской вѣрности. Поэтому ее преимущественно призывали роженицы, чтобы она даровала счастливый исходъ родамъ и послала хорошихъ дѣтей. Кромѣ того она научила людей земледѣлію, оскѣлости, отъучила отъ пороковъ и даровала имъ первые законы.

Солнце считалось дочерью Перкунса, оно распредѣляло времена года и согрѣвало землю. Обителю его былъ роскошный замокъ на востокѣ, изъ котораго оно ежедневно совершало торжественную прогулку на западъ въ блестящей колесницѣ, запряженной тремя лошадьми: серебряною, золотою и алмазною. Доѣхавъ до запада, солнце погружалось въ море для омовенія и затѣмъ ночью возвращалось обратно въ свой замокъ.

Супругомъ солнца была *луна*, обитавшая въ своемъ замкѣ на днѣ морскомъ, изъ котораго она выходила ночью, чтобы наблюдать за всѣмъ, что творится на землѣ. Исходъ всѣхъ предпріятій латыши опредѣляли по лунѣ. Полнолуніе, по ихъ представленію, предвѣщало имъ побѣду на войнѣ, между тѣмъ какъ въ послѣднюю четверть исходъ битвы оканчивался пораженіемъ.

Звѣзды считались дѣтьми солнца и луны, онѣ подобно овцамъ паслись на пастбищахъ свода небеснаго и служили для ѣзды всѣмъ богамъ.

Изъ божествъ второстепенныхъ извѣстностью пользовались слѣдующія:

Моряки призывали *Аукпериса*—бога бурь и *Банипутиса*—укротителя морскихъ волнъ, а купцы и рыбаки—бога *Пардониса*. Послѣдній ихъ воображенію представлялся подъ видомъ грознаго мужчины, необычайной величины и постоянно стоящимъ надъ моремъ. Куда онъ обращался лицомъ, туда дулъ вѣтеръ и угонялъ рыбу. Для умиловленія его рыбаки приносили ему въ жертву варенную рыбу, при чемъ жрецъ опредѣлялъ мѣсто удачнаго лова рыбы. По словамъ Кельха, молодья дѣвицы призывали *Вейцганту* богиню невѣсть. Во время жертвоприношеній этой богинѣ онѣ становились на стулъ, держа въ рукѣ ковшъ съ пивомъ, а въ фартукѣ—ячменные лепешки, и обращались къ ней со слѣдующими словами: „Вейцганта! повели вырасти льну вышиною съ меня, чтобы намъ не ходить голыми!“ Затѣмъ, выпивъ пиво, бросали на землю лепешки въ честь богини. Кромѣ помянутыхъ, у Гіэрна и Стендера приведена цѣлая вереница боговъ и богинь, обнимавшихъ собою все явленія окружающей природы, среды и духовной дѣятельности человѣка. Таковы: *Виришкитисъ* *) богъ стада и птицъ, *Гардайтисъ*—богъ овецъ, *Узинишъ*—богъ пчелъ, *Рестайница*—богъ лошадей, *Кенкисъ*—богъ свиней, *Пушкотайсъ* или *Пушкайтисъ*—богъ защитникъ и охранитель священныхъ рощъ, лѣсовъ, обитавшій подъ самбуковымъ деревомъ, куда ему приносили различные дары, *Аусвейтисъ* (авскутисъ)—богъ больныхъ и здоровыхъ, *Льтовенсъ*—богъ, нагоняющій сонъ, *Ликтенсъ*—богъ предопредѣленій, *Ликста*—богиня несчастья, всякой неудачи, *Тикла*—богиня святости и чистоты, *Тримпусъ*, *Кума*—боги пьянства, *Ціамніаксъ*—богъ хозяйства, *Маясъ-кунисъ*—богъ дома, *Пилнитисъ*, *Дижжа*—боги плодородія и изобилія, *Земніаксъ*—богъ полей и луговъ, наконецъ *Пелвиксъ*—богъ болотъ и *Меслу-баба*—богиня сора и нечистотъ и пр. Всѣхъ этихъ боговъ и богинь, латыши чтили и ко всѣмъ имъ они обращались за помощью и содѣйствіемъ въ своихъ нуждахъ. Но народный культъ не огра-

*) По Фогту.

ничивался почитаніемъ только этихъ вымышленныхъ существъ, стоящихъ выше людей, а создалъ еще множество духовъ и силъ, которые являлись какъ бы посредниками между богами и людьми. Такого рода низшими божествами были *Барстуки* и *Рукиши* (*Ruhkischl*), водяные, лѣсные духи, вродѣ карликовъ, слугъ высшихъ боговъ, которыми особенно иовелѣвалъ *Пушкайтисъ*, богъ лѣсовъ и рощъ. По народному представленію, эти слуги боговъ жили въ щеляхъ построекъ, охраняли ночью амбары и заботились объ умноженіи богатства. Поэтому ихъ всегда старались задобрить обильнымъ угощеніемъ, для каковой цѣли накрывали ночью въ амбарѣ столъ съ разными яствами.

Наряду съ этими низшими божествами шло почитаніе подъ разными наименованіями нечистыхъ духовъ и душъ умершихъ, каковы: *Юдсъ*, тѣнь убитыхъ воиновъ, *Кэмсъ* (*Kems*), появленіе тѣни умершаго человѣка, *Мурги* (*Murgi*) души покойниковъ, *Вилка-аисъ*, человѣкъ, обратившійся въ волка, *Рагана*, злая женщина, обратившаяся въ кошку или сороку (вѣдьма), *Юписъ*, самъ нечистый (сатана) и пр.

Изъ царства животныхъ, кромѣ змѣй, особымъ почетомъ пользовались *бѣлыя лошади*, которыхъ не смѣли употреблять на работы, *волки*, которымъ въ декабрѣ мѣсяцѣ приносили жертву, почему этотъ мѣсяцъ называется даже волчьимъ, *кукушки*, которымъ приписывали даръ предсказывать долготу жизни, *голуби*, въ которыхъ будто обитаютъ души умершихъ и особенно *синицы*, какъ предвѣстницы будущаго; отсюда до сихъ поръ всѣ ворожеи называются *sihlneeki*, отъ слова *sihle* — синица. Изъ неодушевленныхъ предметовъ древніе латыши почитали многія рощи, рѣки, озера и деревья, особенно дубъ, липу и бузину; липа преимущественно находилась въ почетѣ у женщинъ, которыя приносили ей въ жертву различныя драгоценности.

При такомъ большомъ количествѣ боговъ, чтимыхъ латышско-литовскимъ племенемъ, требовалось и большое число жрецовъ для служенія имъ. Дѣйствительно жрецеское сословіе у нихъ было многочисленно. Во главѣ его стоялъ первосвященникъ Криве, постоянно жившій въ Ромовѣ и оттуда слѣдившій за исполненіемъ своихъ приказаній въ Пруссіи, Литвѣ, Кур-

ляндіи и отчасти въ Лифляндіи — въ областяхъ, ему подчиненныхъ. Главною обязанностью Криве было умолять боговъ и возвѣщать народу ихъ волю. Во время молитвы его поднимали на высокій костеръ, гдѣ онъ предавался самоуглубленію и затѣмъ свои видѣнія сообщалъ окружавшимъ его жрецамъ, которые уже сообщали ихъ но всѣмъ подвластнымъ Криве областямъ, показывая при этомъ его жезлъ или другой какой либо знакъ. Всякое приказаніе Криве всюду должно было исполняться безпрекословно. Самъ онъ всегда былъ недоступенъ. Только въ самыхъ крайнихъ случаяхъ и то только ближайшіе князья могли непосредственно обращаться къ нему за совѣтомъ. Въ этомъ случаѣ они должны были являться въ ромовскую рощу въ сопровожденіи блестящей свиты; тогда Криве всходилъ на высокій костеръ и оттуда отвѣчалъ на вопросы князя. Князья же болѣе отдаленныхъ областей могли говорить съ нимъ только чрезъ жрецовъ — Вайделотовъ. Къ Криве всегда обращались за совѣтомъ предъ войною, исходъ которой онъ предсказывалъ по поступи бѣлаго коня чрезъ копье или по другимъ признакамъ; за это Криве по окончаніи войны получалъ треть изъ всей добычи. Званія Криве могли достигнуть только престарѣлые. Его избирали жрецы изъ своей среды, если на то была воля боговъ. Отказаться отъ этого званія вновь избранный могъ только въ томъ случаѣ, если для увѣковѣченія своей памяти онъ готовъ былъ принести себя въ жертву богамъ. — Со смертію Криве какъ бы умирала вся страна. Всѣ бросали свои обычныя занятія и никто ничего не смѣлъ дѣлать, пока жрецы, послѣ трехдневнаго поста и жертвоприношеній кумирамъ, не избрали ему преемника. Если же Криве вслѣдствіе старости не могъ честно исполнять своихъ обязанностей, то самъ всходилъ на костеръ, оттуда объявлялъ собранному народу имя своего преемника и до тѣхъ поръ наставлялъ присутствующихъ, пока пламя не прерывало его наставленій. Такъ поступало большинство Криве, число которыхъ по Фогту было 51.

За главнымъ жрецомъ Криве слѣдовалъ цѣлый рядъ жрецовъ различныхъ ранговъ, названій и съ различными обязанностями. Но всѣ они носили общее названіе Вайделотовъ, что

означало пророка, предсказателя, такъ какъ они старались проникнуть въ сокровенныя тайны боговъ, обнять будущее и это возвѣстить народу. Поэтому они являлись какъ бы носителями высшихъ идей. Высшій классъ среди нихъ составляли тѣ, которые постоянно находились при Криве въ Ромовѣ и потому пользовались особымъ почетомъ въ народѣ. Они назывались Кривайтами и изъ 12 человѣкъ образовали высшій судъ и совѣтъ Криве. Послѣдній никогда не входилъ въ сношеніе съ народомъ, а всегда говорилъ съ нимъ чрезъ Кривайтовъ, потому они являлись какъ бы устами Криве. Въ числѣ Кривайтовъ находились часто и родственники Криве, если они принадлежали къ жреческому сословію и всѣ они, какъ вообще всѣ Вайделоты, вели безбрачную жизнь. Самъ Криве избирался изъ Кривайтовъ.

Ступеню ниже стояли *Сигоны*, которые убивали жертвенныхъ животныхъ, охраняли священную ромовскую рощу и всѣ священныя деревья и вообще слѣдили за всѣми предметами, почитаемыми народомъ.

За сигонами слѣдовали *Вирикайтисы* (Вирсайтисы), на обязанности которыхъ лежало совершать всѣ обряды и церемоніи во время богослуженія, освящать жертвы, открывать общественныя праздники и возвѣщать волю Криве по всѣмъ ему подвѣдомственнымъ областямъ.

Сверхъ того былъ еще цѣлый рядъ низшихъ жрецовъ, изъ которыхъ большинство жило въ деревняхъ, среди народа, и сообразно своему занятію носили различныя названія, усвоенныя имъ, можетъ быть, въ позднѣйшее время. Къ послѣднимъ нужно отнести всѣхъ колдуновъ, гадателей, нашептывателей и др., дѣйствовавшихъ во имя языческихъ боговъ.

Многочисленность боговъ и раздробленность религіозныхъ понятій, конечно, не мало способствовали развитію и укрѣпленію *суевѣрія* среди латышей. Не подлежитъ сомнѣнію, что жизнь древнихъ латышей была проникнута многими суевѣрными обычаями, слѣды которыхъ сохранились и до настоящаго времени. Не имѣя возможности перечислить всѣ роды суевѣрій, укажемъ, кромѣ упомянутыхъ выше, еще на нѣкоторые. По описанію Ніэнштедта, латыши, напр., вѣрили, что колдуны могутъ обра-

тить людей въ волковъ. Чтобы узнать такихъ опасныхъ колдуновъ, подозрѣваемому связывали крестообразно руки и ноги за большіе пальцы и бросали его въ воду. Если брошенный былъ виновенъ, онъ плылъ по водѣ, какъ соломенка (по ихъ понятіямъ, — ему бѣсъ помогалъ), если же нѣтъ, то тотчасъ шель ко дну. Исходъ предпріятій они опредѣляли по первой встрѣчѣ съ людьми или животными по выходѣ изъ дома. Между людьми старая женщина, между животными свинья были пугалами, заставлявшими часто отказаться отъ задуманнаго путешествія. Послѣдняя четверть луны и понедѣльникъ считались временами предвѣщавшими несчастье предпріятію, а полнолуніе и четвергъ — счастье. Впрочемъ, многія суевѣрія, какъ, напр., не садиться тринадцатому за столъ, были общи съ другими народами.

Что же касается *гражданскаго устройства* у латышско-литовскихъ племенъ, то тутъ можетъ быть рѣчь только о первобытной, патріархальной его формѣ, такъ какъ письменность отсутствовала у этихъ племенъ или по крайней мѣрѣ начатки *румического* письма были извѣстны только высшимъ жрецамъ. До 1015 года гражданское устройство носило теократическій характеръ. До этого времени объединителемъ всѣхъ латышско-литовскихъ племенъ былъ Криве, правившій подчиненными ему народами своею милующею и карающею рукою; онъ былъ для нихъ высшимъ судьей и законодателемъ. Его законы и постановленія, возвѣщенные устно Вайделотами, были для всѣхъ обязательны. Самая близость Криве къ богамъ внушала народу увѣренность, что это законы его боговъ, только возвѣщенные устами Криве. Если князья или владѣтели хотѣли издать для своей области какія либо постановленія, то постановленія эти, чтобы стать обязательными для подчиненныхъ, нуждались въ утвержденіи и санкціи Криве. Такова была объединительная сила Криве.

Но при этомъ наряду съ Криве въ каждой отдѣльной области и въ каждомъ округѣ управлялъ особый старѣйшина, на обязанности котораго лежало творить судъ, предводительствовать на войнѣ и въ важныхъ обстоятельствахъ созывать народъ

ныя собранія. Онъ жилъ въ особомъ замкѣ, окруженномъ валомъ, заборомъ и плетнемъ и расположенномъ на берегу какой либо рѣки или на горѣ. Отсюда у народа до сихъ поръ выраженіе *us kalpi eet* (идти на гору) равносильно—идти къ начальнику, владѣтелю. Но власть старѣйшины во всемъ была ограничена нвроднымъ собраніемъ, равно и властью Криве. Онъ могъ привести въ исполненіе какое либо рѣшеніе лишь съ утвержденія и согласія извѣстнаго числа почтенныхъ старцевъ, съ которыми вмѣстѣ также разбиралъ тяжбы и творилъ судъ. Въ важныхъ обстоятельствахъ на совѣщаніе созывался весь народъ округа посредствомъ костровъ, зажженныхъ на вершинахъ горъ. На этихъ общихъ народныхъ собраніяхъ каждый присутствовавшій пользовался правомъ голоса и мнѣніе каждого выслушивалось со вниманіемъ. Только послѣ всесторонняго обсужденія дѣлали постановленіе, исполненіе котораго лежало уже на обязанности старѣйшины или окружнаго начальника. Начальникъ избиралъ народныхъ представителей, которымъ поручалъ обмѣниваться копьями съ непріятелями при заключеніи мира; онъ же избиралъ изъ народа людей способныхъ къ войнѣ, если собраніе рѣшило начать съ кѣмъ либо войну. Тогда набранное войско присягало ему въ вѣрности и въ повиновеніи посредствомъ возложенія рукъ на его опущенную голову; но лишь кончалась война, прекращались власть и значеніе предводителя и все вступало въ обычную колею мирной жизни. Только такой старѣйшина, который обнаруживалъ особыя дарованія въ управленіи и неоднократно велъ войско къ побѣдамъ, пользовался большимъ почетомъ и обаяніемъ народа въ мирное время; его голосу въ народныхъ собраніяхъ придавали рѣшающее значеніе и часто все совершалось по его волѣ.

Съ разрушеніемъ Ромова и съ паденіемъ Криве распалось и единство латышско-литовскихъ племенъ и ихъ гражданскаго положенія; на мѣсто одного верховнаго Криве явилось много такихъ Криве, изъ которыхъ каждый имѣлъ вліяніе только въ своей провинціи, а позже — только въ своемъ округѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ поднялась власть и значеніе окружныхъ старѣйшинъ. Они понемногу образовали собою высшее сословіе съ наслѣд-

ственными правами, съ наименованіемъ у литовцевъ *kunige* (король) и *kungs* — у латышей, предъ которыми областной Криве отступалъ на задніе планъ. Какъ болѣе могущественныхъ старѣйшинъ (*seniores*) или князей (*principes*) среди Лифляндскихъ латышей Генрихъ упоминаетъ Руссина, Варидота и Талибальда, владѣвшихъ округами *Беврине*, *Трикатенъ* и *Толова* съ замками: *Беврине*, *Антине* и *Сотекле*. Въ Курляндіи могущественны были старѣйшины Вестерсъ — у земгаловъ и Дорно у куровъ. Особенно извѣстенъ былъ своею находчивостью послѣдній. По свидѣтельству Брандиса, однажды на куровъ напали сильные и хорошо вооруженные датчане. Дорно, вмѣсто того, чтобы готовиться къ сопротивленію, созвалъ свой народъ и убѣждалъ его опустошить всю страну, чтобы голодомъ заставить непріятелей покинуть его землю. „Голодъ самая вѣрная язва“, говорилъ онъ, „и истребитель всѣхъ силъ. Къ чему блестящее вооруженіе и сила военныхъ дѣлѣхъ, когда нечѣмъ существовать? Голодомъ мы приготовимъ себѣ болѣе вѣрную побѣду, чѣмъ всѣми соединенными силами. Не прекрасно ли преодолѣть враговъ, почивая на лаврахъ? Кто не пожелаетъ лучше получить вѣрную добычу, не проливъ капли крови, чѣмъ, готовясь къ битвѣ, ждать вѣрное пораженіе?“ — закончилъ онъ свою рѣчь. Дѣйствительно куры опустошили всю свою страну, сожгли все имущество и сами скрылись вмѣстѣ съ Дорно въ лѣсахъ, такъ что явившіеся непріатели должны были отступить съ большою потерей. Нізштедтъ говоритъ, что многіе изъ латышскихъ старѣйшинъ носили королевскій титулъ. Въ подтвержденіе своего мнѣнія, онъ, между прочимъ, ссылается на тотъ фактъ, что еще въ его время въ Курляндіи, около Газенпота, жили потомки древнихъ королей съ множествомъ подчиненныхъ имъ людей и ихъ права признавались даже курляндскими герцогами, а около Кирхгольма одно семейство, владѣвшее семью гакенами земли, имѣло даже папскія и императорскія грамоты съ печатями, подтверждавшія ихъ королевскій титулъ. Впрочемъ и теперь еще существуетъ въ Курляндіи нѣсколько семействъ подъ названіемъ *konischi* (отъ искаженного нѣмецкаго слова *könig* - король), которые, какъ передаютъ люди знакомые съ дѣломъ, не признаютъ

за собою никакихъ общественныхъ, ни казенныхъ повинностей, ссылаясь на древнія привилегіи, считаютъ за грѣхъ выдавать своихъ дочерей за сосѣдей и вообще стараются жить изолированно отъ другихъ латышей. Какъ бы то ни было, но несомнѣнно, что съ пришествіемъ нѣмцевъ большинство латышскихъ старѣйшинъ или погибло въ борьбѣ съ нѣмцами или же онѣмчилось.

Съ паденіемъ объединительнаго начала Криве, кромѣ измѣненія въ гражданскомъ устройствѣ у латышско-литовскихъ племенъ, измѣнилось и ихъ *политическое положеніе*. Изъ одного большаго племени возникло много мелкихъ племенъ, съ разобщенными интересами, которыя скоро вступили въ ссоры, вражду и междуусобную войну. Хроника Генриха Латыша полна описаніями кровопролитныхъ войнъ не только латышей съ эстами, но и съ литовцами. Такая разобщенность повела къ тому, что мелкія племена могли противопоставить виѣшнему врагу лишь незначительное сопротивленіе и по необходимости должны были подчиниться власти болѣе сильныхъ племенъ. Сначала они стали данниками поляковъ и русскихъ, а потомъ подпали рабству нѣмцевъ. Русское владычество надъ придвинскими племенами восходитъ къ довольно раннему періоду. По крайней мѣрѣ извѣстно, что еще до покоренія великимъ княземъ Владиміромъ (980—1015 г.) Полоцкаго княжества, правившій послѣднимъ, варягъ Рогвольдъ, распространилъ свою власть надъ придвинскими латышами, ливами и земгалами. Сначала данниками русскихъ сдѣлались придвинскіе селоны и земгалы, а потомъ понемногу русское владѣніе стало распространяться во внутрь Лифляндіи, такъ что ко времени прибытія нѣмцевъ уже вся та часть Лифляндіи, которую населяли латыши, была подвластна полоцкимъ и псковскимъ князьямъ. Какъ древнія русскія крѣпости въ этомъ краѣ были извѣстны Кокенойсъ (Кокенгузенъ) и Герсике, устроенныя полоцкими князьями. Что русское владычество довольно крѣпко утвердилось въ этомъ краѣ, видно уже изъ того, что первый католическій миссіонеръ Мейнгардъ не осмѣлился начать своей проповѣднической дѣятельности между ливами и латышами, не испросивъ на то предварительнаго разрѣшенія

у полоцкаго князя Владиміра. Впрочемъ русскіе князья мало заботились о полномъ подчиненіи себѣ этого края, а довольствовались только исправнымъ полученіемъ дани съ жителей. Возникшія же впослѣдствіи непрерывныя войны между Новгородомъ, Псковомъ и Полоцкомъ совсѣмъ отвлекли вниманіе русскихъ отъ этого края и тѣмъ способствовали нѣмцамъ поработить туземцевъ и присвоить себѣ ихъ земли.

Вмѣстѣ съ русскимъ владычествомъ лифляндскіе латыши знакомились и съ православіемъ. Что православіе было знакомо латышамъ раньше католичества, этого не скрываетъ и Генрихъ Латышъ. Въ XII главѣ своей хроники онъ говоритъ, что „Имерскіе латыши (жившіе около рѣки Седы, впадающей въ Буртекское озеро) бросали жребій принять ли имъ крещеніе отъ русскихъ изъ Пскова съ прочими латышами изъ Толовы (жившими около г. Вольмара по рѣкѣ *Гавль* или Лифляндской Аа) или же подчиниться латышамъ, ибо русскіе въ то время пришли къ нимъ и крестили латышей изъ Толовы, которые были всегдашними ихъ данниками“. Изъ XVIII главы той же хроники видно, что сыновья толовскаго старшины Талибальда, замученнаго эстами, Рамеке, Варнбуль и Дривинальдъ были православными. Основываясь на этихъ свидѣтельствахъ, должно полагать, что православіе довольно крѣпко утвердилось среди латышей; если старшины народные были православными, то, несомнѣнно, православіе было распространено и въ народной массѣ, хотя русскіе, какъ тогда, такъ и въ 40-хъ годахъ настоящаго столѣтія, при обращеніи народныхъ массъ въ православіе, никогда не допускали насильственныхъ мѣръ, не прибѣгали къ огню и мечу, излюбленнымъ средствамъ католическихъ миссіонеровъ, а дѣйствовали любовью и убѣжденіемъ.

Выше было упомянуто, что у латышей, какъ у народа невоинственнаго и миролюбиваго, не было постоянного войска; тѣмъ не менѣе для отраженія внѣшняго врага и отмищенія сосѣдямъ нерѣдко приходилось прибѣгать къ оружію. Ихъ *войско* состояло изъ всадниковъ и пѣхоты. На войнѣ употреблялась только пѣхота, между тѣмъ какъ всадники служили больше для набѣговъ и грабежей, которые въ военной исторіи этого края

занимали большое мѣсто. Главнымъ военнымъ орудіемъ у латышей, какъ и у славянъ (Булгаринъ ч. II, стр. 133), была булава, наполненная оловомъ. Было собственно двѣ булавы, большая, которую воинъ постоянно держалъ въ рукѣ, и малая, числомъ до 10, которыя онъ носилъ за поясомъ, и металлъ въ непріателя. Если метательныя булавы были выброшены, то воины употребляли въ дѣло пращу или же бросались на непріателя съ одною большою булавою, иногда и съ каменнымъ топоромъ. Прочіе виды оружія появились позже и были заимствованы у другихъ народовъ. Напр. самострѣлы земгалы стали употреблять, когда имъ досталось въ руки нѣсколько такихъ орудій при взятіи одной нѣмецкой крѣпости. Знамена были испещрены знаками руническаго письма, а на нѣкоторыхъ были изображенія трехъ высшихъ ромовскихъ боговъ. При вступленіи въ бой воины поднимали дикій крикъ и сражались въ разсынную. Тяжело раненныхъ добивали товарищи, а память и подвиги павшихъ на полѣ брани увѣковѣчивали народныя пѣсни; по народному представленію, тѣни павшихъ воиновъ часто при лунномъ свѣтѣ посѣщаютъ хижины живыхъ. Когда войско возвращалось домой съ удачнаго похода, то по жребію приносили въ жертву богамъ одного знатнаго плѣнника. Даже плѣнницы иногда подвергались той же участи. При этомъ плѣнника привязывали со всѣми военными доспѣхами къ коню, ноги котораго прикрѣпляли къ четыремъ вбитымъ въ землю колямъ, затѣмъ обкладывали дровами и въ такомъ кострѣ сжигали въ честь боговъ всадника вмѣстѣ съ его конемъ и доспѣхами. Съ плѣнными обходились очень жестоко; ихъ изнуряли тяжелою работою, даже убивали, не щадя при этомъ ни женъ, ни дѣтей. Военную добычу дѣлили на три части, изъ которыхъ первую приносили въ даръ богамъ, вторую—Криве и жрецамъ, а третью дѣлили сами побѣдители.

Свою творческую силу древніе латыши проявляли въ *народныхъ пѣсняхъ*, которыми сопровождалась вся ихъ жизнь и дѣятельность. Они были такъ преданы пѣнію, что не было такого случая въ ихъ жизни, котораго они не воспѣли бы въ народной пѣснѣ. Приносили-ли жертву богамъ, совершали ли празд-

нества, находились ли на полевыхъ работахъ, пасли ли стада, занимались ли дома какою либо ручною работою, постигло ли ихъ горе, приключилась ли радость, — все это они выражали и сопровождали пѣснями, которыя переходили изъ устъ въ уста, изъ поколѣнія къ поколѣнію. Мелодія этихъ пѣсень изливалась прямо изъ сердца и отличалась чрезвычайною нѣжностью, такъ что въ этомъ отношеніи характеръ латышской народной пѣсни напоминаетъ близкое родство съ пѣснью малороссійскою. Послѣ же, подъ игомъ нѣмцевъ, она приняла меланхолическій и печальный оттѣнокъ, но и тутъ посреди печали и подавленности нерѣдко прорывался ея веселый характеръ. Насколько сильно было народное творчество, можно судить по количеству собранныхъ въ настоящее время народныхъ пѣсень, изъ которыхъ многія несомнѣнно древняго происхожденія *). Кромѣ довольно объемистыхъ сборниковъ пастора Бюлленштейна, Спрогиса и др., инспекторомъ народныхъ училищъ Трейландомъ (Бривземніаксомъ) собрано и Рижскимъ латышскимъ обществомъ приготовляется къ печати болѣе 50 тысячъ народныхъ пѣсень.

Что же касается культурнаго *образованія* вообще и *письменности* въ частности, то должно думать, что они не были извѣстны древнимъ латышамъ. Правителямъ и жрецамъ, можетъ быть, были знакомы руническія письма, насколько можно судить по надписямъ и изображеніямъ на военныхъ знаменахъ, но чтобы эти письма проникли въ народную массу, это поджигать сомнѣнію; по крайней мѣрѣ о томъ не осталось никакихъ свидѣтельствъ. Образование и письменность не коснулись народныхъ массъ и долго послѣ введенія христіанства. Обративъ огнемъ и мечемъ латышей въ христіанство, католическіе ксендзы заботились не столько о просвѣщеніи народа свѣтомъ евангельскаго ученія, сколько объ исправномъ полученіи десятины въ пользу церкви. Вся ихъ просвѣтительная дѣятельность ограничивалась совершеніемъ богослуженія, обрядовъ и требъ на латинскомъ, непонятномъ для народа, языкѣ. Не далѣе подвинулось

---

*) Къ сожалѣнію, многія мелодіи или уже исчезли или еще не записаны, хотя въ послѣднее время на записываніе ихъ стали обращать вниманіе спеціалисты.

дѣло народнаго образованія съ введеніемъ реформаціи. Хотя Лютеръ главнымъ образомъ опирался въ своемъ ученіи на проповѣданіи слова Божія на языкѣ народномъ, но о примѣненіи Лютерова принципа въ Прибалтійскомъ краѣ мало кто заботился. Только въ 16 вѣкѣ въ первый разъ появился переводъ молитвы Господней на латышскомъ языкѣ (переводъ совершенно понятенъ и теперь), сдѣланный мемельскимъ пасторомъ Франкомъ и то собственно для прусскихъ куровъ; переводъ же библіи былъ сдѣланъ гораздо позже. Эти первые памятники латышской письменности были напечатаны готическимъ шрифтомъ, который съ тѣхъ поръ вошелъ во всеобщее употребленіе. Если говорить о народномъ образованіи въ собственномъ смыслѣ, то безъ преувеличенія можно сказать, что оно началось только въ настоящемъ столѣтіи, именно въ сороковыхъ годахъ, когда народъ массами сталъ переходить въ православіе.

Эсто-финскія племена, изстари населявшія Прибалтійскій край *).

Общее понятіе о финскомъ племени, его разселеніе и раздѣленіе. Финское племя съ незапамятныхъ временъ занимаетъ громадныя пространства отъ рѣкъ Оби и Енисея до Балтійскаго моря. Откуда и когда вышло это племя, неизвѣстно. Уже греческій историкъ Геродотъ ничего не зналъ о переселеніи его изъ Азіи въ Европу. Онъ называетъ его великимъ племенемъ Меланхленовъ, т. е. чернокафтанниковъ. Финскій ученый Кастренъ называетъ финское племя алтайскимъ племенемъ, а иные ученые полагаютъ, что древніе кельты и финны составляли одно племя и были первобытными обитателями сѣверо-западной Европы и сѣверной Азіи, и что кельты смѣшались сперва со славянскимъ племенемъ, а потомъ германскимъ и нынѣ почти исчезли, а финская отрасль сохранилась, потому что была при переселеніи народовъ отодвинута въ суровыя лѣсныя и болотистыя страны сѣвера, отчего и получила свое названіе *финны* и *суомиlane*, т. е. жители болотъ.

---

*) Статья эта составлена Протоіереемъ І. Линденбергомъ.

Вообще о судьбѣ финскаго племени до столкновѣнія ихъ съ скандинавскими и славянскими племенами исторія ничего не знаетъ. Сами финскія племена не оставили о себѣ никакихъ историческихъ памятниковъ, кромѣ развалинъ древнихъ крѣпостей, могильныхъ кургановъ и отрывочныхъ мѣстныхъ и легендарныхъ сказаній, сохранившихся въ устномъ преданіи; но и это скудное ихъ наслѣдіе отъ давно-минувшихъ дней не вполне еще изслѣдовано, а многое изъ онаго совершенно пропало.

Исторія застала финское племя въ слѣдующихъ географическихъ предѣлахъ: сѣвѣрною границею ему служилъ Ледовитый океанъ, съ юга нынѣшнія Саратовская, Воронежская и Курская губерніи, съ Запада—Калужская, Смоленская и частію Псковская губерніи, потомъ отъ сѣверо-западной границы—Псковской губ. черта осѣдлости финновъ шла до Маріенбурга, Вендена, отъ Вендена къ Кокенгузену и Западной Двинѣ, затѣмъ отъ Двины до Митавы и отъ Митавы по сѣвѣрной части Курляндіи до Куришгафа въ Пруссіи до переселенія готовъ въ Скандинавію; послѣдняя была также населена финскимъ племенемъ, остатки котораго сохраняются тамъ до настоящаго времени.

Финское племя раздѣлялось на многія отдѣльныя вѣтви, получившія свои особыя названія отъ мѣстности ими занимаемой, или отъ занятій. По географическому положенію и нѣкоторымъ наружнымъ отличіямъ финновъ раздѣляютъ обыкновенно на двѣ главныя вѣтви: западную и восточную. Восточная вѣтвь занимала и занимаетъ обширную страну—Сибирь, Зауралье, среднее теченіе Волги, а западная вѣтвь занимаетъ также обширную страну между Бѣлымъ моремъ и Ледовитымъ океаномъ и верхнимъ теченіемъ Волги и Оки и южный берегъ Балтійскаго моря. Западную вѣтвь финскаго племени составляли: Финны, Карелы со всѣми своими подраздѣленіями, Эсты, Ливы и Куры. Эсты населяютъ Эстляндскую губернію и Дерптскій, Феллинскій, Верропскій и Перновскій уѣзды Лифляндіи и острова Балтійскаго моря: Эзель, Даго, Моонъ, Кюно и другія мелкія острова, и Изборгскій уѣздъ Псковской губерніи. Ливы (т. е. жители песковъ) занимали побережье Балтійскаго моря отъ Либавы до Риги и отъ Риги до Пернова, Буртнекскаго озера и нынѣшняго

Вендена, отъ Вендена поселки ихъ шли къ Кокенгузену по правому берегу Двины, отъ Ремерсгофа по лѣвому берегу Двины къ Митавѣ и Ангерь-Ярву. Куры занимали середину Курляндіи отъ Митавы до Мемеля и Куришгафа, получившаго отъ этого народа свое названіе; отъ Куровъ получилъ свое эстское названіе и островъ Эзель — Kuresaag (островъ Куровъ, а не островъ журавлей, какъ переводятъ иные).

Объ Эстахъ, Куронахъ упоминаютъ уже греческіе писатели: Діонисій Иерагетъ, Геродотъ, Плиней Массилійскій, Ксенофонтъ Лампсакскій, Тимей, Діодоръ Сицилійскій, Артемидоръ Ефесскій, говоря, что они жили у Куронова или сѣвернаго моря, гдѣ добывался янтарь, упоминаютъ также объ островахъ Батиліи или Балтіи и Руно, или Рауноніи. Сказаніе Римлянъ о Прибалтійскомъ краѣ и его жителей уже гораздо опредѣленнѣе; у нихъ часто упоминается о Эстіарахъ и Куронахъ. Названіе Ливы у древнихъ писателей не встрѣчается. Названіе это стало извѣстнымъ со времени столкновенія эстовъ съ скандинавами и образовалось отъ слова *liw* — песокъ. Какъ ни темны и не опредѣленны сказанія древнихъ греческихъ и римскихъ писателей о Прибалтійскомъ краѣ, но во всякомъ случаѣ, изъ нихъ оказывается, что эсто-финскія племена, именно, эсты и куры жили у Балтійскаго моря давно до Рождества Христова. Англо-саксонскій пѣвецъ Вейтфартъ, будто посѣтившій Прибалтійскій край въ концѣ VI вѣка, упоминаетъ о Финляндіи, финахъ, истахъ и идумингахъ. Скандинавскія саги много говорятъ о Прибалтійскомъ краѣ и объ эстахъ, о завоеваніяхъ скандинавовъ въ этой странѣ и нападеніяхъ эстовъ и куровъ на Скандинавію, начиная съ 3-го вѣка по Рожд. Христовѣ; но такъ какъ эти сказанія собраны изъ устъ народа уже въ концѣ 12-го и въ началѣ 13-го вѣка и отличаются легендарнымъ характеромъ, то имъ нельзя вѣрить.

Куры совершенно исчезли, смѣшавшись съ латышами въ нынѣшней Курляндіи. Ихъ земля, какъ и земли ливовъ и эстовъ, раздѣлялась на маленькіе округа — келеконды. До нѣмецкаго нашествія у нихъ были свои замки, напр. Тальсенъ (Talse), Лазень, Меркесь и Сингелесь, Что куры были финскаго племени

это ясно видно изъ одежды, обычаевъ, тѣлегъ и упряжи и даже языка нынѣшнихъ курляндцевъ; объ этомъ свидѣтельствуется также чисто эсто-финскія названія нѣкоторыхъ мѣстностей въ Курляндіи напр. Таргелара, Усма, Пигавасть Кіймала, Ренде, Угала, Сарнитусъ и т. д.

Ливы также почти вовсе исчезли, только на Курляндскомъ берегу Балтійскаго моря сохранился небольшой остатокъ ихъ отъ Лизерорта до Ангеръ-Ярва. Они сохранили еще свой древній языкъ, но въ судахъ и церкви у нихъ введенъ языкъ латышскій. Въ Лифляндіи они перемѣшались съ латышами и олатышились. Въ Лифляндіи они занимали округа: Торейда (Toraaida—садъ Тора), Идумея (по берегу моря отъ Риги до Залиса), Мецаполе (полѣсье), отъ Залиса до Пернова съ замками Гольмомъ и Икскулемъ на Двинѣ, Леневардомъ, Ашерадомъ (Ascerade), Сатесель, Сигевалдъ, Урель, Каупо и Добрель.

Такъ какъ эти отрасли эсто-финскаго племени болѣе не существуютъ, то мы объ нихъ дальше и говорить не будемъ, развѣ когда придется упоминать объ нихъ въ описаніи эстовъ.

Названіе эстовъ, ихъ языкъ и характеръ. Эсты не имѣютъ общаго названія своей земли. Геродотъ и Латыши называютъ чернокафтанниками, русскіе — чухнами, нѣмцы и другіе западные народы называли ихъ эстами. Сами они называютъ себя maara'wals (народъ земли, туземцы), maa thee' (человѣкъ земли). Латыши называютъ эстовъ также словомъ Igauns (изгнанники), потому что латыши, какъ племя чуждое, пришедшее въ Ливонію, вытѣснили эстовъ изъ мѣстъ ихъ первоначальнаго обитанія и сами заняли ихъ мѣста.

Языкъ эстовъ есть общефинскій языкъ западной вѣтви этого племени съ нѣкоторыми уклоненіями отъ него, происшедшими въ теченіе вѣковъ. Нынѣшній эстонскій языкъ имѣетъ нѣсколько нарѣчій, изъ коихъ главные: Ревельское и Дерптское; Ревельское нарѣчіе сдѣлалось языкомъ литературнымъ. Эстскій языкъ обилуетъ гласными и, по общему признанію языковѣдовъ, весьма благозвученъ; финскій языкъ чрезъ чуръ испестрился двугласными на подобіе шведскаго.

Эсты, какъ и всѣ финскія племена по характеру необщи-

тельны, подозрительны, не любятъ перемѣнъ, наклонны къ тихому семейному быту и не лишены плодовитаго воображенія, о чемъ свидѣлствуютъ ихъ богатые содержаніемъ поэтическіе вымыслы. Эти племенные качества вмѣстѣ съ сѣвѣрною угрюмою природою и отдаленіемъ отъ народовъ образованныхъ были причиною того, что эсты, какъ и всѣ финскія племена, такъ долго не могли подняться на болѣе высокія ступени общественнаго развитія и почти нигдѣ не создали самобытной государственной жизни. Эсты, по словамъ нѣмецкихъ лѣтописцевъ, были свирѣпы, но вмѣстѣ съ тѣмъ сильны, мужественны и болѣе способны къ сопротивленію, нежели латыши. Такъ, по свидѣтельству Аल्पеке, въ одной битвѣ съ литовцами ливы и эстонцы бились превосходно, а латыши напротивъ покрылись позоромъ. Эстонецъ мало чувствителенъ къ внѣшнимъ впечатлѣніямъ, всегда остается вѣрнымъ своимъ рѣшеніямъ такъ, какъ и разъ почувствованнымъ симпатіямъ и антипатіямъ.

Раздѣленіе земли эстовъ, ихъ города и оружіе. Земля эстовъ до нѣмецкаго нашествія раздѣлялась на округа, а тѣ опять на келеконды или кихельконды. Округи эти были слѣдующіе: 1) Сакала (нынѣшній Феллинскій уѣздъ съ замками Вильянде, Ореле, Пурке); 2) Соонтаганъ (Заболотье) съ замкомъ того же имени по сѣверную сторону рѣки Перновы; 3) Угенойсъ между озеромъ Вирць-Ярвь и Валкомъ (не отъ Угенойсъ ли произошло латышское названіе эстовъ Igauns?); 4) Унганія (область Дерпта) съ замками: Тарбатъ (Tarapada — котловина Тара) и Оденіэ; 5) Нурменондъ (Оберпаленскій округъ), или Поляна; 6) Вормекондъ съ замкомъ Пала къ сѣверу отъ озера Вирць-Ярвь; 7) Ваія или Вайгле съ замкомъ Сомеликъ или Сомель, Ріола (нынѣшній Лайскій и Тормаскій приходы); 8) Виронія съ 5-ю келекондами и крѣпостями Майаннаке и Агелинде; 9) Ярве съ Ланекондъ и Каретень съ 3-мя келекондами; 10) Моке (Моха или Moge) между Оберъ-Паленомъ и Вейсенштейномъ; 11) Алемпайсъ къ западу отъ Нурмеконда до рѣки Перновы; 12) Гарріенъ (Гарье) съ замками Лоне и Варбела или Верпель съ Ругеле, куда собирались эсты изъ всѣхъ своихъ земель для совѣщаній; здѣсь было три келеконды; 13) Ротеле-Викъ съ замками Леаль и Ротола,

образовавшій 7 келекондъ; 14) Ревеле съ замкомъ Линданисса (нынѣшній Ревель); 15) Эзель (по эстски Kuresaar—островъ Куровъ или Саарема—земля островъ) съ 4-мя келекондами и сильными замками Вольде и Мооне (Muho) и со многими земляными городами, остатки коихъ существуютъ до-нынѣ. Слово Килекундъ или теперь по эстски кихелькондъ (приходъ), по мнѣнію нѣкоторыхъ, значить „община жребія“, потому что отдѣльныя селенія посредствомъ жребія соединялись для взаимной помощи и защиты. Въ каждой килекундѣ былъ свой городъ. Города эти строились не для жительства и торговли, а служили мѣстами убѣжища для народа во время войны. Они строились всегда или на горѣ или же въ неприступномъ болотѣ, или же на островѣ озера или рѣки. Городъ окружался толстою каменною или земляною стѣною, на которой дѣлалась еще крѣпкая деревянная стѣна изъ бревенъ. За стѣною въ городѣ стояли небольшіе домики, а въ центрѣ города большой глубокій колодезь. Если городъ строился на сушѣ, то вокругъ него выкапывали глубокій и широкій ровъ, который наполнялся водою. Во время войны въ городъ скрывали женъ, дѣтей, стариковъ и все имущество. Способные къ оружію встрѣчали враговъ въ полѣ, но въ случаѣ невозможности устоять въ открытомъ полѣ они уходили въ городъ и защищали оный на стѣнахъ, бросали оттуда на осаждающихъ камни, бревна и горячую смолу. Болѣе чѣмъ отъ 50-ти такихъ городовъ сохранились развалины. Если непріятель шелъ на штурмъ, то укрѣпленія города сжигались. Оружіе Эстовъ, Куровъ и Ливовъ состояло изъ мечей, копій, дротиковъ, которые они умѣли бросать съ такою силою, что имъ не могли противиться щиты скандинавовъ Саксонъ; у куровъ были также щиты изъ двухъ досокъ, подпертыхъ дубинами.

Земледѣліе и домашній бытъ эстовъ. Эсты, ливы и куры занимались охотою, рыбною ловлею и въ особенности скотоводствомъ. По свидѣтельству Генриха Латыша во время одного похода на Ливское побережье нѣмцы забрали въ добычу 4000 головъ рогатаго скота и еще болѣе лошадей, съ Эзеля взяли однажды 2000 лошадей и столько же обобрали у жителей Сакалы. Изъ нынѣ употребляемыхъ эстами земледѣльческихъ орудій многія,

какъ наприм. сохи и бороны, очевидно, туземнаго происхожденія, также какъ и обычай сушить хлѣбъ, прежде чѣмъ его молотить, выжиганіе и выкарчевываніе пней и т. д. Хлѣба было достаточно для мѣстнаго потребленія. Эсты занимались также пчеловодствомъ и пили медъ; приготовленіе же пива не знали. О разведеніи овощей не сохранилось извѣстій, но изъ древнихъ пѣсней и сказокъ видно, что у древнихъ эстовъ были огороды для капусты, брюквы, моркови. Эсты и Ливы жили въ хорошихъ, большихъ, многолюдныхъ деревняхъ. Дома строились какъ и нынѣ изъ бревенъ и покрывались соломой или тростникомъ, но они были въ древности гораздо опрятнѣе, красивѣе, нежели нынѣ, потому что народъ былъ состоятельнѣе. Совмѣстное и скученное жительство эстовъ должно было у нихъ оживить умственныя сношенія и облегчить имъ защиту края. Живя обществами, они любили пѣсни и удовольствія.

Занятія ремеслами ограничивались приготовленіемъ одежды, оружія и домашней утвари. Одежда, какъ и теперь у эстовъ, шилась изъ грубой шерстяной матеріи темнаго цвѣта и обшивалась разноцвѣтными шнурками, преимущественно же красными. Подъ кафтанами они носили полотняныя рубахи, и исподнія, а на ногахъ пасталы изъ сырой кожи (родъ кожаныхъ лаптей), привязываемыхъ къ ногѣ ремнями. Домашняя утварь была проста, изъ дерева. Печи въ домахъ дѣлались изъ булыжнаго камня, безъ дымовыхъ трубъ. Оконъ въ домахъ также не было, потому что не знали стекла. Свѣтъ въ дома проходилъ чрезъ отверстія въ дверяхъ или стѣнахъ. Въ отверстія эти иногда вставлялись пузыри. Жители Эзеля умѣли готовить также метательныя машины. Это искусство они усвоили вѣроятно во время своихъ морскихъ походовъ въ чужія края. Жители Эзеля и береговые эсты знали кораблестроеніе, мореплаваніе и канатное мастерство и могли въ нѣсколько дней составить флотъ изъ нѣсколькихъ сотъ разбойническихъ судовъ, которые отличались видомъ отъ другихъ кораблей. Непріятельскіе корабли они старались сцѣплять со своими кораблями помощью желѣзныхъ крюковъ или зажигать помощью брондеровъ. Оружіе свое они приготовляли сами, но металлъ для этого они

должны были покупать. Въ древнихъ ливскихъ и эстскихъ могилахъ найдены во множествѣ браслеты для рукъ и ногъ, кольца, ожерелья, шпильки, а также большія серебрянныя пряжки, кои женщины носили на груди. Пряжки эти употребляются въ нѣкоторыхъ мѣстахъ до настоящаго времени.

Изъ сохранившихся эстскихъ сказаній, сказокъ и пѣсней видно, что у древнихъ богатыхъ эстовъ на столахъ были золотыя яблоки въ серебряныхъ блюдахъ, у женщинъ дорогія ткани и украшенія, а у мужчинъ прекрасныя лошади и дорогія сѣдла и чепраки.

Торговля сношенія эстовъ съ другими народами. Берега Балтійскаго моря посѣщали уже древніе финикіане и вывозили отсюда янтарь, но до какихъ именно мѣстъ они доходили неизвѣстно. За янтаремъ пріѣзжали сюда также греки и римляне. И дѣйствительно, при раскопкахъ въ разныхъ мѣстахъ Прибалтійскаго края найдены монеты Финикійскія, Фазоскія, Сиракузскія, Македонскія временъ Александра Македонскаго, Киринейскія, Панормскія, Неапольскія, римскія временъ Августа, Тиверія, Калигулы, Клавдія, Домиціана, Трояна, Адріана, Антонина Пія, Фаустина Старшаго, Коммода и Филиппа Аравитянина, а монеты Балузіана именуютъ его даже Финскимъ и Венденскимъ. Монеты временъ Авреліана, Клавдія Гота, Константина, Констанса, Валенса, Граціана и т. д. найдены внутри Курляндіи и въ Лифляндіи у Сунцеля. Центромъ торговли на Балтійскомъ морѣ сначала былъ островъ Эзель, а потомъ островъ Готландъ, гдѣ въ г. Висби также проживало много ливскихъ и эстскихъ купцовъ. Жители Прибалтійскаго края имѣли торговля сношенія также съ франками, англосаксами, датчанами, норвежцами и шведами, не говоря уже о русскихъ. Объ этихъ сношеніяхъ свидѣлствуютъ найденныя въ краѣ многочисленныя англо-саксонскія монеты отъ 800 г., англо-датскія отъ 1017 г., нѣмецкія и франкскія отъ 822 г., византійскія отъ 868 г., русскія отъ 1030 г. и многія куфическія отъ 762 г. Куфическія монеты попадались въ большемъ количествѣ преимущественно въ Эстляндіи и Эстонской Лифляндіи. Англо-датскія монеты находили на Эзелѣ, у Ревеля, Пернова, Ашерадена, Виндавы,

Дерита и Верро. Болѣе всего нѣмецкихъ и франкскихъ монетъ находятъ со времени Этельреда (378 г.) до смерти Канута (1036 г.). По найденнымъ монетамъ и другимъ древностямъ въ могилахъ эстовъ въ Ашераденѣ и Кремонѣ видно, что въ IX—X вѣкахъ сношенія эстовъ съ англо-датчанами и русскими были въ полной силѣ. Нѣкоторыя украшенія и оружіе, найденныя въ этихъ могилахъ, частью скандинавскія, частью туземныя, именно эстскія. И такъ какъ могилы эти — остатки кровавыхъ сраженій, то можно съ полною вѣроятностію заключить, что около этого времени на ливовъ и эстовъ напали латыши и начали занимать юго-восточную часть Лифляндіи, въ которой они ко времени нашествія нѣмцевъ утвердились и при помощи нѣмцевъ распространились, вытѣсняя и истребляя ливовъ.

Предметами торговли у древнихъ эстовъ были кожи, ленъ, пенька, воскъ, сало, мѣха, а также взятые въ плѣнъ рабы. Были и богатые купцы. Такъ Гейшекрлингъ упоминаетъ о богатомъ эстскомъ купцѣ въ Викѣ, который между прочимъ былъ и морскимъ разбойникомъ. Изъ разсказа объ этомъ купцѣ видно также, что у древнихъ эстовъ были ярмарки. Лѣтомъ купецъ этотъ посѣщалъ большею частію эстскія ярмарки и тамъ нашелъ въ рабствѣ одну бывшую королеву, освободилъ ее и женился на ней. Хотя Ніэнштедъ и говоритъ, что ливы, при началѣ торговли съ нѣмцами, платили кусочками бѣличьяго мѣха, но у нихъ не было недостатка и въ благородныхъ металлахъ, которые покупались или похищались во время набѣговъ. Такъ одинъ норманскій морской разбойникъ нашелъ въ 917 г. у куровъ звѣриную шкуру, набитую серебромъ. По словамъ Генриха Латыша, архіепископъ Альбертъ положилъ въ 1206 году денежную пеню въ три марки на каждого лива, который не станетъ въ рядахъ воиновъ и въ 1211 г. на округъ Тореиду пеню въ 50 марокъ серебромъ; эстскія крѣпости Оденпэ и Варбола въ 1209 и 1210 годахъ выкупались у осаждавшихъ ихъ русскихъ сперва 400, потомъ 700 марками ногатовъ; въ 1213 г. сыновья латышскаго старшины Талибальда взяли въ нѣсколькихъ эстонскихъ деревняхъ добычи однимъ серебромъ три лифляндскіе таланта (60 фунтовъ). Хотя у эстовъ было свое собственное

названіе денегъ *raha*, но своихъ монетъ не было. Въмѣсто денегъ иногда употреблялись также серебряныя женскія пряжки (эзеринги), которыя вѣсомъ равнялись полфунту и слѣдовательно соотвѣтствовали одной маркѣ.

Нравы ливовъ и эстовъ, по описанію Генриха Латыша, были очень грубы. На войнѣ они мужчинъ убивали, а женщинъ и дѣтей брали въ плѣнъ, (но нѣмцы дѣлали тоже самое). Ливы въ 1206 г. многихъ своихъ земляковъ, принявшихъ крещеніе, разорвали на части, а священнику Іоанну отрубили голову и искрошили его тѣло; однажды взятые въ плѣнъ нѣмцы, латыши и ливы частью зажарены живыми, частью распяты эстами. Между латышами и эстами часто происходили кровавыя распри, грабежи, не говоря уже о взаимной ихъ ненависти; такъ одинъ изъ латышскихъ старшинъ Ржинъ былъ заклятымъ врагомъ эстовъ. Но въ случаѣ нападенія враговъ ливы и эсты забывали распри и дѣйствовали заодно. Лѣтописцы свидѣтельствуютъ, что у ливовъ и эстовъ въ язычествѣ былъ бракъ, но допускалось и многоженство. До нѣмецкаго нашествія прелюбодѣянія у эстовъ не было; если же кто нарушалъ супружескую вѣрность, того сожигали живаго и пепелъ его разсыпали на дорогахъ. Поэтому эсты до настоящаго времени называютъ прелюбодѣяніе „дѣломъ, достойнымъ огня“. Женились язычники эсты такимъ образомъ: когда кто-либо желалъ вступить въ бракъ, то онъ шелъ въ домъ той дѣвушки, которая ему нравилась и привязывалъ свой поясъ къ ея кровати. Если и онъ нравился дѣвушкѣ, то она оставляла поясъ висѣть у кровати своей до тѣхъ поръ, пока она дѣлалась его женой. Если же женихъ ей не нравился, то она тотчасъ выбрасывала поясъ его вонъ изъ дома. За такихъ отверженныхъ жениховъ ни одна дѣвушка не выходила добровольно и они принуждены были добывать себѣ женъ хитростью или похищеніемъ ихъ. Иногда женихъ долженъ былъ покупать себѣ жену у родителей или же работать отцу ея условленное время, какъ Іаковъ Лавану. Родители дѣтей не принуждали къ браку, чего и теперь нѣтъ у эстовъ. Свадьбы праздновались всегда торжественными пирами у невесты, потомъ у жениха. Многіе языческіе свадебные обряды соблюдаются у эстовъ до настоя-

щаго времени. Дѣтямъ давались имена дикихъ звѣрей и птицъ. Умершихъ или сожигали или погребали. Если сожигали ихъ, то вмѣстѣ съ ними сожигали и ихъ оружіе; если же погребали, то оружіе и боевой конь погребались вмѣстѣ съ покойникомъ и его снабжали также кушаньями въ глиняныхъ горшкахъ.

Всякій эстонецъ и ливъ былъ свободный человѣкъ; рабами могли быть только военнопленные. Определенныхъ законовъ не было; все дѣлалось на основаніи обычая и преданія. Существовала только кровавая месть. По словамъ Генриха Латыша у ливовъ господствовало во всѣхъ отношеніяхъ право сильного.

Наслѣдникомъ отцовскаго имущества былъ младшій сынъ, а старшіе сыновья должны были сами добывать состояніе; вслѣдствіе чего они или пускались въ грабежи на сосѣднія племена, или уходили искать счастья на чужбинѣ.

Важные договоры подтверждались наступленіемъ на оружіе. Общественныя дѣла часто рѣшались жребіемъ. Правая рука и правая нога, и вообще правая сторона считались хорошими, а лѣвая рука, лѣвая нога и лѣвая сторона — худыми. И теперь эстонецъ правую руку, ногу и сторону называетъ хорошая рука, хорошая нога, хорошая сторона, а лѣвыя — худыя. Это повѣрье спасло въ Сакалѣ жизнь христіанскаго священника, который избавился отъ смерти тѣмъ, что лошадь переступила копые правою ногою.

Изъ поэмы Калеви-поэгъ видно, что у эстовъ были бани и паренье вѣникомъ, которая въ иныхъ случаяхъ имѣло даже священное значеніе. На свадьбахъ парили новобрачныхъ, парили также новыхъ царей и князей. Въ лѣтнее время чистоту тѣла поддерживали частыми купаньями.

Военные походы начинались обыкновенно до наступленія весенней распутицы. Призывъ на войну совершался посредствомъ гонцовъ, которые съ удивительною быстротою верхомъ на лошадяхъ передавали военныя вѣсти, трубя въ трубы и рогъ. Войско у эстовъ называлось Малева (земское ополченіе) и состояло изъ пѣхоты и всадниковъ и дѣлилось на главный корпусъ и два крыла, а при отступленіяхъ войско строилось клиномъ, широкая сторона котораго обращалась къ неприятелю.

Битва начиналась криками и ударами по щитамъ. До начала битвы развѣдывали о непріятелѣ чрезъ лазутчиковъ. Чтобы задержать непріятеля дѣлали завалы и засѣки. Мирные договоры скрѣплялись жертвами и разнѣмъ оружія, которое присылалось обратно въ случаѣ объявленія войны.

Языческая Религія. Эсты, какъ и всѣ сѣверные народы, искали своихъ божествъ прежде всего въ тѣхъ явленіяхъ природы, которыя поражали своимъ величіемъ, грозностію, необыкновенностію, именно: въ облакахъ небесныхъ, въ водахъ морскихъ, въ дремучихъ лѣсахъ, въ глубинѣ земли. Первоначально они, конечно, обоготворяли внѣшніе предметы и отдѣльныя стихіи въ томъ видѣ, какъ они есть, считая солнце, небо, землю, воду и лѣсъ живыми существами. Потомъ, по мѣрѣ болѣе близкаго знакомства съ этими предметами, они увидѣли, что предметы эти, въ ихъ внѣшнемъ видѣ, не могутъ быть личными, живыми существами, и они стали вѣрить, что имъ присуща высшая сила, которая скрывается въ нихъ и невидимо дѣйствуетъ на нихъ. На слѣдующей ступени религіознаго развитія первобытный человѣкъ отдѣлилъ уже скрытыя, тайныя силы природы отъ матеріи, приписалъ имъ самостоятельное, объективное бытіе, далъ имъ жизнь и душу, плоть и кровь, тѣло и образъ. Такъ образовались первыя божества. Какъ скоро такимъ образомъ боги разорвали связь съ природою и сдѣлались самостоятельными личностями, они само собою стали въ такое отношеніе къ внѣшней природѣ, какъ хозяинъ къ собственности. Такими божествами стали собственно только болѣе могучія стихіи и явленія, какъ-то: воздухъ, вода, земля, лѣсъ. Отдѣльныя части этихъ областей природы были подчинены низшимъ служебнымъ божествамъ. Но надъ всѣми ими возвышался одинъ всемогущій, создавшій вселенную и героевъ. Всѣ эти божества имѣли свои семейства и придворные штаты. Какъ въ благоустроенномъ хозяйствѣ отецъ и мать, сыновья и дочери, работники и работницы имѣютъ всѣ свои особыя занятія и однако съобща, по волѣ хозяина, все направляется къ одной цѣли, точно также по представленію эста всѣ боги, хотя они раздѣлили разныя отрасли міроуправленія между собою по своимъ индивидуальнымъ способностямъ, держатъ

все по волѣ старѣйшаго въ неизмѣнномъ порядкѣ. Молитва смертнаго возсылается всегда къ тому божеству, къ области котораго принадлежитъ то, о чемъ онъ молится. Замѣчательно, что боги въ эстской миеологіи не имѣютъ никакого вліянія на духовную природу человѣка; они дѣйствуютъ только на физическую природу. Мудрость и законъ, добродѣтель и справедливость, любовь и пр. не имѣютъ въ эстской миеологіи покровителей между богами; боги заботятся только о временныхъ потребностяхъ человѣка. Злые боги, напротивъ, сами уступаютъ духовной силѣ человѣка.

Вообще характеръ финно-эстской миеологіи такой же строгій, грозный, какъ вообще у всѣхъ сѣверныхъ народовъ, и зависѣлъ отъ окружающей природы. Застывшія, твердыя формы льда преобладаютъ во всѣхъ поэтическихъ произведеніяхъ сѣвернаго человѣка; они подобны однообразному, снѣгомъ покрытому зимнему сѣверному ландшафту, на который глядитъ ночью украшенный звѣздами и освѣщенный луною сводъ неба и только на короткое время разстилаетъ свой огненный пурпуръ солнце. Станный для насъ міръ боговъ первобытнаго сѣверянина составилъ очень просто. Послѣ долгой зимы, когда оживляющій лучъ солнца превозмогалъ гигантскія массы снѣга и льда, дикій сѣверянинъ выходилъ изъ своей дымной хижины, отыскивалъ свое оружіе и, пользуясь короткимъ лѣтомъ, спѣшилъ въ отдаленныя страны за добычею; суровая бѣдность родины сдѣлала его смѣлымъ и предпріимчивымъ и научила скоро побѣждать непостоянную стихію моря. Осенью онъ возвращался съ добычею домой, въ лѣсную чащу и тогда въ кругу своихъ рассказывалъ онъ о своей трудной борьбѣ на морѣ и опасностяхъ въ далекихъ странахъ. Суровость родины и смѣлые подвиги на чужбинѣ переходили въ представленія слушателей; ночныя сновидѣнія и грезы смѣшивались съ воспринятыми впечатлѣніями и по нимъ образовался мало по малу образъ невидимаго міра духовъ, героевъ и боговъ, предъ которыми потомъ начали благоговѣть.

Боги воздушные. 1) Верховный богъ Укко и твореніе міра. Въ настоящее время финны и эстонцы называютъ Бога Юмаль. И въ древнихъ миеахъ встрѣчается названіе Юмаль; но оно не означаетъ въ нихъ какого либо отдѣльнаго божества; оно озна-

чаетъ вообще божество, какъ латинское *deus*, нѣмецкое *Gott*, и русское богъ; Юмалъ прилагается къ имени каждаго отдѣльнаго божества. Откуда взялось это слово и что оно собственно означаетъ? Отыскать корень этого слова въ финскомъ, эстскомъ и въ другихъ алтайскихъ нарѣчіяхъ не могли до сихъ поръ, а между тѣмъ Юмалъ извѣстенъ кромѣ финна и эста лапландцу, зырянину, черемиссу, самоѣду сибирскому. Это доказываетъ, что первоначально въ древней родинѣ финскихъ племенъ слово Юмалъ дѣйствительно означало какое либо опредѣленное божество. Большинство изслѣдователей финской миеологіи производятъ слово Юмалъ отъ еврейскаго *jum*—день, небо, и *al*—богъ, господинъ. Шифнеръ въ примѣчаніи къ Беклеру производитъ Юмалъ отъ кельтскихъ словъ *mal*—холмъ, возвышеніе, высота и *ju*—сила. Если такъ, то эти корни есть и въ эстскомъ языкѣ: *mailm*—все-ленная и *jou*—сила. Какъ бы то впрочемъ ни было, но Юмалъ въ эстской и финской миеологіяхъ не личный богъ; подъ нимъ разумѣется совокупность всего небеснаго всемогущества, отдѣльныя проявленія котораго за тѣмъ имѣютъ свои особыя названія.

Верховнымъ личнымъ богомъ въ финской и эстской миеологіяхъ является Укко, богъ неба, воздушнаго пространства, плодородія, словомъ, богъ всего полезнаго въ мірѣ. Укко извѣстенъ только финну, эсту и отчасти лапландцу. У венгровъ это божество называлось *agg* (старецъ), у угрскихъ остяковъ *jig* (отецъ), у якутовъ *aga*, *asa* (отецъ и медвѣдь). Словомъ корень Укко *ai*, *ai*, что значитъ дѣдъ, дѣдушка, старецъ, старшій, отецъ. Отъ того въ эстскихъ миеическихъ сказаніяхъ вмѣсто Укко большею частью употребляется *wapa isa*—дѣдушка, *taewa taat*, небесный отецъ. Укко или небесному Дѣдушкѣ приписывается твореніе міра. По однимъ сказаніямъ міръ сотворенъ Укко въ первоначальномъ хаотическомъ состояніи, упорядоченъ и украшенъ онъ уже низшими богами, которымъ Дѣдушка далъ отдѣльныя стихіи въ управленіе; земля и солнечная система украшены героями, первыми разумными твореніями Дѣдушки, полу-богами и полулюдьми. По другимъ сказаніямъ міръ сотворенъ самимъ Укко въ томъ видѣ, въ какомъ мы его видимъ. Первые сказанія, очевидно, древнѣйшія.

Вотъ какъ о сотвореніи міра разсказывается въ финскомъ эпосѣ Калевала: „Въ началѣ времянь не было ни земли, ни солнца, ни луны, ни звѣздъ, были только свѣтъ и вода. Въ необъятномъ воздушномъ пространствѣ жила дѣва Илматара, прекраснѣйшая дочь природы, которая вела жизнь строгую, чистую, дѣвственную. Однако въ своей одинокой жизни въ воздушномъ пространствѣ, она наконецъ почувствовала скуку и спустилась на поверхность воды. Тутъ поднялся вдругъ сильный восточный вѣтеръ; море взволновалось и волны унесли Илматару далеко въ море. Отъ этого она зачала и провела въ беременномъ состояніи 700 лѣтъ (по другому варианту 30 лѣтъ) и не могла разродиться ребенкомъ. Наконецъ ей стало тяжело носить свое бремя, холодъ леденилъ ея члены и она горько стала жаловаться на свое неразуміе, что оставила воздушное пространство и вздумала спуститься на воду, гдѣ теперь носится съ мѣста на мѣсто. Въ своемъ горѣ она обратилась съ молитвою къ Укко, богу неба, чтобы онъ пришелъ и освободилъ ее отъ бремени; но часть освобожденія еще не наступилъ, волны по прежнему носили ее по поверхности воды. Наконецъ дитя само явилось собственною силою на свѣтъ. Это былъ полубогъ и иолучеловѣкъ Ванемойне, т. е. старшій смыслъ, высшее сознаніе. И онъ жилъ многіе годы на поверхности воды. Разъ надъ нимъ явился въ воздухѣ орелъ; онъ кружился, ища мѣста, гдѣ бы свить себѣ гнѣздо. Ванемойне поднялъ свои колѣна изъ воды и соединилъ ихъ въ видѣ холма; орелъ свилъ на нихъ себѣ гнѣздо и положилъ семь яицъ. Въ то время, когда орелъ сидѣлъ на яйцахъ, Ванемойне почувствовалъ, что его колѣна согрѣваются и раздвинулъ ихъ; яйца упали на дно моря и разбились. Между тѣмъ Илматара родила еще сыновей: Илмарина, Леммекена, Вибуана и другихъ. Изъ разбившихся яицъ орла Ванемойне и Илмаринъ создали землю, небо, солнце, луну и звѣзды.“

По другому варианту міръ созданъ до рожденія Ванемойне, въ то время, когда Илматара еще носилась по водамъ, и Ванемойне, явившись на свѣтъ, нашелъ уже твердую землю. Третій вариантъ разсказываетъ, что самъ Укко создалъ и небо и землю

и звѣзды и все, и далъ землю въ управленіе сыну своему Ванемойне.

Этская сага говорить о сотвореніи міра слѣдующее: „Укко или Дѣдушка жилъ въ своемъ высокомъ небѣ; въ его обители свѣтило прекрасное солнце. Онъ создалъ героевъ, чтобы пользоваться ихъ совѣтами, искусствомъ и силою. Старѣйшій изъ нихъ былъ Ванемойне. Дѣдушка создалъ его старцемъ, съ сѣдыми волосами и бородою, и далъ ему мудрость старческую, но сердце юное и даръ поэзіи, музыки и пѣнія. Дѣдушка слушалъ его умные совѣты, и, когда заботы омрачали его чело, Ванемойне игралъ предъ нимъ на своей дивной арфѣ и пѣлъ ему любимыя имъ пѣсни. Второй герой былъ Илмаринъ, въ лучшей порѣ мужества и силы, съ мудростію на челѣ и съ размышленіемъ въ глазахъ. Ему былъ данъ даръ искусствъ. Третій герой былъ Леммекенъ, юноша блестящей красоты, смѣлый, веселый, готовый на всякій подвигъ. Другіе, напр. Вибуане—могущій стрѣлокъ, были не столь замѣчательны. Всѣ они считали себя братьями и Дѣдушка называлъ ихъ своими дѣтьми. Однажды Дѣдушка обратился къ героямъ и сказалъ: „Въ своей мудрости я рѣшилъ создать міръ.“ Герои посмотрѣли пристально ему въ глаза и отвѣчали: „То, что ты рѣшилъ въ своей мудрости, не можетъ быть худо.“ И когда они спали, Дѣдушка сотворилъ міръ. Проснувшись, герои терли себѣ глаза отъ удивленія при видѣ новосозданнаго міра. Но дѣдушка утомился отъ трудовъ при созданіи міра и легъ отдохнуть. Въ это время Илмаринъ взялъ кусокъ лучшей своей стали и выковалъ изъ него сводъ, поставилъ этотъ сводъ какъ шатеръ надъ землею и укрѣпилъ въ немъ серебрянныя звѣзды и луну; изъ передней обители Дѣдушки взялъ онъ свѣтило-солнце и посредствомъ удивительнаго механизма прикрѣпилъ его къ своду такъ, что оно теперь само подымается и опускается. Въ избыткѣ радости Ванемойне схватилъ въ руки свою арфу, воспѣлъ торжественный гимнъ и соскочилъ на землю; пѣвчія птицы послѣдовали за нимъ и вездѣ, гдѣ только касалась его танцующая нога, появлялись цвѣты, и гдѣ онъ пѣлъ сидя на камнѣ, тамъ выросли деревья и пѣвчія птицы сядили на нихъ и пѣли вмѣстѣ съ нимъ. Леммекенъ съ торжествомъ

бѣгалъ по лѣсамъ и холмамъ, а Вибуане пробовалъ свой лукъ. Отъ шума проснулся Дѣдушка и удивился, что міръ сталъ совершенно инымъ, чѣмъ онъ его создалъ. И онъ сказалъ героямъ: „Такъ дѣти! я создалъ міръ какъ простую клѣтку; ваше дѣло украсить его. Скоро я населю землю разнообразными звѣрями и потомъ создамъ человѣка, который будетъ владыкою міра. Но человѣка я создамъ слабымъ, чтобъ онъ не могъ гордиться своею силою, и вы должны дружить съ людьми и даже смѣшаться съ ними, чтобы выросло поколѣніе, которое бы не такъ легко подчинилось злу. Я не хочу и не могу уничтожить зло; оно есть мѣрило и возбудитель добра.“

По другимъ отрывочнымъ сказаніямъ эстовъ, міръ возникъ, какъ и по финскому сказанію, изъ яйца или же созданъ непосредственно самимъ небеснымъ Дѣдушкою такимъ, какимъ мы его видимъ.

Какъ сотворены были животныя и человѣкъ, объ этомъ не сохранилось никакихъ сказаній. Одна эстская сага, въ которой созданіе всего приписывается самому небесному Дѣдушкѣ, говоритъ только слѣдующее о появленіи человѣка: „Небесный Дѣдушка создалъ міръ и распростеръ надъ землею небо съ сіяющими звѣздами, луною и солнцемъ. На землѣ росли всякіе цвѣты, травы и деревья и всякаго рода животныя жили весело. Но животныя не исполняли воли Дѣдушки, стали ненавидѣть и терзать другъ друга. Поэтому Дѣдушка собралъ ихъ всѣхъ вмѣстѣ и сказалъ имъ: „Я создалъ васъ, но не для того, чтобы вы ненавидѣли и терзали другъ друга, а чтобы вы радовались о своей жизни. Я вижу, что вы не можете жить безъ царя, который бы управлялъ вами. Для приѣма его вы должны выкопать рѣку. Выкопайте хорошенько, широкую и глубокую, чтобы всѣ маленькія рѣки могли втекать въ нее. Имя ея будетъ Еша jogi, т. е. Мать-рѣка. Выкопанную землю не бросайте куда попало, но собирайте ее въ одинъ холмъ, на которомъ я велю вырасти прекрасной рощѣ, и тамъ будетъ жить вашъ царь — человѣкъ. И долины и овраги пусть будутъ вокругъ него, чтобы онъ былъ защищенъ отъ вѣтровъ и солнечнаго жара. Я вижу, что васъ собралось здѣсь достаточно, всякій изъ васъ знаетъ

свою силу; ну, за работу!“ Дѣдушка ушелъ, и всѣ взялись за работу. Заяцъ и лисица вымѣрили длину рѣки. Заяцъ скакалъ впереди, лисица шла за нимъ и хвостъ ея тащился по землѣ, оставляя слѣдъ на землѣ для указанія, гдѣ должно копать русло рѣки. Крогъ провелъ первыя борозды; за нимъ шелъ барсукъ; сѣроглазый волкъ разрывалъ землю лапами; медвѣдь таскалъ вырытую землю, ласточки и всѣ другія птицы были въ работѣ. Когда русло рѣки было готово, опять явился Дѣдушка, осмотрѣлъ работу и остался ею доволенъ. Онъ похвалилъ всѣхъ работниковъ. Барсукъ и медвѣдь казалось работали усерднѣе всѣхъ, такъ что были покрыты совершенно землею и грязью. „Хорошо!“ сказалъ имъ Дѣдушка; „эту грязную одежду оставляю вамъ навсегда въ качествѣ почетнаго кафтана въ память вашего усердія. Ты, волкъ, видно также усердно трудился лапами и рыломъ, пусть онѣ и останутся у тебя черными. Но гдѣ же ракъ? у него много рукъ и онъ могъ бы славно работать; не спалъ ли онъ?“ Ракъ, только что вылѣзъ изъ грязи и удивлялся, что Дѣдушка его не замѣчаетъ; онъ вскричалъ по своей глупости: „Дѣдушка, гдѣ твои глаза, что ты меня не видишь? Они вѣрно у тебя назади.“ — „Ахъ ты выскочка, сказалъ Дѣдушка; съ этого времени твои собственные глаза будутъ у тебя назади.“ Покончивъ съ ракомъ, Дѣдушка увидѣлъ овсянку, перелетающую съ вѣтки на вѣтку, выставляющую свои прекрасныя перья на солнце и безпечно чирикающую. „Овсянка!“ сказалъ Дѣдушка; „видно ты ничего не дѣлала, а выставляла только свои перья на показъ другимъ? — „Дѣдушка“, отвѣчала Овсянка, работа была грязная и я не могла пожертвовать своею золотистою одеждою и пачкать свои серебристыя штаны,—что ты самъ на это скажешь?“ — „Легкомысленная нарядница! сказалъ съ гнѣвомъ Дѣдушка. Съ этого времени ты будешь носить черныя штаны и въ наказаніе никогда не будешь уголять своей жажды изъ ручья, а должна будешь пить капли съ листьевъ и, вмѣсто пѣнія, будешь только пищать.“ Послѣ этого Дѣдушка влилъ въ русло рѣки изъ золотой чаши воды, далъ ей отъ своего дыханія жизнь и указалъ, въ какую сторону она должна течь. Такъ образовались рѣка Эмбахъ и холмъ Домбергъ въ Дерптѣ. Сага продол-

жаеть: „Дѣдушка сотворилъ человѣка и поселилъ его на холиѣ и въ рощахъ у Матери-рѣки. Мало по малу люди распространились отсюда повсюду. Сначала всѣ—и человѣкъ и животныя умѣли говорить, но этотъ языкъ былъ простой, будничнѣй, для выраженія обыкновенныхъ потребностей. Дѣдушка собралъ всѣхъ живыхъ тварей, чтобы они научились праздничному языку, т. е. умѣнью складывать пѣсни во славу Божію и для собственнаго удовольствія. Въ назначенный день всѣ собрались къ холму Дѣдушки, на берегъ Матери-рѣки, гдѣ росли прекрасныя рощи. Поднялось чудное дуновеніе вѣтра, ибо съ неба сходилъ великій пѣвецъ Ванемойне. Спустившись на холмъ, Ванемойне иогладилъ свои волосы и бороду, поправилъ свою одежду, откашлялся и сталъ настраивать свою арфу. Сначала поигралъ онъ немного на арфѣ, а потомъ началъ и пѣть подъ арфу и пѣлъ онъ такъ хорошо, что у всѣхъ трепетали сердца и самъ онъ былъ тронутъ. Все молчало. Мать-рѣка остановилась въ теченіи, вѣтеръ утихъ; лѣса, животныя и птицы всѣ слушали внимательно. Но не всѣ поняли пѣснь Ванемойне. Деревья лѣсныя замѣтили только шумъ, когда Ванемойне спускался съ неба и поэтому, когда ты прогуливаешься по лѣсу и слышишь его святой гимнъ, то знай, что божество близъ тебя. Мать-рѣка замѣтила шелестъ одежды Ванемойне и поэтому, она, когда вспоминаетъ весну своей молодости, шумитъ точно также, какъ слышала тогда. Вѣтеръ замѣтилъ одни свистящіе звуки; однимъ животнымъ понравился звукъ, издававшійся при натягиваніи струнъ, другимъ—звуки, издававшіеся при пробѣ струнъ. Пѣвчія птицы, особенно соловей и жаворонокъ замѣтили первоначальную игру на арфѣ безъ пѣнія. Судьба рыбъ была самая незавидная: онѣ высунули свои головы изъ воды только до глазъ, а уши забыли въ водѣ; онѣ видѣли движенія устъ Ванемойне и подражали ему, но звуковъ не слышали и поэтому остались безгласными. Одинъ только человѣкъ понялъ все; поэтому только его пѣсня трогаетъ сердце до глубины и достигаетъ престола небеснаго Дѣдушки. Ванемойне восхвалялъ въ своихъ пѣсняхъ величіе неба и красоту земли и пѣлъ о счастіи и несчастіи человѣческаго рода. При этомъ онъ плакалъ такъ горько, что слезы его промочили на немъ насквозь

шесть верхнихъ одеждъ и семь рубашекъ. Потомъ ушелъ онъ опять въ обитель небеснаго Дѣдушки играть и пѣть предъ нимъ и только посвященныя уши слышатъ иногда въ небесной выси далекіе, дивные звуки его пѣсни. Чтобы люди не забыли его пѣнія, для этого онъ время отъ времени до нынѣ посылаетъ своихъ посланниковъ.

По финскимъ сказаніямъ первосозданные герои Дѣдушки не только научили людей музыкѣ, пѣнію и другимъ искусствамъ, но и сроднились съ ними, женились на дочеряхъ человѣческихъ; эстскія же сказанія брака Ванемойне не допускаютъ. Эстскія саги говорятъ, что Ванемойне ходилъ свататься къ дочерямъ земнымъ; но такъ какъ Дѣдушка сотворилъ его сѣдымъ старцемъ, то ни одна изъ дочерей земныхъ не хотѣла за него выходить, хотя игра и пѣніе его очень нравились имъ. Отъ печали онъ удалился въ уединенный лѣсъ. Здѣсь отыскалъ его веселый братъ Леммекенъ; но, не смотря на все свое остроуміе и шутки, не могъ развеселить его; Ванемойне лилъ слезы и арфа его оставалась безмолвною. Наконецъ онъ вышелъ изъ лѣсу на берегъ озера Эндла и запѣлъ грустныя пѣсни о томъ, что и мудрость ничто предъ юностію. Ходя по берегу, онъ увидѣлъ въ травѣ улыбающееся дитя, которое протягивало къ нему ручки. Ребенокъ звалъ и искалъ матери, но нигдѣ не находилъ. Тогда Ванемойне взялъ дѣвочку на руки, пошелъ съ нею къ Дѣдушкѣ и сказалъ: „Отецъ, подари мнѣ это дитя.“ Дѣдушка исполнилъ его просьбу и милостиво посмотрѣлъ на малютку, и съ этого момента глаза ея всегда сіяли какъ звѣзды и волосы свѣтились какъ золото. Она выросла въ статную дѣвушку и Ванемойне научилъ ее искусству сладко говорить, а дядя Илмаринъ подарилъ ей чудный вуаль, искусно сдѣланный изъ самыхъ тончайшихъ серебрянныхъ нитей. Она жила около озера Эндла *) и воспѣвала здѣсь свои чудныя пѣсни и слагала удивительные рассказы. Имя ея было Ютта. Она полюбила сына Илмарина, Эндла, но юноша умеръ. Горько плакала она о потерѣ милаго. Для утѣ-

---

*) Озеро это находится близъ дороги изъ Дерпта въ Ревель. Окрестности этого озера дѣйствительно прекрасны и жители этой страны отличались особенною поэтичностью.

шенія ея, Илмаринъ подарилъ ей чудный вуаль, сдѣланный изъ тончайшихъ золотыхъ нитей. Ютта и теперь живетъ еще у озера Эндла; она указываетъ прилетающимъ весною птицамъ мѣста ихъ жительства, а иногда ходитъ по берегу и оплакиваетъ смерть своего возлюбленнаго. Когда она подымаетъ свой вуаль, то смотритъ въ счастливое прошедшее и проживаетъ снова сладкія мгновенія. Иногда она даетъ этотъ вуаль и смертному человѣку, и отъ этого происходитъ то, что во время пѣсни и разсказа снова возстаетъ предъ нашими духовными очами прошедшее. Теперь никто болѣе не видитъ Ютту и Ванемойне. Въ послѣдній разъ они явились во время лѣтняго праздника на берегу Матери-рѣки, Ютта въ видѣ старой дѣвы, съ морщинами на лицѣ, опираясь на клюку, а Ванемойне въ видѣ маститаго, сѣдаго старца, съ арфою въ рукахъ. Ютта пѣла о радостяхъ своей юности, о недостаткахъ настоящаго и преимуществъ прошедшаго, и о томъ, какъ много жениховъ сваталось къ ней и какъ она всѣмъ имъ отказывала. Но легкомысленный народъ покрылъ ея пѣсню неистовымъ смѣхомъ и шумомъ. Герольды съ трудомъ умилили народъ. Тогда заигралъ и запѣлъ самъ Ванемойне, стоя на холмѣ. Всѣ слушали въ глубокомъ молчаніи. Но когда послѣднія слова повторилъ голосъ старицы, то поднялся опять неистовый смѣхъ. Тогда Ванемойне гнѣвно взглянулъ на толпу и разорвалъ всѣ струны на своей арфѣ. При видѣ этого толпа умолкла въ изумленіи. Но старецъ и старица оба исчезли и съ тѣхъ поръ никто никогда ихъ не видалъ болѣе. — Очевидно, что Ютта (Jutt—разсказъ) не что иное, какъ олицетворенная поэзія. Въ этомъ разсказѣ объ Юттѣ, поэтически изображается время поэзіи эстовъ до пришествія нѣмцевъ и потомъ время потери эстами на берегахъ Эмбаха независимости и вмѣстѣ съ нею благосостоянія и поэзіи.

Приведенныя нами саги о началѣ міра очевидно сохранились не въ подлинномъ древнемъ видѣ, а потерпѣли сильное измѣненіе при столкновеніи съ библейскимъ ученіемъ; онѣ не болѣе какъ смѣсь древнихъ языческихъ сказаній и библейскаго ученія о началѣ міра и раѣ.

Точно такого же характера и сага о раздачѣ народамъ

именъ и языковъ, только составлена она въ свойственномъ эсту сатирическомъ духѣ. Вотъ эта сага: „Нсбесный Дѣдушка пожелалъ распространить родъ человѣческій по всему лицу земному и дать каждому народу особые обычаи, особый языкъ и особое имя. Для этого всѣ племена должны были собраться въ назначенный день на Синей горѣ. Вода и огонь суть враждебные элементы: они стремятся уничтожить другъ друга. Если человѣкъ содѣйствуетъ одному изъ нихъ, то побѣждаемый не поддается безъ борьбы. Вы конечно слышали и видѣли, какъ влитая въ котелъ и мучимая огнемъ вода сначала издаетъ жалобные тонкіе звуки, потомъ подымается шумное клокотанье и вода напрягаетъ всѣ свои силы, чтобы пролиться чрезъ края котла и уничтожить своего врага. Этотъ опытъ предиринялъ Дѣдушка, чтобы изъ звуковъ и движенія мучимой огнемъ воды заимствовать языки, имена и нравы для всѣхъ народовъ. Дѣдушка началъ съ ранняго утра свои приготовленія. Онъ развелъ огонь, поставилъ надъ нимъ треножникъ, а на треножникъ котелъ съ таинственною жидкостію. Не успѣлъ онъ еще окончить это приготовленіе, какъ явился къ нему народъ статный и бойкій. „Ого! видно рано встали; вы нравитесь мнѣ!“ сказалъ Дѣдушка; „но котелъ еще не кипитъ; чѣмъ вознаградить мнѣ ваше усердіе? Отнимать у васъ время напрасно не хочу. Вотъ что: вы будете называться моимъ первымъ народомъ, *estirahwas*, и мой собственный языкъ пусть будетъ вашимъ языкомъ.“ Такъ явились эсты или первый народъ Дѣдушки, они удостоились чести говорить его языкомъ и быть свободными отъ всего, что непріятно для Бога и служить тяжестью для ближняго. Кто знаетъ всѣхъ тѣхъ, которые потомъ приходили сюда? Кто назоветъ ихъ имена? и кто имѣлъ несчастье быть со всѣми ими знакомымъ? Всѣ получили себѣ имя и языкъ по своимъ свойствамъ. Наступалъ уже вечеръ и Дѣдушка радовался, что богатый дѣлами день приближался къ концу, люди болѣе не приходили и Дѣдушка сталъ тушить огонь. Вдругъ появились люди длинноносые, съ фальшивыми и посыпанными мукою волосами на головѣ, въ пестрой дроздоподобной одеждѣ и обвѣшанные всякою всячиною. Дѣдушка посмотрѣлъ на нихъ косо

чрезъ плечо и сказалъ: „легкомысленные наряды отняли у васъ время! Раздуйте теперь сами огонь.“ При началѣ кипѣнія вода въ котлѣ издавала звуки: Deutsch! Deutsch! Потомъ закипѣла уже вполнѣ: Saksal! Saksal! „Хорошо!“ сказалъ Дѣдушка; „довольно! вы слышали теперь ваше имя и языкъ, идите теперь.“ За тѣмъ пришли русскіе. Съ ними расчетъ былъ также короткій. Послѣ нихъ Дѣдушка думалъ, что все уже покончено, разбросалъ горѣвшія еще головни и легъ отдохнуть. Но вотъ пришла еще толпа людей лѣнивыхъ, неумытыхъ и безстыжихъ. Они оправдывали себя далекимъ разстояніемъ и худою дорогою. „Для лѣнивцевъ и негодаевъ у меня нѣтъ особаго имени и языка!“ сказалъ имъ Дѣдушка. „Не желаете ли, чтобъ я снова развелъ огонь? Впрочемъ, погодите, не прочитаю ли я что либо на поверхности воды.“ Онъ посмотрѣлъ въ котель; на водѣ была пѣна; онъ оттолкнулъ поварешкою пѣну и бросилъ одну поварешку пѣны на землю. Упавшая пѣна произвела извѣстный звукъ: Латш! „Хорошо!“ сказалъ Дѣдушка; „имя ваше будетъ Латшъ, Латвишъ, и языкъ вашъ пусть составитъ изъ оскребышей всѣхъ другихъ языковъ.“ Такъ получили свое имя и языкъ латыши. Дѣдушка послѣ этого ушелъ на небо; котла нѣтъ болѣе тамъ; но мѣсто, гдѣ горѣлъ огонь, еще видно, и въ то время, когда всѣ другіе холмы блестятъ при сіяніи солнца, эта гора покрыта синимъ дымомъ.“ — Гдѣ находится Синяя гора, сага не указываетъ; но верстахъ въ 20 отъ Вольмара къ Лемзалю есть гора, которая дѣйствительно кажется издали всегда покрытою синимъ дымомъ.

Укко или Дѣдушка былъ самымъ уважаемымъ и любимымъ богомъ древнихъ эстовъ; въ честь его были самые торжественные праздники, ему приносились постоянно жертвы. По представленію эстовъ, онъ жилъ въ неописанно красивыхъ небесныхъ чертогахъ, окруженный героями—своими дѣтьми и другими низшими добрыми богами, его вассалами. У Укко была и супруга Амта или Маа-ета—Бабушка, Мать-земля, добрая хозяйка, но объ ней будетъ рѣчь впереди. Укко въ сагахъ иногда называется еще Тара. Откуда взялось и что значитъ это слово, изслѣдователи эстской мѣологии не могли еще опре-

дѣлать. Нѣкоторые полагають, что Тара все равно что скандинавскій Торъ. Но между Тара эстовъ и Торомъ скандинавовъ нѣтъ никакого сходства: Тара—богъ добрыхъ, полезныхъ воздушныхъ явленій, а Торъ—богъ грозныхъ явленій грома и молній. Слово Тара не произошло ли отъ русскаго слова старыи? эсть и теперь, по свойству своего языка, вмѣсто старыи говорить тара. Слово Тара слѣд. не есть ли просто русскій переводъ имени Укко или Wana isa? Это мнѣніе тѣмъ вѣроятнѣе, что финны, ближайшіе сосѣди скандинавовъ, не знаютъ бога Тара. Мнѣніе нѣкоторыхъ, что Тара былъ отдѣльный отъ Укко богъ, именно богъ войны, и что въ честь его былъ особый музыкальный инструментъ Тагарилл, не имѣетъ никакого основанія. Ни въ финскихъ, ни въ эстскихъ сагахъ нѣтъ ни слова о богѣ войны.

2) *Пикеръ*. Первобытнѣйшій человѣкъ не могъ представить, чтобы всѣ небесныя явленія, пріятныя и грозныя происходили изъ одного источника. Каждое величественное явленіе имѣло по его представленію свою самостоятельную причину. Напр. буря, преклоняющая главы могучихъ дубовъ и вырывающая изъ земли сосны съ корнями, могла происходить изъ одного источника съ грозными морскими волнами; но пріятное, тихое вѣяніе вѣтра, касающееся освѣжительною прохладою щекъ, должно было исходить изъ другихъ устъ. Грозный богъ, огненныя стрѣлы котораго при страшныхъ раскатахъ грома зажигаютъ хижину и раздробляютъ на поляхъ камни и въ лѣсахъ деревья, не могъ быть тѣмъ самымъ, который заставляетъ на землѣ расти траву, цвѣты, ягоды, хлѣбъ и научаеъ пчелу высасывать медъ изъ цвѣтовъ.

Грозный богъ молніи и грома у эстовъ назывался первоначально Aike (aïke, aïkine вспльчивый) и Kou (kōwa) или jōu (сила, сильный); а въ послѣдствіи стали его называть также Пикеръ, Пикеръ—таатъ. Названія Пикеръ въ финской мифологій нѣтъ; оно заимствовано эстами отъ русскихъ или латышей и есть измѣненный Перунъ или Перкунъ. Aike или Пикеръ представляется въ сагахъ то ѣдущимъ по небесному желѣзному мосту въ колесницѣ съ мѣдными колесами, отъ которыхъ сы-

пятся искры и раздаются удары грома; то бросающимъ изъ лука огненныя стрѣлы, то стучащимъ молотомъ, то съ огненнымъ мечемъ въ рукахъ. Пикеръ хотя страшный и грозный, но не злой; напротивъ, онъ наказываетъ своими стрѣлами злыхъ духовъ. Если же случаются отъ молніи несчастія, то здѣсь виноватъ не Пикеръ, а злые духи: когда Пикеръ гоняется за ними, они прячутся въ земные предметы и потому вмѣстѣ съ ними поражаются стрѣлами Пикера и эти предметы. Послѣ Укко, Пикеръ былъ самый уважаемый богъ. Ему часто приносились жертвы и молились, что-бы онъ щадилъ посѣвы. Сохранилась слѣдующая языческая молитва къ Пикеру: „Любезный Пикеръ! Мы жертвуемъ тебѣ быка, у котораго два рога и четыре копыта, и просимъ тебя о нашихъ поляхъ и посѣвахъ, чтобы наша солома была мѣднокрасная, наши хлѣба золотистыя. Прогони всѣ черныя тучи куда нибудь, чрезъ большія болота, высокіе лѣса и широкія пустыни. Дай нашимъ полямъ и посѣву сладкій дождь и плодородіе. Святой Пикеръ! Сохрани наши поля, чтобы они приносили внизу хорошую солому, вверху хорошіе колосья, а внутри хорошія зерна.“ — Въ честь Пикера былъ праздникъ въ началѣ декабря нодъ названіемъ Jöulud.

3) *Божества: солнце, луна и звѣзды.* Хотя Укко былъ богъ всего міра, но планеты и звѣзды, по вѣрованію эстовъ, имѣли своихъ боговъ. Боги эти хотя низшіе, чѣмъ Укко, но полные хозяева каждый въ своей области. Первоначально эсты, конечно, обоготворяли видимыя матеріальныя свѣтила, а потомъ уже одухотворили ихъ. Солнце, луна и звѣзды имѣли женъ и дѣтей. Они пріѣзжали торжественно въ колесницахъ на землю за невестами и сватали дочерей героевъ. Дома у себя они жили въ прекрасныхъ дворцахъ, имѣли множество лошадей, экипажей и кучеровъ. Между звѣздами высшимъ божествомъ считалась большая медвѣдица. Въ сагѣ Koiti и Amapik солнце является уже простымъ свѣтиломъ Дѣдушки; только зажиганіе солнца поручено имъ Койту, а гашеніе Эмарикку, существамъ живымъ, вѣчнымъ жениху и невестѣ.

Кромѣ этихъ боговъ небеснаго пространства эсты молились еще богу и богинѣ вѣтровъ: tuule jumal, tuule ema, marušem. Но

кромѣ названій этихъ въ сагахъ объ нихъ ничего не говорится. Только видно, что имъ молились въ болѣзняхъ. Эсты вообще вѣрили, что всѣ болѣзни происходятъ отъ вѣтровъ. Сѣверное сіяніе въ эстскихъ сагахъ является движеніемъ и сраженіемъ особыхъ огненныхъ духовъ, которые называются *wirmalised*.

Богъ водяные. Между боготворимыми земными предметами у эстовъ первое мѣсто занимаетъ вода. Уже простой взглядъ на неизмѣримую морскую поверхность и грозныя бурныя волны, на быстро текущую рѣку, на шумящій водопадъ и всеистребляющіе разливы, на тихія покойныя воды озеръ и на чистые прозрачные источники, давалъ большую пищу религіозному чувству. Еще болѣе развивалось это чувство благоговѣнія въ человѣкѣ, когда онъ узналъ, какъ легко поглощаютъ волны его жизнь и съ другой стороны, сколько пользы доставляетъ ему вода, утоляя жажду и холодъ, обмывая его тѣло и одежду и проч.

У эстовъ вода была въ великомъ уваженіи. У нихъ до сихъ поръ многіе рѣки, озера и источники называются святыми. Изъ рѣкъ, кромѣ Эмбаха, особенно святою считалась рѣчка *Выханда*, берущая начало въ Дерптскомъ уѣздѣ въ Оденпескомъ приходѣ, при деревнѣ Илмъервъ и по соединеніи съ рѣкою Мята впадающая въ озеро Пейпусъ. Рѣка эта считалась такою святою, что никто не смѣлъ около нея срубить дерево или сломать вѣтвь на немъ; смѣльчакъ, рѣшавшійся на это, долженъ былъ умирать въ томъ же году. Ключъ, изъ котораго она вытекаетъ, очищался ежегодно и эсты вѣрили, что если въ него попадаетъ что либо нечистое, то явится непогода и язва. Гутславъ рассказываетъ, что одинъ помѣщикъ построилъ на этой рѣкѣ мельницу и запрудилъ ее; какъ на грѣхъ, открылась продолжительная непогода. Эсты взяли и сломали мельницу. Рѣчкѣ этой въ древности жертвовали не только животныхъ, но даже, по свидѣтельству Гутслава, дѣтей. — Изъ озеръ святыми считались *Rūha järw* — святое озеро, Илмъервъ, Эндлаервъ и другіе. Священные источники раздѣлялись на источники жизни (*elu hallikad*), источники глазъ (*silma hallikad*), источники погоды (*ilma hallikad*). Источники погоды (большею частію рѣки и маленькіе озера)

считались бездонными и всякій, кто осмѣливался измѣрять глубину ихъ, подвергался гнѣву боговъ. Обыкновенною жертвою имъ была козлиная голова. Вода источниковъ жизни заключала, по вѣрованію эстовъ, цѣлительную и обновляющую силу, поддерживающую юность. Въ ней купали дѣтей; дѣвицы въ новолуніе умывали ею свои лица, чтобы они скоро не поблекли. Вода глазныхъ источниковъ исцѣляла глазныя болѣзни. Имъ всегда приносилась благодарственная жертва, какъ то: лоскутокъ матеріи, крашенная пряжа, перо, прядь льна или шерсти, иногда также мелкая серебряная монета. Бѣдный, неимѣвшій ничего, чтобы принести въ жертву, просто скоблилъ ножомъ въ источникъ съ чужой монеты или брошки, потомъ обмывалъ свои глаза, приговаривая: „бѣлое серебро источнику, свѣтлость моему темному глазу.“

Богъ воды назывался у эстовъ и финновъ Ахти или Ахто (отъ ahti, вѣроятно, послѣ произошло слово waht—пѣна). Ahis, ahtis встрѣчается и въ индійскихъ водахъ и значить озеро, море. Ахти приписывались человѣческій образъ, человѣческія чувства и страсти. Онъ представлялся въ видѣ почтеннаго старца, съ травονодобною бородою и волосами, въ плащѣ изъ пѣны. Въ сагахъ онъ называется господиномъ водъ, обладателемъ огромныхъ сокровищъ, поглощаемыхъ водою. Онъ вообще не милостивъ, не возвращаетъ того, что попадаетъ въ его руки. Но иногда и его сердце возбуждается къ состраданію. Такъ въ одной сагѣ разсказывается, что разъ пастушокъ уронилъ свой ножъ въ воду и плакалъ на берегу. Ахти услышалъ его плачь, сталъ бросать волны на берегъ и вмѣстѣ съ ними выбросилъ золотой ножъ. Невинный мальчикъ не бралъ этого ножа, говоря, что это не его ножъ. Ахти сталъ снова бросать волны и выбросилъ серебряный ножъ. Мальчикъ не бралъ и этого ножа. Наконецъ, Ахти выбросилъ настоящій ножъ, который мальчикъ съ радостію призналъ своимъ. Въ награду за честность мальчика, Ахти подарилъ ему и серебряный и золотой ножи.— Ахти рѣдко возвращаетъ утопленниковъ; души ихъ очень нравятся ему; онъ держитъ ихъ въ своихъ подводныхъ обителяхъ и доставляетъ имъ всякія наслажденія. У Ахти есть всякія богатства; но

главное его богатство составляют рыбы. Богатства его скрыты въ пропастяхъ и пещерахъ подводныхъ. Мѣсто жительства самаго Ахти называется Ахтіола. У Ахти есть супруга—Wee emand, weema, т. е. госпожа или мать водъ. Она представляется въ видѣ почтенной старушки, доброй, тихой, гостепріимной и заботливой хозяйки. Нарядъ ея слѣдующій: на головѣ сѣрая, водоподобная шапочка, сорочка, нагрудникъ изъ кисеи, якъ, обшитый нѣжными бусами и сверхъ всего пѣнообразный плащъ. Ахти призывали во время бури, наводненія, ловли рыбы и проч.—Прочія водяныя божества назывались Ahtilased—жители Ахтіолы, Ahti wägi—войско Ахти, Ahti lapsed—дѣти Ахти, Ahti neiud—дочери Ахти, nakid—русалки, заманивающія иногда въ воду живыхъ людей. Всѣ они подчинены Ахти и его супругѣ какъ дѣти и подданные. Они живутъ не только въ моряхъ, но и въ озерахъ, рѣкахъ, источникахъ и колодцахъ. Они изображаются маленькими, но способными принимать и громадныя тѣлесныя размѣры. Всѣ они добрыя, привѣтливыя, услужливыя существа.—Чтобы вода зимою въ источникахъ не замерзала, боги каждою осенью бросаютъ въ нее теплый камень (soja kiwi), а каждою весною холодный камень, чтобы вода лѣтомъ отъ тепла солнечнаго не испортилась, а оставалось бы всегда свѣжею.

Боги земные. Эсты, подобно другимъ народамъ древности, считали землю божественнымъ существомъ и чествовали ее подъ образомъ щедрой матери, дающей пищу человѣку и животнымъ. Называлась она таа-еша, мать земля. Она была супругою Укко. Ее призывали какъ покровительницу плодородія, у нея просили помощи во всѣхъ слабостяхъ и болѣзняхъ. Въ древнихъ сказаніяхъ эстовъ и финновъ встрѣчаются иногда и другія подчиненныя матери землѣ божества, но безъ всякаго опредѣленнаго круга дѣятельности, таковы напр. Kõndos, Rõngutaja, Egres и пр. Видно, что эти древнія божества были забыты эстами и финнами, когда они изъ болѣе теплыхъ и плодородныхъ странъ должны были переселиться въ нынѣшнія холодныя, неплодородныя страны, гдѣ и одному божеству земли нечего было дѣлать и гдѣ не столько давла сама земля, сколько трудъ человѣка.

Лучшихъ кормильцевъ для себя финны и эсты видѣли въ

дремучемъ лѣсѣ и въ морѣ, озерахъ и рѣкахъ. Поэтому божества водяныя и лѣсныя у нихъ пользовались большимъ уваженіемъ нежели божества земли. Лѣсной богъ у финновъ назывался Тапіо (отъ *tapma*—убивать), а у эстовъ Гальясъ (зеленой), *metsa isa* (лѣсной отецъ), *metsa kuning* (лѣсной царь). Онъ представляется въ видѣ старца съ сѣдою бородою, въ высокой шляпѣ изъ сосновыхъ и еловыхъ иглъ и въ шубѣ изъ древеснаго мха. Его называли мудрымъ, справедливымъ, внимательнымъ, господиномъ земли, благодѣтелемъ и т. д. Эпитеты эти дакзываютъ, что онъ пользовался великимъ уваженіемъ. По финскимъ сагамъ у тапіо была супруга Мимерки милая мать лѣсовъ. Какъ тапіо, такъ и супруга его иногда изображаются въ необыкновенной пышности, въ коронѣ и брилліантахъ, иногда же въ лохмотьяхъ. У Тапіо были свои замки въ дремучихъ лѣсахъ, гдѣ собраны были всякія сокровища. Ключи отъ этихъ сокровищъ находились въ рукахъ Мимерки. Главное богатство Тапіо составляли многочисленные лѣсные звѣри и полевые животныя. Безъ его изволенія нельзя было находить дичи; поэтому охотникъ предъ отправленіемъ на охоту всегда молился ему и обѣщалъ богатую жертву, если онъ погонитъ ему на встрѣчу дичь.

Такъ какъ дикихъ звѣрей и всякихъ животныхъ было очень много и Тапіо съ его супругою однимъ было трудно услѣдить за всѣми ими, то у нихъ были помощники и помощницы. Богомъ домашнихъ животныхъ былъ *Kakri*, *karja kaswataja*. Ему молились весною при выгонѣ скота и въ честь его совершался праздникъ около недѣли всѣхъ святыхъ. Въ управленіи дикими звѣрями и птицами Тапіо помогали его сыновья и дочери. Въ финскихъ рунахъ упоминается о сынѣ Тапіо *Нирики*, статномъ мужчинѣ въ сѣрой синей мантии, съ высокою краснобурою шляпой на головѣ, и о дочеряхъ его полногрудой *Теллерво* и веселой, привлекательной *Тулики*. Въ эстскихъ сагахъ этихъ именъ не встрѣчается; въ нихъ упоминается только о третьей дочери Гальяса или Тапіо, которая называется просто *metsa piiga*, лѣсная дѣва. Она защищала домашній скотъ отъ нападеній хищныхъ звѣрей. У ней была флейта въ рукахъ; звуками флейты она собирала разбродившихся звѣрей лѣсныхъ.

Деревья въ лѣсу имѣли также своихъ покровителей, особенно дубъ, липа, рябина. Высшими божествами деревъ у финновъ были Леммесъ и его жена Кати, заботившіеся о ростѣ деревъ. Въ эстскихъ сказаніяхъ именъ этихъ не встрѣчается; однако и у эстовъ какъ отдѣльныя деревья, такъ и цѣлыя рощи считались священными. Деревьямъ приносили въ жертву свѣжую кровь животныхъ, поливая ею корни деревъ, также свѣжую похлѣбку. На лугахъ и пастбищахъ подъ деревьями на небольшихъ камняхъ приносили жертву за скотъ и лошадей; кромѣ снѣдомыхъ жертвъ приносили между прочимъ пучекъ лошадиныхъ волосъ, перевязанный красною шерстью.

Богиня травъ, муравы, цвѣтовъ въ эстскихъ сагахъ называется *М у р о г е й т ъ* (*Muroheit*), т. е. матушка-мурава. Она имѣла дочерей, которыя навѣвали пріятные сны на людей. Онѣ были очень добрыя божества. Въ лѣтній праздникъ около Иванова дня собирали *ц в ѣ т ы с ч а с т ь я* (*õnne lilled*), плели изъ нихъ вѣнки, вѣшали оныя на вѣтвяхъ деревъ и когда они засыхали, то брали и клали ихъ подъ подушку и по навѣянныимъ ими снамъ гадали о будущемъ. При жертвоприношеніяхъ деревьямъ и богинѣ травъ молились и о скотѣ; такъ въ одной языческой пѣснѣ молится приносящій жертву: „пошли счастье рогатой скотинѣ, охраняй нашихъ копытныхъ, покровительствуй нашимъ пернатымъ.“

Въ эстскихъ сагахъ, пѣсняхъ и сказкахъ упоминается еще о богинѣ *Rõugutaja*, покровительницѣ беременныхъ женщинъ, родильницѣ и новорожденныхъ младенцевъ; такъ въ сказаніи о сынѣ Калева *Линда* призываетъ *Rõugutaja* въ своихъ трудныхъ родахъ.

По вѣрованію эстовъ каждый домъ, каждая клѣтъ и хлѣвъ имѣли своихъ духовъ покровителей, которые назывались *hoone hoidjad*, и *maja warjajad*, т. е. покровителями дома. Имъ приносились постоянныя жертвы: съ напитковъ сдували всегда пѣну на полъ въ даръ покровителю дома, равно и отъ пищи удѣлялась ему всегда первая доля. При жертвоприношеніяхъ имъ пускали кровь изъ безымяннаго пальца и отмѣчали этою кровію дома и хлѣвы и молились такъ: „я нарекаю тебя своею кровію

и обручаю тебя своею кровію и отмѣчаю свой домъ, конюшню, хлѣвы и курятники въ благословеніе. Благослови оныя мою кровію и твоею силою.“

Очагъ у древнихъ эстовъ считался святынею. Онъ назывался Koll, Kolde и покровитель духъ очага также назывался Колль. Каждый разъ по свареніи похлебки лили нѣсколько ложекъ въ очагъ въ золу. Золу собирали старательно въ одну кучу и бросали въ нее яйца и даже монеты. При печеніи хлѣба дѣлали маленькій хлѣбикъ Коллю (Kolli kak), ставили его на особый столикъ и послѣ разламывали его и давали каждому члену семейства по кусочку. Коллю приносили въ жертву и снопъ новожатаго хлѣба и хранили этотъ снопъ до декабрскаго праздника; тогда бросали его въ потолокъ и гадали о будущемъ урожаѣ (Kolli wiik). Коллю удѣляли часть и отъ мяса, которую послѣ съѣдали пастухи и собаки. Теперь именемъ Колля пугаютъ дѣтей: Koll tuleb, Колль идетъ.

На каждомъ дворѣ, недалеко отъ избы, былъ отгороженный уголъ. Онъ считался священнымъ. Сюда бросались зола изъ очага и печи, соръ изъ комнатъ, ноги и головы зарѣзываемыхъ пѣтуховъ, куръ и гусей; сюда же выливали кровь зарѣзываемыхъ птицъ и кружка свѣжаго пива. Рядомъ съ этимъ угломъ былъ другой, куда бросали кости большихъ животныхъ. Недалеко отъ каждаго была также небольшимъ камнемъ покрытая яма, въ которой разводили огонь предъ отправленіемъ въ дальнее путешествіе.

Въ финской мифологіи упоминается еще о слѣдующихъ богахъ: Киммо (неорганической природы), Суккаміэли или Лемпо (любви), Мунну (глазныхъ болѣзней), Леммасъ (цѣлительница ранъ), Суонетаръ (костоправъ и жилوپравъ), Уни или Унтамо (сна), но у эстовъ этихъ именъ не сохранилось.

Боги подземные. Финны и эсты вѣрили, что смерть, этотъ страшный и непостижимый актъ природы, не совсѣмъ прекращаетъ и уничтожаетъ жизнь человѣка, но что для человѣка есть жизнь и по ту сторону гроба и что онъ тамъ имѣетъ тѣ же самыя потребности, какія и живые. Поэтому они клали съ покойникомъ въ гробъ пищу, одежду, ножъ, огниво, котелекъ,

мыло, головную щетку, топоръ, а иногда и другіе необходимыя житейскіе предметы. Выѣстъ съ этимъ они вѣрили, что мертвые могутъ являться, особенно по ночамъ, на землю и вредить тѣмъ, которые вредили имъ при ихъ жизни. Поэтому они ужасно боялись этихъ ночныхъ посѣтителей изъ царства тѣней и употребляли всевозможныя средства для воспрепятствованія являться имъ на землю.

Мѣстопробываніе умершихъ душъ, по вѣрованію финновъ и эстовъ, находится подъ землею и называлось оно *maailme*, подземелье. Впрочемъ, это вѣрованіе, позднѣйшее; первоначально они вѣрили, что души умершихъ какъ тѣни живутъ въ могилахъ, а если могила не принимаетъ ихъ (душъ преступниковъ), то онѣ скитаются по землѣ. Богъ могилъ и ихъ обитателей въ древности назывался *Kalm*; объ немъ часто упоминается въ началѣ сказанія о сынѣ Калева. Душа самаго Калева обитаетъ еще въ могилѣ и отвѣчаетъ изъ нея сыну. Тоже самое встречаемъ мы во многихъ языческихъ пѣсняхъ эстовъ. Владыка же позднѣйшаго подземнаго царства мертвыхъ называется Мана; это могучій, страшный богъ. Подземное царство Маны громадно и заключаетъ въ себѣ множество, въ скалахъ высѣченныхъ, большихъ комнатъ. Тамъ есть также отдѣльные дома, есть рѣки, лѣса, поля, луга, животныя, птицы, все, что и на землѣ, только въ другомъ, страшномъ и грозномъ видѣ; мертвые тамъ занимаются разными работами. У Маны безчисленное множество подчиненныхъ духовъ, которые называются его войскомъ. Мана необыкновенно строгъ и несокрушимо могучъ. Онъ не знаетъ пощады и никакія моленія не могутъ тронуть его сердце. Онъ знаетъ всякія тайны и обладаетъ всѣми средствами кудесничества. Его наружный видъ соотвѣтствуетъ его внутреннему существу: онъ изображается старикомъ съ тремя пальцами, въ шляпѣ изъ обрѣзковъ человѣческихъ ногтей и съ большими, опущенными на плеча, полями. Впрочемъ онъ самъ никого не убиваетъ; онъ только собираетъ умершихъ въ свое царство и крѣпко сторожить ихъ; иногда обманомъ уводитъ туда и живыхъ и заставляетъ ихъ тамъ работать.— Въ финскихъ сагахъ говорится и о женѣ Маны, страшной старухѣ съ крючкообразными паль-

цами и острымъ подбородкомъ и о достойномъ сынѣ этой милой четы, концы крючкообразныхъ пальцевъ котораго желѣзные и который очень жестокъ и называется *ruha pois* (красный молодецъ) или *wapa pois* (старый холостякъ). Эстскія саги напротивъ ничего не знаютъ о женѣ и сынѣ Маны; въ нихъ говорится только о Манѣ и его матери. Самъ Мана называется старымъ холостякомъ (*wapa pois*), а мать его изображается то такою же какъ въ финскихъ сагахъ, то въ видѣ свирѣпой, прожорливой кобылы. Финскія саги говорятъ и о дочеряхъ Маны и описываютъ ихъ черными, маленькими, безобразными и злыми.

По сказаніямъ финовъ отъ безстыжей дочери владыки смерти Маны Лавіатары и легкомысленнаго вѣтра призошли всѣ злые духи. Начальникъ злыхъ духовъ называется у эстовъ *Pahret, Perkel*. Онъ могучъ и производитъ всѣ бѣдствія и болѣзни. У него есть свои полчища, свое войско, свои сыновья. Гдѣ именно живетъ самъ Пагаретъ, саги не объясняютъ; а подчиненные ему духи живутъ вездѣ на землѣ: въ водѣ, на горахъ, въ лѣсахъ, особенно же любятъ они большія болота. Они дѣлаютъ людямъ разныя пакости, ссорятся между собою, а иногда издѣваются даже надъ Пикеромъ, который за это наказываетъ ихъ своими стрѣлами. Иногда они описываются съ собачьими мордами (*koeaga konlased*). Впрочемъ они не дальняго ума; человѣкъ часто умнѣе и хитрѣе ихъ.

Кромѣ могучихъ, грозныхъ злыхъ духовъ эсты вѣрили еще въ существованіе духовъ-иигмеевъ, живущихъ подъ деревьями, камнями и стѣнами домовъ. Они производятъ воспаленіе лица, глазъ и вообще тѣла человѣка, если онъ спитъ на томъ мѣстѣ, гдѣ они находятся. Они очень мстительны. Поэтому имъ всегда приносили дары. Варили ли пиво или пекли хлѣбъ, они всегда получали первые свою долю. Хозяйка подчивала ихъ молокомъ, чтобы они не вредили скотинѣ въ хлѣвахъ. При входѣ въ новый домъ заклинали всѣ углы, поклонялись подземнымъ пигмеямъ и угощали ихъ. Пигмеи эти, по вѣрованію эстовъ, участвуютъ невидимо во всѣхъ пирахъ людскихъ, выбираютъ себѣ самыя лучшія кушанья и напитки и замѣняютъ ихъ худыми. Они собственно подземные кузнецы, кующіе въ нѣдрахъ земли въ огромныхъ куз-

ницахъ золота и серебро. Хотя они маленькіе, но силу имѣютъ большую. Въ ночь на новый годъ они бываютъ видимы на землѣ и сбиваютъ съ пути ночныхъ странниковъ. Въ это время они въ образѣ человѣка посѣщаютъ и дома, поэтому необходимо быть радушнымъ и гостепріимнымъ ко всякому приходящему въ эту ночь; столъ долженъ быть накрытъ въ продолженіи всей ночи и двери дома не замкнуты.

Эсты вѣрили еще въ существованіе духовъ называемыхъ Tont, krat (скану scrat), Pisuhand и Tulehand. Духи эти представлялись въ видѣ огненныхъ драконовъ или хвостатыхъ огненныхъ жабъ, приносящихъ своимъ кліентамъ всякія богатства по ночамъ. Эсты вѣрили, что ихъ можетъ создать самъ человѣкъ. А дѣлали ихъ будто бы такъ: туловище дѣлали изъ дерева, заднюю часть изъ двухъ половинокъ круглой деревянной чашки, брюшную полость наполняли гороховыми стеблями и веревками, а черепъ тряпьемъ. Потомъ художникъ ходилъ съ этимъ издѣліемъ своимъ на перекрестокъ дорогъ три раза по вечерамъ четверговъ; тамъ разрѣзывалъ онъ безымянный палецъ своей лѣвой руки и впускалъ въ ротъ будущему духу каждый разъ по три капли крови и высѣкалъ огонь огнивомъ; въ послѣдній разъ болванъ этотъ превращался въ духа съ огненнымъ хвостомъ. Въ христіанствѣ кровію изъ пальца писали контрактъ съ чертомъ на перекресткѣ дорогъ, что хозяинъ будущаго духа продаетъ черту свою душу, а болвана оживляли троекратнымъ пріобщеніемъ его святыми дарами, унесенными во рту изъ церкви. Вѣра въ этихъ духовъ и самое названіе ихъ Tont перешли къ эстамъ изъ Скандинавіи. Въ древнихъ эстонскихъ сказаніяхъ нѣтъ и слова объ этихъ духахъ. Разсказы объ огненныхъ драконахъ, приносящихъ богатства, существуютъ въ устахъ эстовъ до настоящаго времени. Имъ хозяйки приносили въ амбарахъ и сараяхъ молоко и полхлѣбки, которыя конечно съѣдались кошками и крысами. Богатства приносили эти духи, по вѣрованію эстовъ, всегда осенью. Если кто пожелалъ остановить дракона, когда онъ летѣлъ по воздуху съ ношею, то долженъ былъ быстро перерѣзать ремень пасталовъ на лѣвой ногѣ, тогда духъ опускался на землю несомое имъ сокровище. Влетали эти духи всегда въ дымовое от-

верстіе въ концѣ кровли. Духи эти, по всей вѣроятности, не что иное какъ метеоры, являющіеся преимущественно осенью.

Изображенія боговъ. Финны и эсты вѣрили, что всякій человекъ можетъ обращаться съ молитвами своими непосредственно къ богамъ; они слышатъ его. Поэтому у нихъ не было жреческаго сословія и мало было развито дѣланіе идоловъ или кумировъ. Въ древнихъ финскихъ и эстскихъ сагахъ вовсе не упоминается объ идолахъ. Стурлезонъ въ своей сагѣ о св. Олафѣ рассказываетъ, что у древнихъ Біармійцевъ на берегу сѣверной Двины былъ идолъ Юмала. По его описанію идолъ этотъ имѣлъ видъ человѣка въ сидячемъ положеніи; на колѣняхъ у него была серебряная чаша, наполненная серебряными монетами; на шеѣ было золотое ожерелье. Онъ былъ обведенъ высокою оградой; предъ нимъ находился жертвенный холмъ изъ смѣси золота, серебра и драгоценныхъ камней. Въ ограду вели запертыя ворота, которыя ночью охраняли двое вооруженныхъ мужчинъ, смѣнявшихся въ продолженіи ночи три раза. По позднѣйшему скандинавскому сказанію вмѣсто ограды является большой храмъ, въ которомъ идолъ Юмала находился на алтарѣ въ сидячемъ положеніи; на головѣ его была корона, украшенная 11-ю драгоценными камнями; ожерелье было брилліантовое, цѣною въ 300 марокъ золота; жертвенная чаша на колѣняхъ идола была изъ чистаго золота и полна золотыми монетами. Въ храмѣ Юмалы жила волшебница Кальфроста. Съ храмомъ была соединена потаенная комната, гдѣ заперта была прекрасная Ледуръ, которую Кальфроста избрала своею преемницею. Идолъ этотъ и храмъ, если только они дѣйствительно существовали, были сооружены соединенными силами многихъ финскихъ племенъ и считались общими ихъ святынями.

Генрихъ латышскій упоминаетъ объ идолахъ ливовъ и эстовъ, но каковы они были не говоритъ. Извѣстно только то, что они были деревянные и стояли въ живописныхъ рощахъ и на луговинахъ подъ деревьями. Когда священникъ Дитрихъ разрубилъ одного идола, то ливы удивлялись, отчего изъ него не текла кровь.

Вообще изъ всѣхъ сказаній эстовъ видно, что уже до пришествія нѣмцевъ они не были болѣе грубыми идолопоклонниками.

Кудесники. Жреческаго сословія, какъ сказано, у эстовъ не было; каждый отецъ семейства или старшій въ родѣ приносилъ самъ жертвы за себя и за членовъ своего семейства. Общественныя же жертвы приносили старшины. Въмѣсто жрецовъ у эстовъ были мудрецы (*targad*) или знахари, владѣвшіе знаніемъ таинственныхъ силъ природы. Эсты вѣрили, что эти мудрецы или кудесники могутъ заклинать злыхъ духовъ, отстранять или уничтожать болѣзни, несчастья, словомъ, все злое враждебное чело-вѣку въ природѣ. Мудрецы раздѣлялись на три разряда: низшій разрядъ имѣлъ различныя названія, какъ то: шепотники (*robisejad*) словесники (*lausajad* или *sonatarad*) и волшебники (*sortsid*, *sortslased*). Название *sorts* не эстское; оно происходитъ отъ латинскаго *sors*— судьба и *sorgarius*— предсказатель. Всѣ мудрецы у эстовъ дѣйствуютъ главнымъ образомъ словомъ, которому вообще приписывалось большое значеніе. Впрочемъ иногда мудрецы, кромѣ словъ, употребляли виѣшнія средства, напр. соль, на которую дули и мазъ, сваренную при лунномъ свѣтѣ изъ смѣси девяти различныхъ травъ. Травы эти были слѣдующія: цвѣтъ рябины, чаберъ, богородская трава (*thymus serpyllum*) плавунъ (*lycopodium clavatum*) вороній глазъ (*Paris quadrifolia*) папоротникъ (*Filix*) валеріана, дождевикъ (*Lycoperdon Bovista*) сладкогорькій пасленъ (*Solanum dulcamara*) и волчьи ягоды (*Daphne mezereum*). Иногда же употреблялся волшебный вѣникъ (*poia wihl*) и волшебная мочалка (*noia nuuslik*). Волшебнымъ вѣникомъ парили между прочимъ новоизбранныхъ царей и старшинъ. Въ недавнее время можно было еще видѣть въ деревняхъ, какъ вѣникомъ парили на крышѣ дома во время свадьбы новобрачныхъ, хотя это дѣлается теперь въ шутку и на крышѣ дома. Кромѣ того не только низшіе кудесники, но и вообще всѣ эсты часто прибѣгаютъ также къ оракуламъ. Оракуломъ въ древности чаще всего служила серебрянная женская брошка или пряжка. Брошку эту привязывали къ ниткѣ и приводили въ круговращательное движеніе. Во время этого движенія брошкѣ задавали вопросы; если брошка переставала кружиться вдругъ по предложеніи вопроса, то это было отвѣ-

томъ отрицательнымъ; если же продолжала кружиться, то утвердительнымъ. Въ христіанствѣ вмѣсто брошки стали употреблять Новый Завѣтъ или Церковный Пѣснословъ. Дѣлалось это такъ: брали книгу и ключъ, нижній конецъ или бородку ключа клали между листами книги и потомъ застегивали книгу на крючки; затѣмъ верхній конецъ ключа двое держали на концѣ своихъ указательныхъ пальцевъ. Потомъ задавался вопросъ. Если книга съ ключемъ приходили въ круговращательное движеніе, то это было отвѣтомъ *да*; если же книга оставалась въ спокойномъ состояніи, то это значило: *нѣтъ*. — Особенную волшебную силу эсты приписывали воронову камню (каагна ківі). По одному сказанію, камень этотъ получался такимъ образомъ: изъ гнѣзда ворона тайно брали яйца, сваривали ихъ и потомъ опять относили въ гнѣздо. Воронъ, ничего не подозрѣвая, сидѣлъ на яйцахъ недѣли и мѣсяцы, пока наконецъ осень не заставляла его оставить напрасный трудъ. Отъ долгаго сидѣнія ворона яйца превращались въ камни, которые заключали въ себѣ цѣлительную и волшебную силу. По другому сказанію, чудный вороновъ камень образовался не изъ свареннаго воронова яйца, а его приносилъ воронъ изъ-за моря, когда видѣлъ, что птенцы не вылуплялись изъ тайны сваренныхъ яицъ.

Выше словесныхъ мудрецовъ были мудрецы вѣтра (tuule targad, tuslarid); они могли производить бурю, ураганы, поднимать волны на морѣ и озерахъ, равно могли и прекращать бури.

Самые высшіе кудесники были мудрецы Маны (Mana targad); предъ ними были безсильны всѣ другіе кудесники; они знали всѣ тайны природы, языкъ птицъ и животныхъ. Но такихъ мудрецовъ было мало. Въ то время, когда сложились дошедшія до насъ сказанія эстовъ, ихъ между эстами уже не было; они водились только въ Финляндіи, куда и обращались эсты въ случаѣ безсилія своихъ мудрецовъ.

Главные праздники эстовъ. Главные праздники эстовъ были въ честь верховныхъ боговъ Укко и Пикера. Въ честь Укко было три праздника, а въ честь Пикера — одинъ.

Первый праздникъ въ честь Укко былъ во время весенняго равноденствія. Въ этотъ день просили у Укко плодородія въ

наступающее лѣто. Праздникъ этотъ совершался такъ: накануне приготовлялись всѣ кушанья и напитки и ставились въ клѣти на столъ; на столъ ставился также Укко вакъ, т. е, Укко жертвенное лукошко; кругомъ его ставили кушанья изъ всѣхъ лѣтнихъ плодовъ, также говядину, масло, рыбу. За тѣмъ отецъ семейства открывалъ крышку лукошка и сыпалъ въ лукошко нѣсколько зеренъ отъ всѣхъ семянъ, и лукошко опять закрывалось и клѣть запиралась. Вмѣстѣ съ Укко-вакъ на ночь въ клѣть запирали и безплодныхъ женъ; онѣ должны были подвергаться тамъ какимъ то таинственнымъ обрядамъ, совершаемымъ кудесницею. На слѣдующее утро хозяинъ дома вставалъ рано, до солнца и обходилъ свои поля; при этомъ онъ останавливался на всѣхъ углахъ полей и вездѣ пускалъ изъ своего безымяннаго пальца три капли крови на землю. По возвращеніи съ поля, онъ созыналъ всѣхъ своихъ домочадцевъ; хозяйка убирала Укко-вакъ и затѣмъ начиналось угощеніе. Послѣ ѣды начиналась попойка; въ этотъ день особенно много должны были пить жены, вслѣдствіе чего праздникъ превращался въ настоящую вакханалію. Съ принятіемъ христіанства этотъ праздникъ перешелъ на Благовѣщеніе, въ которое жены удержали обычай пить красное вино, чтобы въ продолженіе всего года быть румяными. Черезъ три дня послѣ праздника хозяинъ вынималъ изъ Укко-вака зерна и бросалъ онѣ въ закрома на прежнія ихъ мѣста, чтобы и другія зерна освятились. Въ каждомъ домѣ былъ Укко-вакъ, какъ святыня. Укко-вакъ былъ не что иное, какъ лукошко изъ березовой коры или круглая мѣра съ крышкой. Въ вакъ приносились дары въ жертву Укку, какъ то: мелкія монеты, миниатюрныя рубашечки и штаники, каковыя шьютъ дѣти для своихъ куколъ; они приносились туда въ праздникъ Укко или по случаю какихъ либо другихъ событій. Такъ напр. каждая молодуха, по рожденіи у ней перваго ребенка, приносила подобные дары въ благодарственную жертву Укку. Эти Укко-вакы были лѣтъ тридцать тому назадъ у нѣкоторыхъ крестьянъ Черновскаго уѣзда.

Далѣе близъ каждой деревни или двора находился большой камень, посвященный Укко для жертвоприношеній ему. На

этомъ камнѣ приносили жертву весною по всходѣ посѣянныхъ сѣмянъ, лѣтомъ въ началѣ жатвы и осенью послѣ жатвы. Камни эти находились всегда подъ липою. Подходя съ жертвою къ камню хозяинъ говорилъ: „пріими эту пищу въ жертвенный даръ!“ и ставилъ жертву на камень. Потомъ три раза обходилъ онъ на голыхъ колѣняхъ липу и камень по солнцу и три раза противъ солнца и наконецъ три раза цѣловалъ камень. При этомъ жертвоприношеніи читалась слѣдующая молитва: „Будь мнѣ радостью, всемогущій, кормитель моихъ родителей, хранитель и защититель жизни моей! Я молю тебя отъ всей силы плоти и крови: пріими эту пищу, которую я тебѣ приношу, въ поддержаніе твоей жизни и въ радость моей плоти. Сохрани меня, какъ доброе твое дитя и я буду хвалить тебя съ благодарностію. Если я что либо упустилъ по отношенію къ тебѣ, то забудь это. Помни же хорошенько, что я приносилъ тебѣ честно дары, родителямъ моимъ въ честь и воздаяніе. Къ тому же я три раза падаю на колѣни и цѣлую землю. Будь скорѣ въ помощь мнѣ и да будетъ миръ съ тобою до тѣхъ поръ“.

Во время католичества камни Укко стали называться *neitsi kiwid*, камнями дѣвы, т. е. камнями Дѣвы Маріи; а само христіанство называлось эстами вѣрою Дѣвы Маріи (*Maarja usk*) или вѣрою монаховъ (*mungi usk*); древнее же язычество называлось (*lepingu usk*) вѣрою примиренія *). Камни Укко при введеніи христіанства, по разсказамъ эстовъ, были большею частію опущены въ землю или въ рѣки и озера, чтобы руки профановъ пришельцевъ не касались ихъ.

Другой праздникъ въ честь Укко былъ въ нашемъ іюнѣ

---

*) По разсказамъ эстовъ, нѣмцы сначала очень боялись эстскихъ кудесниковъ и судьи всегда оправдывали ихъ, хотя преступленіе ихъ было очевидно. Сохранилась древняя языческая молитва, въ которой эсты-католики, между прочимъ, просили объ утвержденіи вѣры ихъ отцовъ. Молитва эта читалась больными. Вотъ она: „Сохрани въ жилахъ нашихъ здоровье и сокруши съ помощью твоего духа злыхъ порчи въ нашихъ костяхъ, жилахъ и крови. Освяти насъ но обѣту родителей, ты Свѣтопомощникъ! Помоги по твоимъ древнимъ обѣтованіямъ. Пошли намъ громовые раскаты и блистаніе молніи съ неба. Будь намъ семь разъ въ истинѣ, ради девятаго раза утвержденіемъ вѣры нашихъ отцевъ. Радуй насъ до смерти и помогай намъ помощью всесильною. Избавь насъ отъ человѣка искушителя и ненавистника; избавь насъ отъ этой бѣды, кости наши отъ сильнаго сокрушенія и отъ всякихъ несчастныхъ случаевъ. Будь нашей опорой, ты Хранитель! три раза, избавленіемъ шесть разъ и преуспѣянемъ девять разъ.“

мѣсяцѣ около Иванова дня. Это былъ самый торжественный и веселый праздникъ древникъ эстовъ. На этотъ праздникъ собирались все — дѣти и старцы, юноши и дѣвицы, мужья и жены. Отдаленные друзья могли здѣсь видѣться послѣ долгой разлуки; короткое, быстро проходящее время цвѣтенія природы напоминало скоротечность юности; тутъ заключались брачные союзы, чтобы въ старости имѣть опору въ дѣтяхъ; старое сердце еще разъ проникалось юношескимъ весельемъ и радостью, вспоминая давно минувшіе дни, когда и оно было молодо. Все садились на возвышеніяхъ подъ деревьями, разставляли кушанья и напитки, изъ которыхъ сперва приносили жертву землѣ-матушкѣ, супругѣ Укко. Затѣмъ начинался всеобщій пиръ: кружки съ медомъ ходили въ круговую, цвѣты покрывали мѣсто собранія, огни и факелы горѣли на холмахъ и пѣсни — то тихія и нѣжныя, то громкія и воинственные — раздавались въ тишинѣ ночной.

Осенью, послѣ жатвы, былъ третій праздникъ въ честь Укко. Кромѣ хлѣбной жертвы въ этотъ день приносили Укку въ жертву еще пѣтуха. Перья, ноги, голову и потрохи пѣтуха хозяинъ сжигалъ и потомъ варилъ пѣтуха такъ, чтобы не дотронуться до него пальцемъ. Когда пища была готова, то онъ несъ ее на жертвенникъ подъ липу съ такими же церемоніями и съ такою же молитвою, какъ въ весенній праздникъ.

Въ честь Пикера или Кюи былъ праздникъ въ началѣ декабря, за 14 дней до нашего праздника Рождества Христова. Праздникъ этотъ продолжался 9 дней и назывался Joulud. Каждый хозяинъ съ семействомъ молился Пикеру, чтобы онъ пощадилъ въ будущее лѣто ихъ поля отъ бурь, непогоды и грозы. При этомъ гадали о будущемъ урожаѣ: бросали посвященный Коллю снопъ въ потолокъ; если оставалось много соломинокъ въ трещинахъ потолочныхъ балокъ, то это предвѣщало хороший урожай. Праздникъ этотъ былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и временемъ поминовенія умершихъ и назывался также hingede aeg, временемъ душъ. Во время всего праздника вездѣ должна была господствовать глубокая тишина. Полъ комнатъ устилался соломой или сѣномъ, чтобы случайно упавшій предметъ не произвелъ шума.

Среди комнаты стоялъ накрытый разными кушаньями и напитками столъ. Вечеромъ перваго дня праздника должны были явиться душа умершихъ родственниковъ и друзей на пиръ. Впродолженіе всего праздника нельзя было дѣлать ничего, что производитъ какой либо стукъ. Всѣ ходили на цыпочкахъ и говорили шепотомъ. Въ христіанствѣ праздникъ этотъ перешелъ на Рождество Христово, которое эсты до сихъ поръ называютъ языческимъ именемъ Jólud, т. е. праздникъ бога Jón или Пикера. Сѣно или солома стелется и теперь на святкахъ въ комнатахъ и столъ накрывается съ вечера кушаньями и всѣ сидятъ смирно или лежатъ на соломѣ. Католическіе священники оставили эти обычаи, находя въ соломѣ и сѣнѣ благочестивое подражаніе Вилеемскимъ яслямъ, а въ накрытомъ столѣ добрый обычай гостепріимства для странниковъ. Въ это время, по вѣрованію эстовъ, душамъ умершихъ позволялось посѣщать мѣста ихъ земнаго жительства; чтобы не разсѣять ихъ важныхъ неземныхъ размышленій и высказать предъ ними свою любовь и уваженіе, живущіе здѣсь на землѣ стлали на полу соломѣ или сѣно и ставили имъ лучшія угощенія. Если тишина была нарушаема, то въ будущее лѣто должна была быть частая гроза.

Гражданское и политическое состояніе эстовъ. Ливы, куры и эсты никогда не соединялись въ государство. Саксонъ упоминаетъ объ Олимарѣ, могущественномъ королѣ восточныхъ народовъ, который во времена Гунновъ будто покорилъ Эстію, Оландію и Куретію съ 30,000 кораблей и 9-ю милліонами войска, напалъ на Швецію, но безуспѣшно. Побѣжденный будто вполнѣдствіи Фрото III-мъ этотъ Олимаръ получилъ отъ Фрото въ ленъ Гольмгардъ (Новгородъ), Даго и Эстію. Датскіе лѣтописцы говорятъ, что около того же времени жилъ король эстовъ великанъ Старкатель, который побѣдоносно прошелъ чрезъ всю Европу и отпечатокъ своего тѣла оставилъ на одной скалѣ. Но эти сказанія объ эстскихъ короляхъ, очевидно, сказочныя, также какъ сказочно сказаніе ихъ самихъ о царѣ своемъ Калевѣ и его могучемъ сынѣ. На основаніи имѣющихся историческихъ данныхъ мы можемъ съ достовѣрностію сказать, что у ливовъ и эстовъ, опредѣленнаго государственнаго устройства и образа

правленія въ XII вѣкѣ не было. Хотя Генрихъ Латышъ упоминаетъ о короляхъ куровъ и князьяхъ ливовъ и эстовъ, но они вовсе не управляли всѣмъ племенемъ, а были только старшинами округовъ и предводителями на войнѣ. Страна ливовъ, эстовъ и куровъ, какъ уже выше было сказано, раздѣлялась на округи, въ каждомъ округѣ былъ свой старшина, который иногда и назывался королемъ округа, или княземъ; округи дѣлились на килекунды, въ которыхъ также были свои старшины. Старшины округовъ во время войны командовали войскомъ своего округа, а въ мирное время всякій старшина былъ для своей килекунды законодателемъ и жрецемъ. Старшины избирались народомъ; выборъ рѣшало мужество и мудрость избираемаго; старшины должны были созывать народъ на совѣщанія и на войну. Для рѣшенія общихъ дѣлъ созывались народныя собранія, на которыхъ являлись обязательно старшины и выборные представители всѣхъ округовъ и килекундъ. У эстовъ мѣстомъ всенародныхъ собраній было Рюгела въ Гарріенѣ. Сословій никакихъ не было у ливовъ и эстовъ; всѣ пользовались одинаковыми правами.

До основанія русскаго государства датчане и шведы пытались въ разныя времена подчинить куровъ, ливовъ и эстовъ подъ свою власть, но были всегда выгоняемы и эсты вторгались сами въ Скандинавскія земли и опустошали оныя мечемъ и огнемъ, при чемъ около 970 г. Олафъ Тригвесонъ сынъ короля Тригве Олафсона былъ взятъ въ плѣнъ и уведенъ въ Эстляндію, гдѣ пробылъ шесть лѣтъ; иногда же вступали эсты съ ними и въ союзы, напр. ливы, куры и эсты участвовали въ битвѣ подъ Браваллою и отличались тамъ необыкновенною храбростію. Въ концѣ XI вѣка датчанамъ наконецъ удалось покорить подъ свою власть Курляндію и Эстляндію и датскіе короли приняли титулъ герцоговъ эстляндскихъ. Владѣнія датчанъ простирались, кажется, въ одно время даже до Рингена, Вендена, Раппина и Верро; по крайней мѣрѣ въ этихъ мѣстахъ найдено множество датскихъ монетъ XI вѣка. Но въ это время русскіе князья начинаютъ заявлять свои права на эстовъ и Ярославъ Мудрый основываетъ на мѣсто древняго эстскаго

замка Тарбатъ новый градъ Юрьевъ, и датчане должны были лишиться своихъ завоеваній въ Лифляндіи и ограничиться одною Эстляндіею, гдѣ они на мѣсто древняго замка Линданиса построили укрѣпленный городъ Ревель, названный эстами Тапілинъ, т. е. датскій городъ. Ливовъ въ это же время подчинили себѣ полоцкіе князья и поставили надъ ними князя въ Кокенойсѣ. Въ такомъ политическомъ положеніи находился Прибалтійскій край до нѣмецкаго нашествія въ концѣ XII вѣка.

Сношенія латышско-эстскихъ племенъ съ сосѣдними славянскими племенами. Начало православія между латышами и эстами до покоренія Остзейскаго края нѣмцами ¹⁾.

Латышско-эстскія племена съ незапамятныхъ временъ жили въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ племенами славяно-русскими. Послѣ того, какъ тѣ и другія утвердились на нынѣшнихъ мѣстахъ своего жительства, что произошло также въ доисторическія времена, непосредственное соприкосновеніе между ними не уничтожилось, такъ какъ Остзейскій край, который занятъ былъ племенами эсто-латышскими по своему географическому положенію не былъ раздѣленъ никакими естественными границами отъ той обширной равнины, на которой раскинулись племена славяно-русскія. Такое близкое сосѣдство, а равно и особенныя условія Остзейскаго края, какъ приморскаго, издавна вызвали болѣе или менѣе оживленныя сношенія между русскими и латышско-эстскими племенами, при чемъ послѣднія при своей разрозненности и сравнительной немногочисленности и слабости скоро стали входить въ сферу вліянія первыхъ. Не подлежитъ сомнѣнію, что уже до XI вѣка русскіе начали проникать въ нѣкоторыя Остзейскія области, собирать здѣсь дань, и иногда пользоваться помощью туземцевъ въ своихъ военныхъ походахъ. По скандинавскимъ сагамъ около 977 года Владиміръ посылалъ Сигурда Эриксона изъ Новгорода собирать дань въ Эстляндіи ²⁾. Въ Лаврентьевской лѣтописи мы между прочимъ читаемъ слѣдующее. Подъ 882 годомъ: „Поиде

¹⁾ Статья эта составлена священникомъ Николаемъ Лейсмамомъ.

²⁾ Русск. Историч. Сборн. 1840 г. т. IV, кн. I, стр. 35.

Олеѣ, поимъ воя многи, Варяги, Чюдѣ, Словени, Мерю, Вѣсь, Кривичи и приде къ Смоленску съ Кривичи, и прія градъ, и посади мужъ свой“. Подъ 907 годомъ: „Иде Олеѣ на Греки, Игоря оставивъ въ Києви; поя же множество Варягъ, и Словѣнъ, и Чюди, и Кривичи, и Мерю, и Поляни, и Сѣвере, и Древляны, и Рыдимычы, и Хорваты, и Дулебы, и Тиверцы, яже суть Толкованы: сіи вси звахуся Великая Скуфъ“. Подъ 980 годомъ: „Володимеръ собра воя многи, Варяги и Словѣни, Чюдѣ и Кривичи и поиде на Рогъволода“. Подъ 988 годомъ: „И паче (Владиміръ) ставити города на Деснѣ, и по Стугнѣ; и поча нарубати мужѣ лучшіѣ отъ Словенъ, и отъ Кривичей и отъ Чюди, и отъ Вятичъ, и отъ сихъ насели грады...“ Съ большою вѣроятностію можно думать, что подъ Чюдью, по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ изъ приведенныхъ лѣтописныхъ сказаній, разумѣются эсты, и именно та часть изъ нихъ, которая населяла область, прилегающую къ озеру Пейпусъ съ югозападной его стороны. Основаніемъ къ такому предположенію можетъ служить, во первыхъ, исторія двухъ послѣдующихъ XI и XII вѣковъ, когда означенная часть эстовъ несомнѣнно находилась въ данническомъ отношеніи къ русскимъ, хотя и періодически, и во вторыхъ, то, что именемъ Чюдѣ въ собственномъ смыслѣ русскіе называли именно эстовъ ¹⁾, тогда какъ, указывая на другія чудскія племена, они обыкновенно, хотя не всегда, называли ихъ частными именами: вѣсь, меря, водъ и т. д. ²⁾.

¹⁾ Откуда наименованіе — „Чудское озеро“.

²⁾ Извѣстный изслѣдователь древней исторіи Остзейскаго края г. Трусманъ въ своей брошюрѣ, изданной въ 1888 году „къ 900-лѣтію крещенія Руси“, приводитъ еще слѣдующее весьма интересное подтвержденіе участія эстовъ въ древнихъ русскихъ походахъ: „Пѣсни Верроскихъ эстовъ, пишетъ онъ, еще нынѣ помнятъ, какъ въ древности эсты за одно съ русскими совершали на коняхъ отдаленнѣйшіе походы, продолжавшіеся иногда всю жизнь, вѣроятно походы въ Южную Русь, въ Болгарію и на Константинополь; по обычаю требовалось, чтобы изъ каждаго двора шелъ одинъ воинъ, а братья отправлялись на войну по очереди, при чемъ можно было откупиться, пославъ на мѣсто себя наемника. Нерѣдко въ пѣсняхъ эстонская дѣвица жалуется объ уводѣ парней на Русь. По окончаніи продолжительнаго и далекаго похода парень эстонскій возвращается въ родной домъ, но ужъ въ русскомъ вооруженіи и такъ сильно измѣнившись, что только сестра узнаетъ его по спитому ею одѣянію и обуви“ (стр. 12). Трудно однако утверждать, чтобы указанныя г. Трусманомъ пѣсни говорили объ обстоятельствахъ именно столь отдаленныхъ временъ, а не гораздо позднѣйшихъ. Вѣроятно г. Трусманъ имѣетъ въ виду нѣкоторые старинныя пѣсни эстовъ, помѣщенные въ сборникѣ Wana Kannel (Hurt I. 1875; II. 1886. Fartus). Содержаніе ихъ, дѣйствительно, имѣетъ сходство съ содержаніемъ только что приведенной выписки. Но, относя описанныя въ этихъ пѣсняхъ обстоятельства къ време-

Одновременно съ эстами, начали подпадать подъ власть русскихъ и другія племена Остзейскаго края, именно: латыши и приморскіе—ливы. Къ области латышскихъ племенъ съ востока и юго-востока примыкали княжества Кривичей. Кривичи, представляя изъ себя племя предприимчивое и сравнительно болѣе сильное, не замедлили воспользоваться этимъ на счетъ своихъ менѣе слабыхъ западныхъ сосѣдей и заносить свои поселенія въ самыя центральныя ихъ области, при чемъ постепенно подчиняли ихъ и своей власти. Достоверныя свидѣтельства о данничествѣ ливовъ и латышей Руси мы имѣемъ отъ лѣтописцевъ XI и XII вѣковъ. Несторъ (XI в.) въ своей лѣтописи пишетъ: „се суть иніи языцы, иже дань даютъ Руси: Чудь, Меря, Весь, Муромъ, Черемись, Мордва, Нерль, Печера, Ямь, Литва (вѣроятно и леты), Зимигола, Корсь (тоже Остзейскія племена), Нарова, Либы (Ливы) ¹⁾. Генрихъ Латышскій, Лифляндскій лѣтописецъ конца XII и начала XIII вѣковъ, въ началѣ своей хроники, считающейся достовернѣйшею и безпристрастнѣйшею изъ всѣхъ другихъ Лифляндскихъ хроникъ, передаетъ: „священникъ (Мейнгардъ), получивъ позволеніе на проповѣдь христіанства отъ короля плоческаго Вольдемара (князя полоцкаго Владиміра), которому языческіе ливы платили дань, и вмѣстѣ съ тѣмъ подарокъ отъ него, приступилъ усердно къ божескому дѣлу и, проповѣдуя христіанство ливамъ, воздвигъ церковь въ деревнѣ Икесколъ ²⁾“. Въ другой древней лифляндской хроникѣ, риѣмованной, говорится, что „земли зеловъ, ливовъ, летовъ находились до прихода братьевъ (рыцарей меченосцевъ) въ рукахъ русскихъ“ ³⁾. Что зависимость ливовъ и нѣкоторыхъ латышскихъ племенъ по отношенію къ русскимъ имѣла мѣсто далеко раньше до прихода

намъ столь отдаленнымъ, какъ относить ихъ г. Трусманъ (до VIII в.), мы наталкиваемся на такого рода анахронизмы, встрѣчающіеся въ тѣхъ же пѣсняхъ, какъ напр.: „rüssi rühkmed“ (соръ отъ чистки ружья) „kroonut teenima“ (служить коронѣ, казнѣ, см. II ч., стр. 310; I. 294).

¹⁾ Лавр. лѣт. С.-ПБ. 1872, стр. 10.

²⁾ Ливонская хроника Генриха Латышскаго, русск. перев. Сборн. матер. и стат. по Истор. Прибалт. края т. I, стр. 74, Гл. I, § 3. Подлинный текстъ хроники въ лучшемъ изданіи: Henrici Chronicon Livoniae. Haapovergae, 1874. Подробности объ этой хроникѣ см. Трусманъ, Введ. христ. въ Лифл. С.-ПБ., 1884, стр. I—IX.

³⁾ Livländische Reimchronik. Paderborn, 1876. vers. 645—648.

нѣмцевъ въ Ливонію, на это кромѣ вышеприведеннаго свидѣтельства Нестора, указываютъ еще и слѣдующія данныя. Генрихъ Латышскій, рассказывая о крещеніи русскими летигаловъ Толовскихъ, замѣчаетъ, что послѣдніе „были *всегдашними* ихъ (русскихъ) данниками“ ¹⁾. По свидѣтельству того же Генриха, нѣмцы считали нужнымъ и признавали законнымъ долгое время по своемъ прибытіи платить дань русскимъ за ливовъ и летигаловъ толовскихъ ²⁾; а полоцкій князь Владиміръ въ 1212 г. считаетъ себя уже полноправнымъ хозяиномъ ливовъ; онъ называетъ ихъ „своими слугами“, которыхъ онъ власгенъ крестить или не крестить ³⁾. У Генриха Латышскаго находимъ еще и болѣе вѣскія доказательства давно начинавшагося вліянія русскихъ на нѣкоторыя придвинскія племена. Лѣтописецъ этотъ упоминаетъ о существованіи на Двинѣ въ земляхъ ливовъ и летовъ двухъ русскихъ замковъ Герсике и Куkenойса, служившихъ резиденціями русскихъ князей, вѣроятно намѣстниковъ князя полоцкаго, и опорными пунктами русскаго владычества надъ окрестными туземцами ⁴⁾. Замки эти до XIII вѣка видѣли въ своихъ стѣнахъ уже не одно поколѣніе русскихъ владыкъ, какъ объ этомъ можно судить на основаніи словъ, прізнанныхъ въ 1210 году княземъ Герсика при пожарѣ этого замка. „О Герсике, любезный городъ, возопилъ князь Герсикскій Всеволодъ, о наслѣдство моихъ отцовъ! О непредвидѣнное разореніе моего народа! Ахъ, не родиться бы мнѣ лучше на свѣтѣ, чѣмъ видѣть пожаръ моего города и истребленіе моего народа! ⁵⁾. Не будетъ ошибкою заключить отсюда, что нѣкоторыя придвинскія племена потеряли свою независимость еще до XII вѣка. Это тѣмъ болѣе слѣдуетъ считать достовѣрнымъ, что въ послѣдней половинѣ XII вѣка на Западѣ уже установилось понятіе объ Остзейскомъ краѣ, какъ объ одной изъ нераздѣльныхъ

¹⁾ Генр. Гл. XI. § 7.

²⁾ Ibid. Гл. XVI. § 2; XXVIII. § 9.

³⁾ Ibid. XVI. § 2.

⁴⁾ Ibid. VII. § 8; X. § 3; X. § 8; XIII. § 4. Мѣсто древняго Герсике указываютъ на нынѣшнемъ полумызкѣ Шлосбергъ, а Куkenойса нынѣшній Кокенгузенъ.

⁵⁾ Генр. XIII. § 4.

частей Россіи ¹⁾. Но въ вопросѣ о времени подчиненія нѣкоторыхъ придвинскихъ племенъ Остзейскаго края власти русскихъ мы на этомъ еще не можемъ остановиться. Достойно вниманія то обстоятельство, что въ XI вѣкѣ, когда сношенія русскихъ съ эстами оживляются, когда русскіе неоднократно предпринимаютъ походы на эстовъ, племя болѣе сильное и воинственное, вслѣдствіе недоразумѣній изъ-за дани, съ латышами и ливами, племенами болѣе слабыми и разрозненными, русскіе не имѣютъ никакихъ препирательствъ. Станнымъ представляется и то, что латышскія племена, по русскимъ лѣтописнымъ сказаніямъ, въ древнихъ походахъ русскихъ вмѣстѣ съ чудью не участвуютъ. Трудно допустить, чтобы русскіе, претендуя на дань въ областяхъ сплоченныхъ, болѣе упорныхъ и воинственныхъ эстовъ, не воспользовались раньше сравнительною слабостью и разрозненностью латышей и ливовъ. Потому, сопоставляя указанныя обстоятельства съ изложеннымъ выше, мы склонны заключить, что дѣло происходило такимъ образомъ. Кривичи подчинили себѣ сосѣднія латышскія племена и, вѣроятно, ливовъ еще до XI вѣка. Покоренныя племена выказывали повиновеніе и исправность въ платежѣ дани покорителямъ, такъ что въ XI столѣтіи, когда упорные эсты въ отстаиваніи своей независимости вынуждаютъ русскихъ на постоянную борьбу съ собою, леты и ливы безропотно переносятъ свое данничество, вслѣдствіе чего у русскихъ не имѣется и повода предпринимать походы въ ихъ области. Леты и ливы, состоя подъ вѣдѣніемъ Кривичей, жившихъ жизнью самостоятельною отъ центральной Руси, могли участвовать и въ древнихъ походахъ русскихъ вмѣстѣ съ чудью; или распоряжались только Кривичи, тогда какъ чудь, находившаяся болѣе въ вѣдѣніи центральной Руси, призывалась подъ знамя ея непосредственно.

Съ XI вѣка, какъ мы уже имѣли случай замѣтить, сношенія русскихъ съ эстами значительно оживляются. Начиная съ

---

¹⁾ Папа Климентъ III въ буллѣ своей Бременскому Архіепископу отъ 1 Окт. 1188 г. признаетъ Икекьюльское епископство основаннымъ въ Россіи (in Ruthenia) Urkundenbuch n. Regest. B. 1. № X.

этого времени вплоть до самого покоренія Остзейскаго края нѣмцами (1224 г.), между ними происходятъ постоянные походы. Лѣтописныя сказанія объ этомъ только весьма отрывочны и скудны, вслѣдствіе чего до невозможности трудно съ точностію опредѣлить причинную связь событій, и приходится часто выяснять ее путемъ предположеній и гаданій. Первый походъ русскихъ на эстовъ происходилъ въ 1030 году. „Семъ лѣтъ“, читаемъ мы въ Лаврентьевской лѣтописи подъ означеннымъ годомъ, „иде Ярославъ на чюдъ, и побѣди я, и постави градъ Юрьевъ“. По какому поводу русскими былъ предпринятъ этотъ походъ, въ лѣтописи не говорится, но вѣроятно съ цѣлію взять дань съ туземцевъ. Въ приведенномъ лѣтописномъ сказаніи весьма цѣнно извѣстіе объ основаніи города Юрьева, нынѣшняго Дерпта. Основаніе это едва-ли можно понимать здѣсь въ буквальномъ смыслѣ слова. Представленія эстонской мифологіи, по которымъ мѣсто нынѣшняго Дерпта играетъ всегда большую роль, а также древнее эстонское названіе Дерпта Tarapatha — котлована Тары, высшаго эстонскаго бога ¹⁾, впоследствии измѣненное въ Doirat, Дирптъ, даютъ основаніе съ большою вѣроятностію полагать, что здѣсь находилось раньше туземное эстонское поселеніе. Ярославъ, пробывъ здѣсь нѣкоторое время, вѣроятно нашелъ удобнымъ воздвигнуть здѣсь укрѣпленія. Но какъ бы то ни было, одно прозваніе пункта этого русскимъ именемъ — Юрьевомъ (имя Ярослава) указываетъ на мысль русскихъ имѣть юрьевскую область подъ своимъ протекторатомъ. Оставили ли русскіе въ Юрьевѣ свой гарнизонъ, или насколько они успѣли подчинить себѣ окрестныхъ туземцевъ, опредѣлить, за неимѣніемъ данныхъ, нѣтъ возможности. Но эсты очевидно отстаивали свою независимость. Чрезъ 14 лѣтъ новгородцы подъ ирредствительствомъ своего посадника Остромира предпринимаютъ новый походъ на нихъ. Чудь вѣроятно предвидѣла опасность и была на готовѣ; новгородцы были разбиты на голову и самъ Остромиръ убитъ. Такая неудача вынуждаетъ русскихъ думать о

---

¹⁾ Подобныя наименованія мѣстностей встрѣчались еще у эстонцевъ, наприм. Lindanisa — грудь Линды, Ревель.

поднятіи своего авторитета въ глазахъ чуди; и вотъ, самъ великій князь Изяславъ выступаетъ противъ нее съ войскомъ. Этотъ походъ оказывается удачнымъ. Русскіе покоряютъ угаунскихъ эстовъ, овладѣвая ихъ укрѣпленнымъ замкомъ Оденпэ ¹⁾. Не ограничиваясь этимъ, Изяславъ въ 1060 году проникаетъ въ глубь страны, доходитъ до самаго моря, гдѣ жилъ народъ „ссолы“, и налагаетъ на послѣдній значительную ежегодную дань въ 2000 гривенъ ²⁾. Походъ былъ совершенъ въ зимнее время. Весною того же года ссолы изгоняютъ сборщиковъ дани и вмѣстѣ съ тѣмъ предпринимаютъ опустошительный походъ на эстовъ юрьевскихъ, вѣроятно, съ цѣлюю наказать ихъ за дружелюбіе къ русскимъ, и затѣмъ дѣлаютъ набѣгъ и на псковскую область. Предпріятіе однако кончается неудачно. Псковичи съ новгородцами, выступивъ противъ ссолъ одержали надъ ними блестящую побѣду; „и паде Руси 1000“, замѣчаетъ лѣто-

¹⁾ Никон. Л. т. I, стр. 144.

²⁾ Какой народъ слѣдуетъ разумѣть подъ „Ссолы“, съ точностію опредѣлять трудно. Одни разумѣютъ сакаланъ, другіе эзельцевъ (см. Трусманъ, Введ. христ., стр. 167). Но ни тѣхъ, ни другихъ нельзя было считать народамъ приморскимъ, какъ народъ „ссолы“ названъ лѣтописцемъ, сакалане жили не при морѣ, а эзельцы жили на островѣ. Мы полагаемъ, что подъ „ссолы“ въ данномъ случаѣ вѣрнѣе разумѣть эстовъ древняго викискаго округа, примыкавшаго къ острову Эзелю, который въ то время еще не былъ раздѣленъ съ островомъ Мономъ. Наименованіе „ссолы“, вѣроятно, происходитъ отъ названій: „Эзель“, „Озель“, „Эйзиссель“ (см. Благовѣщенскій-Островъ Эзель. Спб. 1881, стр. 11); есть на Эзелѣ и названіе „Сосло“ (зундъ). По такому словопроизводству подъ „ссолы“ въ собственномъ смыслѣ слѣдуетъ разумѣть дѣйствительно эзельцевъ. Но извѣстно, что викиская область находилась всегда въ самой тѣсной связи съ Эзелемъ. Вики и Эзель въ древности считались какъ бы одною областю не только самими ихъ обитателями, но и другими народами. По хроникѣ Генриха Латышскаго, ротальцы (вики) считали эзельцевъ своими земляками, а викискія земли считаются принадлежащими эзельцамъ (Гл. XIX. § 3). Полагаютъ даже, что военною гаванью эзельцевъ служилъ нынѣшній мацальскій заливъ. Вслѣдствіе этого подъ именемъ Эзель (Эйзиссель) часто разумѣется не только островъ Эзель, но и всѣ относящіяся къ нему владѣнія (Благовѣщенскій, стр. 12 и 117). Отсюда и владѣнія могли иногда называться общимъ именемъ п приморскіе викицы—эзельцами, „ссолами“. Разумѣя подъ „ссолами“ викискихъ эстовъ и, допуская, что походъ Изяслава совершенъ былъ въ одинъ изъ тѣхъ зимнихъ промежутковъ времени, когда между Эзелемъ и материкомъ сообщенія не имѣлось, — такіе промежутки случаются обыкновенно ежегодно,—мы легко поймемъ то обстоятельство, что весною того же года покоренные ссолы не только выгнали изъ своей земли сборщиковъ дани, но и чувствовали себя достаточно сильными предпринять дальній и смѣлый походъ противъ юрьевцевъ и самихъ русскихъ. Въ этомъ походѣ явственно выступаютъ духъ, воинственность и предпримчивость эзельцевъ.

писецъ, „а ссоль безъ числа“ ¹⁾. Тѣмъ не менѣ этотъ походъ ссоль вѣроятно не остался безъ послѣдствій. Не встрѣчая лѣтописныхъ сообщеній о данничествѣ чуди послѣ этого до 20-ыхъ годовъ слѣдующаго XII вѣка, т. е. до того времени, когда какъ бы снова начинается обложение чуди данью, мы имѣемъ основаніе думать, что въ концѣ XI и въ началѣ XII вѣковъ эсты были свободны отъ дани русскимъ. Такого независимаго положенія, быть можетъ, пожелало достигнуть и латышское племя Зимигола, платившее, по лѣтописному сказанію Нестора, дань Руси. Противъ Зимиголы въ 1106 году выступили всѣ Всеславичи съ 9000-нымъ войскомъ. Походъ окончился поголовнымъ истребленіемъ всего русскаго отряда съ ихъ князьями ²⁾, послѣ чего Зимигола несомнѣнно отложила отъ Руси. Успѣхъ Зимиголы, надо полагать, становился заразительнымъ и для „очелцевъ“, но они вѣроятно были усмирены въ 1111 году походомъ на нихъ Мстислава ³⁾. Около этого времени русскіе опять начинаютъ имѣть дѣло съ чудью. Въ 1116 году Мстиславъ Владиміровичъ беретъ новгородцевъ со псковичами, отправляется въ Угаунію, побѣждаетъ главный укрѣпленный замокъ въ этой области Оденпэ ⁴⁾ и облагаетъ окрестную чудь данью ⁵⁾. Но чудь упорствовала. Въ 1130 году предпринимается на нее новый большой походъ, въ которомъ участвуютъ всѣ сыновья Мстислава, Всеволодъ съ новгородцами, Изяславъ съ полочанами и Ростиславъ съ смолянками. Чудь опять принуждена платить дань ⁶⁾. Всѣ эти походы предпринимались на юго-

¹⁾ Пск. I. л. г. 6568.

²⁾ Лавр. л. г. 6614.

³⁾ Новг. I. л. 6619. Гдѣ находилась очела, въ точности опредѣлить трудно (см. Трусманъ, стр. 168). Но особенная характерность лѣтописнаго сказанія: „томъ же лѣтѣ ходи Мстиславъ на очелу“, какъ бы подсказываетъ, что Мстиславъ ходилъ уже въ вполнѣ подвластную себѣ область, гдѣ ничего знаменательнаго не могло произойти. На такую область болѣе всего походить Толова, лежавшая на верховьяхъ рѣки Аа и находившаяся, по свидѣтельству Генриха Латышскаго, въ всегдашнемъ подчиненіи у русскихъ.

⁴⁾ Замокъ Оденпэ, эст. Отераа, русск. Медвѣжья голова, находился въ 45 верстахъ къ югу отъ Юрьева.

⁵⁾ Сокр. Пск. I. г. 1116.

⁶⁾ Сузд., Нов. I, Лавр., Пск. сокр. л. г. 6638г). Оггг

восточныхъ эстовъ. Въ 1131 году новгородцы пытаются покорить себѣ и чудь сѣверо-восточныхъ областей, чудь эстляндскую, но походъ оказывается неудачнымъ: „и сотворися пакость велика, много добрыхъ мужъ избиша въ Клинь (Валкѣ) новгородцѣ“, скорбитъ лѣтописецъ ¹⁾. Въ 1133 году Всеволодъ съ новгородцами и псковичами идетъ на юрьевскую чудь по поводу отреченія ея отъ дани и беретъ городъ Юрьевъ ²⁾. Послѣ этого чудь съ русскими долгое время, кажется, жила безъ недоразумѣній, такъ что, когда въ 1166 году на Эстляндію попытались напасть шведы, то соединенными силами эстовъ и русскихъ они были отбиты ³⁾. На сколько непроченъ однако былъ союзъ между русскими и эстами, показываетъ то, что чрезъ десять лѣтъ эстляндская чудь дѣлаетъ сильное нападеніе на псковскую область до самаго города ⁴⁾. Нѣкоторое время спустя послѣ этого случилось недоразумѣніе и съ очелцами, но походомъ Мстислава въ 1179 году они вѣроятно снова были усмирены ⁵⁾. Съ чудью однако не легко было справиться. Въ 1190 году чудь эстляндская дѣлаетъ нападеніе на псковичей около озера, хотя впрочемъ неудачно ⁶⁾. Русскіе съ своей стороны не остаются въ долгу у чуди. Въ слѣдующемъ же 1191 году новгородцы съ псковичами подъ предводительствомъ князя Ярослава вторглись въ Эстонію, взяли городъ Юрьевъ, потребовали дань, и, жестоко опустошивъ окрестную землю, возвратились домой со множествомъ плѣнныхъ ⁷⁾. Годъ спустя послѣ этого тотъ же князь Ярославъ посылаетъ рать на Зимиголу и угаунцевъ, которая произвела опустошенія и взяла городъ Медвѣжью голову (замокъ Оденпэ) ⁸⁾. Нѣтъ основаній думать, чтобы и послѣ этихъ походовъ Остзейскіе данники русскихъ приведены были въ полное повиновеніе. Если нѣкоторыя латышскія племена съ ливами и выказывали покорность, то чудь всегда стремились къ независимости.

¹⁾ Новг. I. г. 6639.

²⁾ Новг. I л. г. 6641; Сокр. Пск. л. г. 1133.

³⁾ Сокр. Пск. л. г. 1166.

⁴⁾ Новг. I л. г. 6684; Пск. л. г. 1176.

⁵⁾ Новг. I л. г. 6687.

⁶⁾ Пск. Сокр. л. г. 1190.

⁷⁾ Новг. I л. г. 6699. Пск. с. л. г. 1191.

⁸⁾ Новг. I л. г. 6700. Пск. с. л. г. 1192.

Между тѣмъ теперь наступило время, когда русскимъ въ Остзейскомъ краѣ слѣдовало дѣйствовать рѣшительнѣе. Нѣмецкіе пришельцы, утвердившіеся на низовьяхъ рѣки Двины, дѣлались все сильнѣе и сильнѣе. Порождая ссоры и раздоры между туземными уже и безъ того разрозненными племенами, нѣмцы имѣли въ виду ослабить ихъ, чтобы затѣмъ при удобномъ случаѣ воспользоваться этимъ для распространенія на нихъ своего вліянія. Туземное племя, вошедшее разъ въ сферу вліянія нѣмцевъ, становилось для послѣднихъ уже опорой къ дальнѣйшимъ дѣйствіямъ въ томъ же направленіи. Мы видимъ, что въ борьбѣ съ лѣтами нѣмцамъ помогаютъ только ливы, на первыхъ же порахъ подчинившіеся нѣмцамъ, но чрезъ нѣкоторое время на эстовъ рижане ведутъ уже тѣхъ и другихъ вмѣстѣ. Дѣло такого постепеннаго и вѣрно рассчитаннаго подчиненія нѣмцами Остзейскихъ племенъ не обходилось безъ того, чтобы русскіе Остзейскіе данники не подстрекались противъ исконныхъ своихъ верховныхъ владыкъ. Въ началѣ XIII столѣтія мы замѣчаемъ необыкновенно частые набѣги племенъ Остзейскихъ на сосѣднія русскія области, и нерѣдко при живомъ участіи и руководствѣ нѣмцевъ ¹⁾. Цѣлю подстрекательства могло служить, во первыхъ, возможно большее ослабленіе туземцевъ при перемѣнныхъ и взаимныхъ походахъ ихъ съ русскими, и во вторыхъ, независимость туземцевъ отъ русскихъ, каковыя обстоятельства могли облегчить нѣмцамъ дѣло завоеванія страны. Такъ по крайней мѣрѣ и случилось. Туземцы, не понимая на первыхъ порахъ всей серьезности той опасности, которая угрожала имъ отъ нѣмцевъ, не прочь были по временамъ высказывать свое стремленіе стать независимыми отъ русскихъ. Они нерѣдко дѣлаютъ хищническіе набѣги на псковскія и новгородскія области, за что, конечно, имъ отплачивается противною стороною нѣсколько кратъ болѣе. Когда же туземцы начинали вникать въ то, къ чему ведутъ успѣхи нѣмцевъ, они обращаются уже къ русскимъ за помощью, причемъ эсты не только прекращаютъ свои набѣги на русскія земли, но и приглашаютъ

¹⁾ Генр. XXV. § 5. XVI. § 2.

русскихъ занять укрѣпленные пункты въ своей странѣ, чтобы общими силами изгнать изъ края нѣмцевъ. Русскіе оказываютъ помощь, но дѣйствуютъ при этомъ не единодушно и безъ яснаго пониманія своихъ Остзейскихъ интересовъ; къ тому же на Руси наступаютъ уже трудныя времена. Вслѣдствіе всего этого поздно придуманный планъ эстовъ оказался невыполнимымъ. Въ тотъ же періодъ времени, когда со стороны нѣмцевъ постепенно готовился подрывъ русскому владычеству въ краѣ, именно, въ послѣдніе 10 лѣтъ XII и въ первые XIII столѣтій, псковичи и новгородцы какъ бы оставляютъ безъ всякаго надзора свои Остзейскія области. Занимаясь внутренними партійными раздорами и междоусобицами, они совершенно не обращаютъ вниманія на цѣли и дѣйствія духовно-военнаго ордена рыцарей меченосцевъ, увердившагося на устьяхъ Двины и постепенно воздвигавшаго себѣ замокъ за замкомъ въ Ливоніи. Съ 1192 по 1210 годъ мы не находимъ въ лѣтописныхъ сказаніяхъ ни одного похода новгородскихъ и псковскихъ русскихъ въ Остзейскій край. Надо думать, что дѣло отстаиванія русскихъ интересовъ въ краѣ за это время легло на однихъ полочанъ, надзиравшихъ за придвинскими летами и ливами. Но прослѣдимъ, на сколько успѣшно вели полочане выпавшее на ихъ долю дѣло. Вѣроятно до начала XIII столѣтія положеніе полочанъ въ Ливоніи ничѣмъ еще не было поколеблено. Въ началѣ же этого вѣка начинается борьба нѣмцевъ съ ними изъ за преобладанія. Полоцкій князь Владиміръ сталъ догадываться объ опасности, угрожавшей ему отъ нѣмцевъ, и вотъ, онъ вмѣстѣ съ княземъ герсикскимъ въ 1203 году, по хроникѣ Генриха Латышскаго, неожиданно вторгается въ Ливонію и осаждаетъ замокъ Икскуль, гдѣ въ то время, за случайнымъ отсутствіемъ нѣмцевъ, остались одни ливы. Получивъ деньги отъ ливовъ, быть можетъ неуплоченную дань, полочане снимаютъ осаду и подступаютъ къ замку Гольмъ. Здѣсь русскіе впервые почувствовали силу своихъ новыхъ сосѣдей, пришлыхъ пропагандистовъ вѣры. Они, видя невозможность овладѣть замкомъ, отступили. Тѣмъ не менѣе князь герсикскій пытается подступить къ самой Ригѣ, но, не предвидя успѣха, захватилъ

пасшійся на лугу скотъ горожанъ, взялъ въ плѣнъ двухъ священниковъ и удалился ¹⁾). Походъ этотъ свидѣтельствуешь о сравнительной слабости полочанъ и значительномъ могуществѣ нѣмцевъ. Но силы нѣмцевъ съ каждымъ годомъ все еще увеличивались новыми рыцарями и пилигримами - крестоносцами германскими, которые скоро стали грозить наступательными дѣйствіями даже по отношенію къ русскимъ. Опасность со стороны нѣмецкихъ пришельцевъ не могла быть не понята русскими. Такъ въ 1205 году Вячко Кукенойскій, услышавъ о прибытіи въ Ригу новыхъ силъ изъ Германіи, расположившихся въ 3-хъ миляхъ отъ его владѣній, нашелъ нужнымъ, при всей своей непріязни къ нѣмцамъ ²⁾), послѣдствовать къ епископу и заключить съ нимъ миръ ³⁾). Заключенный миръ продолжался однако не долго. Около этого времени ливы успѣли уже почувствовать тягость отъ германскихъ выходцевъ и бремя новой вѣры ⁴⁾ и, порѣшивъ общими силами изгнать нѣмцевъ ⁵⁾, начинаютъ усиленно хлопотать о помощи въ Полоцкѣ ⁶⁾). Полочане рады случаю и остаются только въ ожиданіи наиболѣе удобнаго момента для нападенія на Гольшъ и Ригу. Мementъ этотъ скоро представился. Немного спустя, по отбытіи ливскихъ уполномоченныхъ изъ Полоцка, отъ нихъ же присылаются гонцы къ князю Владиміру съ представленіемъ о томъ, что наступило удобное время для нападенія на Ригу, такъ какъ часть Рижскаго гарнизона вмѣстѣ съ епископомъ уѣхала въ Германію. Владиміръ, недолго думая, вмѣстѣ съ князьями герсикскимъ и кукенойскимъ и съ большою военною силою отправляется на корабляхъ внизъ по Двинѣ и подступаетъ къ Гольшу. Отсюда онъ разсылаетъ гонцовъ ко всѣмъ ближайшимъ язычникамъ съ приглашеніемъ ополчиться на рижанъ. Торейдцы послѣдовали приглашенію. Но походъ всетаки кончился ни чѣмъ. На 11-ый день осады торейдцы донесли князю, что на морѣ показались

¹⁾ Генр. VII. §§ 7 и 8.

²⁾ Ibid. XI. § 9.

³⁾ Ibid. IX. § 10.

⁴⁾ Ibid. X. § 1.

⁵⁾ Ibid. § 6.

⁶⁾ Ibid. §§ 1 и 12.

корабли. Изъ опасенія прибытія нѣмцевъ, какъ передаетъ Генрихъ Латышскій, князь тотчасъ снялъ осаду и со всѣмъ войскомъ возвратился въ свою землю ¹⁾. Послѣ такой неудачи Вячко Кукенойскій, кажется, разувѣрился въ возможности удержать за собою свои владѣнія. Въ 1207 году онъ добровольно уступаетъ епископу половину своихъ земель и замка, лишь бы тотъ только далъ ему помощь противъ литовцевъ ²⁾. Въ слѣдующемъ году ему однако суждено было лишиться и остальныхъ частей замка и земель. Генрихъ Латышскій сообщаетъ, что въ 1208 году возникъ раздоръ между королемъ кукенойскимъ и Леневарденскимъ рыцаремъ Даніиломъ, людямъ котораго король причинялъ большія безпокойства. Раздоръ обострился на столько, что рыцарь Даніиль вмѣстѣ съ своими людьми однажды ночью неожиданно напалъ на Кукенойсѣ и, овладѣвъ имъ, взялъ въ плѣнъ часть находившихся въ немъ русскихъ, въ томъ числѣ и короля, при чемъ всѣ плѣнные закованы были въ цѣпи. Когда Даніиль сообщилъ о происшедшемъ епископу, то послѣдній не только не одобрилъ поступка леневардскаго рыцаря, но велѣлъ освободить Вячко, пригласилъ его къ себѣ и по щедромъ угощеніи и одареніи водворилъ вновь въ Кукенойсѣ, давъ ему при этомъ 20 хорошо вооруженныхъ человекъ изъ своей дружины для защиты замка отъ литовцевъ ³⁾. Но Вячко все-таки не могъ забыть оскорбленія, и вотъ онъ, разсчитывая на отсутствіе изъ Риги епископа, съ пилигримами, умерщвляетъ епископскихъ людей и обращается къ полоцкому князю съ предложеніемъ идти на Ригу. Тотъ сначала соглашается, но, получивъ извѣстіе о возвращеніи епископа съ пилигримами и о приготовленіяхъ ихъ выступить на защиту церкви, не рѣшается на походъ. Вячко же, изъ боязни прибытія нѣмцевъ, собралъ свое имущество, поджегъ свой замокъ и удалился въ Россію ⁴⁾. Вскорѣ послѣ оставленія Кукенойса русскими нѣмцы воздвигли здѣсь новое укрѣпленіе, которое надолго сдѣлалось ихъ достояніемъ ⁵⁾.

¹⁾ Ibid. § 12.

²⁾ Ibid. XI. § 2.

³⁾ Ibid. XI. § 8.

⁴⁾ Ibid. XI. § 9.

⁵⁾ Ibid. XIII. § 1.

Пользуясь слабостью полочанъ, нѣмцы на этомъ не остановились. Въ 1209 году они съ большимъ войскомъ выступаютъ противъ герсикскаго князя Всеволода, который былъ имъ особенно ненавистенъ. Герсикъ былъ взятъ и сожженъ, при чемъ нѣмцами, между прочимъ, взяты были колокола, иконы и другія серебряныя и золотыя вещи изъ церквей. Во время бѣгства княжескаго семейства княгиня захвачена была въ плѣнъ, князь же успѣлъ спастись на противоположный берегъ Двины, откуда, взирая на пожаръ роднаго замка, громко возопилъ: „О Герсике, любезный городъ, о наслѣдство моихъ отцевъ! Ахъ, не родиться бы мнѣ лучше на свѣтѣ, чѣмъ видѣть пожаръ моего города и истребленіе моего народа“. Хотя Всеволоду, по принесеніи имъ повинной епископу и возвращено было королевство съ плѣнными, но уже подъ тѣмъ условіемъ, чтобы королевство это считалось навсегда собственностью церкви святыя Маріи (церкви латинской), и чтобы король герсикскій во всемъ слушался епископа ¹⁾. Такимъ образомъ борьба съ нѣмцами оказалась не подъ силу однимъ полочанамъ и кончилась крайне для нихъ печально. Герсикъ съ Кукенойсомъ — эти два столь важныхъ пункта — были на долго потеряны для русскихъ.

Новгородцы съ псковичами несомнѣнно были извѣщены о столь знаменательныхъ ливонскихъ событіяхъ, и они вспомнили о своихъ Остзейскихъ данникахъ. Обстоятельства въ Новгородѣ въ это время дѣлаются благоприятнѣе. Сюда является, дѣятельный, вліятельный и предприимчивый князь Мстиславъ Мстиславовичъ Удалой, и внутреннія несогласія нѣсколько утихаютъ. Обративъ вниманіе на ливонскія дѣла и нашѣди характеръ нѣмецкой пропаганды для себя небезопаснымъ, русскіе видимо начинаютъ противодѣйствовать рижанамъ и ихъ религіозной пропагандѣ. Такъ, въ 1212 году новгородцы со псковичами подъ предводительствомъ князя Мстислава идутъ походомъ въ Угаунію и, овладѣвъ здѣсь замкомъ Оденнэ, уже не довольствуются однимъ выкупомъ (400 ногатъ), а и выказываютъ явное намѣреніе предупредить рижанъ въ дѣлѣ религіозной

¹⁾ Ibid. § 4.

пропаганды. Именно, они крестятъ нѣкоторыхъ изъ туземцевъ и, уходя, обѣщаютъ прислать сюда своихъ священниковъ (православныхъ) ¹⁾. Черезъ два года послѣ этого тотъ же князь Мстиславъ, услышавъ, что нѣмцы проникли въ Эстонію, съ 15-ти тысячнымъ войскомъ двинулся на поиски ихъ въ Вайгу и Гервель, но не находя здѣсь нѣмцевъ, направился въ Гаріенскую область, откуда, по полученіи 700 ногатъ, возвратился въ свою землю ²⁾. Въ 1216 году Владиміръ псковскій опустошаетъ Угаунію за то, что „жители ея приняли крещеніе латинянъ, а ихъ (русскихъ) крещеніемъ пренебрегли“, въ томъ же году онъ посылаетъ свою рать въ Толову для сбора дани и, вѣроятно, для наказанія толовцевъ за дружбу съ нѣмцами и измѣну православію, принятому ими отъ псковичей ³⁾. Въ 1217 году новгородцы со псковичами опять ополчились противъ нѣмцевъ. Собравъ большое войско, они подъ предводительствомъ князя псковскаго Владиміра вступили въ Угаунію и отсюда разослали гонцовъ по всей Эстоніи съ приглашеніемъ собраться осаждать нѣмцевъ, которые успѣли уже засѣсть въ Эденпэ. На зовъ явились эзельцы, саккалане и гаріенцы, и Оденпэ былъ осажденъ. Болѣе двухъ недѣль осаждающіе не имѣли успѣха. Но вотъ, на выручку осажденнымъ подоспѣлъ отрядъ рижанъ, численностью въ 3000 человекъ, который, сразившись съ русскими неудачно, „отступилъ въ замокъ“. Рижане, вѣроятно, не запаслись провіантомъ, такъ что въ замкѣ отъ многочисленности людей и лошадей скоро возникъ голодъ. Начались переговоры о мирѣ, который и былъ заключенъ на 3-ій день. Нѣмцы должны были очистить Оденпэ и уйти въ Ливонію, послѣ чего и русскіе возвратились въ свою землю ⁴⁾. Итакъ, изъ приведенныхъ лѣтописныхъ свидѣтельствъ мы усматриваемъ, что русскіе обратили теперь уже болѣе серьезное вниманіе на Остзейскія области, выказывая намѣреніе утвердить здѣсь свое вліяніе.

¹⁾ Генр. XIV. § 2. Сокр. Пск. л. 1212 г. По хроникѣ Генриха Латышскаго походъ Мстислава происходилъ въ 1210 г.

²⁾ Лавр. и Сокр. Пск. л. г. 1214; Генр. XV. § 8.

³⁾ Генр. XX. §§ 3 и 5 ср. XVIII. § 3.

⁴⁾ Ibid. XX. § 7.

Но русскіе не имѣли успѣха въ данномъ случаѣ. Они не воздвигаютъ въ странѣ собственныхъ замковъ, равно и въ туземныхъ не оставляютъ своихъ гарнизоновъ, которые поддерживали бы власть ихъ на мѣстѣ. Одержавъ побѣду, войско русское по прежнему до одинаго человѣка спѣшить домой, такъ что съ удаленіемъ русскихъ для нѣмцевъ снова открывается полный просторъ дѣйствій. Ничто не препятствуетъ имъ возвращать потерянное и дѣлать дальнѣйшія завоеванія. Противники ихъ также попрежнему не выказываютъ единодушія въ дѣлѣ отстаиванія своихъ интересовъ. Не говоря уже о несогласіяхъ между туземными племенами, не переставшими ослаблять одно другое постоянными набѣгами, между самими русскими замѣчалась рознь, и отсутствіе пониманія общности интересовъ. Полочане не участвуютъ въ походахъ новгородцевъ и псковичей. Послѣдніе съ своей стороны не оказываютъ помощи полочанамъ, даже въ такихъ случаяхъ, когда отъ тѣхъ отнимаются придвинскія княжества, герсикское и кукенойское. Въ непониманіи общности интересовъ русскіе допускаютъ себѣ и слѣдующаго рода явленія. Въ 1210 году, слѣдовательно, немного спустя послѣ того, какъ нѣмцы овладѣли Герсикомъ и Кукенойсомъ, Владиміръ, князь псковскій, посылаетъ отъ себя большой отрядъ на помощь нѣмцамъ противъ эстовъ ¹⁾. Подобнаго рода отношеніе русскихъ, собственно говоря, къ общему дѣлу вело все къ болѣе и болѣе плачевнымъ результатамъ. Прежде всего сильно потерпѣли полочане. Потерявъ Герсикъ и Кукенойсь, полочане попытались было еще оспаривать свою власть надъ ливами предъ епископомъ. Въ 1212 году князь Владиміръ грозилъ войною епископу за крещеніе ливовъ. Но когда дѣло дошло до столкновенія войскъ противныхъ сторонъ, Владиміръ, сомнѣваясь въ побѣдѣ, не рѣшился вступить въ сраженіе и уступилъ всѣ свои ливонскія владѣнія епископу безъ борьбы ²⁾. Со смертію этого полоцкаго князя въ 1216 году нѣмцы навсегда

¹⁾ Ibid. XIV. § 9.

²⁾ Ibid. XVI. § 2.

освободились отъ опасности со стороны Полоцка ¹⁾. Не долго опасными для нѣмцевъ остались новгородцы со псковичами.

Съ половины 1217 года вопросъ о томъ, кому властвовать въ Остзейскомъ краѣ, русскимъ или нѣмцамъ, замѣтно сталъ разрѣшаться въ пользу послѣднихъ. До этого времени нѣмцами были достигнуты слѣдующіе результаты. Ливы и леты съ зелонами находились въ полномъ подчиненіи. Угаунцами принято было крещеніе. Нѣсколько походовъ въ сѣверныя области: Саккалу, Викъ и Гервенъ, имѣли своимъ послѣдствіемъ то, что эсты поименованныхъ областей дали обѣщаніе принять крещеніе и платить ежегодные оброки ²⁾. Осталось еще покорить семигаловъ и докончить покореніе эстовъ. Прежде всего нѣмцамъ однако необходимо было продолжать борьбу съ эстами. Подчиненіемъ семигаловъ можно было нѣсколько повременить. Семигалы, хотя племя весьма воинственное и сильное, имѣя постоянные счеты съ литовцами, не причиняли нѣмцамъ особенныхъ безпокойствъ. Эсты же постоянно тревожили какъ самихъ рижанъ, такъ и ихъ союзниковъ летовъ и ливовъ, и такія тревоги производили не только эсты независимые, но и саккалане, викцы, гервенцы и угаунцы, которые, какъ мы видѣли, выражали уже покорность нѣмцамъ. Эсты въ сношеніяхъ съ нѣмцами много обѣщали, но мало исполняли, а при случаѣ и отъ всего отрекались и сами предпринимали наступательныя дѣйствія на нихъ. Потому рижане въ силу обстоятельствъ вынуждены были обратить все свое вниманіе именно на эстовъ. И слѣдуетъ замѣтить, что борьба съ эстами представлялась для нѣмцевъ весьма упорною и затруднительною. Самые „свирѣпые“ ³⁾ изъ эстовъ — ревельцы, юрьевцы и эзельцы, не были еще тронуты. Но что болѣе всего осложняло дѣйствія нѣмцевъ противъ эстовъ, это то, что послѣдніе стали сноситься съ русскими и строить планы при ихъ помощи совершенно изгнать нѣмцевъ изъ Ливоніи. Неизвѣстно, къ чему эти планы привели бы, если бы при самомъ выполненіи ихъ не произошли неудачи.

¹⁾ Ibid. XIX. § 10.

²⁾ Ibid. X. § 13; XI. §§ 6 и 7; XVI. § 1; XVIII. § 3; XIX. §§ 4, 7, 8; XX. § 6.

³⁾ Ibid. XXII. § 2.

Прослѣдимъ же теперь борьбу эстовъ съ нѣмцами и ихъ соучастниками,—борьбу, въ которой весьма дѣятельное участіе принимали русскіе и которая окончилась полною побѣдой нѣмцевъ и, между прочимъ, вытѣсненіемъ русскихъ изъ Остзейскихъ провинцій.

Осенью 1217 года „эсты послали русскимъ много подарковъ“, такъ передаетъ Генрихъ Латышскій, „и просили, чтобы русскіе пришли съ войскомъ разрушить ливонскую церковь. Но въ это время великій князь ногардскій (новгородскій) Мстиславъ, отправился воевать съ королемъ венгерскимъ за королевство Галицію, и на своемъ мѣстѣ въ Ногардѣ оставилъ новаго короля (Святослава Мстиславовича). Онъ послалъ своего посла въ Эстонію и обѣщалъ, что придетъ туда съ королемъ Вольдемаромъ (Владиміромъ псковскимъ) и очень многими другими королями. И радовались тому эстонцы и послали по всей Эстоніи и собрали войско, чрезвычайно большое и сильное. . . И было ихъ шесть тысячъ. . . И ждали они прибытія русскаго короля 15 дней. Рижане, услышавъ объ ихъ собраніи, ополчились и быстро двинулись на нихъ съ цѣлю предупредить русскихъ“. Около Феллина произошло сраженіе и эсты, не получивъ помощи отъ русскихъ, были разбиты на голову, при чемъ пали многіе самые лучшіе изъ ихъ старшинъ¹⁾. Этимъ пораженіемъ центральная Эстонія была усмирена и обезсилена. Саккалане тотчасъ принесли повинную рижанамъ, а роталійцы и ервенцы вынуждены были сдѣлать то же въ ближайшую зиму, когда нѣмцы предприняли на нихъ вторичный походъ²⁾.

Русское войско пришло въ Эстонію лишь осенью слѣдующаго 1218 года, въ то время, когда рижане шли уже на ревелъцевъ и гаріенцевъ. Численность русскаго войска доходила до 16-ти тысячъ человѣкъ. Расположившись въ Угауни, русскіе послали пословъ по Эстоніи для сбора туземнаго войска, чтобы соединенными силами идти на Ливонію. Въ это время нѣмецкое войско находилось въ Саккалѣ. Его соглядатаи на-

1) Ibid. XXI §§ 2 и 3.

2) Ibid. XXI. §§ 2 и 3.

ткнулись на русскихъ пословъ и привели ихъ въ нѣмецкій лагерь, гдѣ тѣ сообщили, зачѣмъ были посланы. Узнавъ о намѣреніи русскихъ, нѣмцы оставили походъ въ ревелскія области и тотчасъ повернули назадъ, чтобы заградить путь русскимъ. Столкновение произошло въ Угауніи. Нѣмцы произвели стремительное нападеніе, которое оказалось весьма удачнымъ; русскіе, не выдержавъ, обратились въ бѣгство. Ихъ преслѣдовало непріятельское войско на протяженіи около 2 миль. Когда оба войска остановились и нѣмецкіе союзники, ливы съ летами, замѣтивши всю многочисленность русскихъ, испугались и разбѣжались, то и рыцари должны были отступить и направиться домой. По разсѣяніи нѣмецкаго войска, русскіе двинулись въ Ливонію. Отъ эстовъ пришелъ только незначительный отрядъ гаріенцевъ. Разсыпавшись мелкими отрядами, русскіе подвергли земли летовъ и ливовъ пожару и опустошенію, при чемъ не щадили и церквей (католическихъ). Близко къ Ригѣ русскіе однако не подходили. Между тѣмъ, рижане успѣли собрать новое войско, чтобы вторично идти на русскихъ. Какъ только извѣстіе объ этомъ дошло до русскихъ, всѣ ихъ отряды соединились и подступили къ замку Венденъ. Не видя однако возможности такъ скоро овладѣть замкомъ, русскіе изъ опасенія нападенія рижанъ на слѣдующій же день сняли осаду и удалились въ Угаунію. Услышавъ здѣсь о вторженіи литовцевъ въ Россію, русскіе послѣшно вышли изъ края ¹⁾.

И такъ, описанный походъ русскихъ не имѣлъ за собою никакихъ особенныхъ послѣдствій. Онъ удержалъ только нѣмцевъ отъ нападенія на ревелскія области и то не на долго.

Не позднѣе, какъ чрезъ полгода, именно великимъ постомъ 1219 года, нѣмцы снова выступили противъ ревелицевъ и, опустошивъ ихъ земли, возвратились домой съ большою добычею ²⁾. Но не смотря на свои успѣхи, нѣмцы видѣли, что имъ всетаки весьма трудно будетъ подчинить эстовъ своей власти, въ особенности въ виду союза ихъ съ русскими. Сила

---

¹⁾ Генр. XXII. §§ 2, 3, 6, 8.

²⁾ Ibid. § 9.

простыхъ пилигримовъ и крестоносцевъ, за которыми епископъ Альбертъ ежегодно ѣздилъ въ Германію, и которые годъ отъ году стали прибывать все въ меньшемъ количествѣ, казалась малою для окончательнаго подчиненія воинственныхъ эстовъ; потому епископъ Альбертъ сталъ искать болѣе сильныхъ союзниковъ и, именно, онъ обратился за помощью къ датскому королю — Вольдемару II. Послѣдній, заручившись папскою буллою, предоставлявшею въ его собственность всѣ земли въ Эстоніи, жителей которыхъ онъ успѣетъ обратить въ христіанство ¹⁾, весною 1219 года съ значительнымъ отрядомъ войскъ, хорошо вооруженныхъ и обученныхъ, высадился на эстонскомъ берегу, гдѣ теперь городъ Ревель. Вмѣстѣ съ нимъ прибылъ и архіепископъ Лундскій Андрей. Королю Вольдемару ничего не стоило взять и разрушить находившійся здѣсь туземный городъ Линданиссу и построить на его мѣстѣ крѣпость. Утвердившись такимъ образомъ, датчане скоро покорили и окрестили ревельскихъ эстовъ и успѣшно повели борьбу и съ жителями другихъ сосѣднихъ областей ²⁾. Ревнуя успѣхамъ датчанъ, въ слѣдующемъ 1220 году въ Эстонію прибыли попытать счастье и шведы. Послѣдніе высадились въ Викѣ и, засѣвъ въ Леалѣ, стали дѣйствовать здѣсь въ такомъ же направленіи, въ какомъ датчане усердствовали въ Ревелѣ ³⁾. Совокупная дѣятельность нѣмцевъ, датчанъ и шведовъ была такъ успѣшна, что къ 1-му марта 1221 года вся материковая Эстонія уже была окрещена ⁴⁾. Вмѣстѣ съ крещеніемъ на новокрещенныхъ налагались и разныя повинности, которыя день ото дня увеличивались ⁵⁾.

Жаль было эстамъ разстаться съ своею прежнею вольностію и вотъ они поднимаются на своихъ покорителей. Сперва вспыхиваетъ недовольство ихъ по мѣстамъ, при чемъ почти вездѣ самыми дѣятельными участниками въ веденіи борьбы являются пока еще независимые, но весьма ясно сознававшіе

¹⁾ Urkundenbuch. I. 3. III. № 41. а; булла отъ 9 Окт. 1218 г.

²⁾ Генр. XXIII. § 2. XXIV. § 2.

³⁾ Ibid. XXIV. § 3.

⁴⁾ Ibid. XXIV. § 7.

⁵⁾ Ibid. § 6.

угрожавшую и имъ опасность, эзельцы. Въ Августѣ 1220 года эзельцы съ большимъ войскомъ осадили Леаль и въ тотъ же день овладѣли имъ. Весь шведскій гарнизонъ, за исключеніемъ лишь немногихъ, успѣвшихъ спастись бѣгствомъ, былъ перебитъ, между убитыми находились также герцогъ и епископъ ¹⁾. Истребивъ однихъ враговъ, эзельцы вскорѣ устремились и на другихъ. Въ апрѣлѣ 1221 года они подступили къ Ревелю. Датчане попытались было сразиться съ ними, однако принуждены были отступить въ свой замокъ. Но вотъ на морѣ показались четыре корабля, и эзельцы, думая, что это ѣдетъ датскій король, поспѣшно сѣли на свои корабли и воротились домой. Это были первыя вспышки постепенно разгоравшагося всеобщаго возстанія эстовъ. Въ нихъ не замѣчается еще признаковъ общаго единодушія. Напротивъ въ то время, когда западная Эстонія начинаетъ сознавать необходимость всеобщаго отпора врагамъ, восточная допускаетъ себѣ заниматься дѣлами, по меньшей мѣрѣ, бесполезными. Такъ, въ 1221 году послѣ опустошительнаго и опять безрезультатнаго набѣга русскихъ на земли летовъ, ливовъ и угаунцевъ, произведеннаго вѣроятно по поводу незаконнаго занятія нѣмцами Оденпэ ²⁾, саккалане съ угаунцами по зову рижанъ вторглись въ новгородскія земли и произвели здѣсь большія опустошенія ³⁾. И этотъ набѣгъ эстовъ на русскія области за послѣднее время былъ далеко не единственнымъ ⁴⁾. Но скоро и восточная Эстонія по приглашенію эзельцевъ соединяется съ западною, и по всей странѣ эстонской составляется заговоръ. Вездѣ эсты начинаютъ проявлять вѣроломство и неистовство по отношенію къ нѣмцамъ и датчанамъ. Эзельцы, викцы, гаріенцы, вирландцы, саккалане, іервенцы, юрьевцы—все стараются превзойти одни другихъ въ вѣроломствѣ надъ своими священниками, фохтами и прочими беззащитными нѣмцами и датчанами ⁵⁾. Но, рѣшаясь на такіа вѣроломства, эсты знали, что имъ скоро придется имѣть дѣло

¹⁾ Генр. XXIV. § 3.

²⁾ Ibid. XXV. § 3.

³⁾ Ibid. § 5.

⁴⁾ Ibid. § 5 и 6.

⁵⁾ Генр. XXVI. §§ 4. 5. 6. 7.

съ нѣмецкимъ и датскимъ войсками. Въ виду этого они начинаютъ готовиться и къ общему сраженію, при чемъ, чувствуя свою сравнительную слабость, а главное, недостатокъ въ общемъ вождѣ, эсты снова обращаются къ русскимъ за помощью. „Пронеслась тогда молва по всей Эстоніи и Озилии“, передаетъ Генрихъ Латышскій подъ 1222 годомъ, „что наступило время сражаться съ датчанами и нѣмцами и изгнать христіанство изъ всѣхъ областей. Эстонцы призвали себѣ на помощь русскихъ какъ изъ Ногардіи, такъ и изъ Плесцекова (Пскова), заключили миръ съ ними и однихъ русскихъ поставили въ Тарбатѣ (Дерптѣ), другихъ въ Филиндѣ (Феллинѣ), а иныхъ въ другихъ замкахъ, чтобы русскіе бились тутъ съ нѣмцами и латинами и всѣми христіанами. И они укрѣпили свои замки, построили каменометныя машины во всѣхъ замкахъ и учились дѣйствовать самострѣлами и подѣлили между собою множество самострѣловъ, которые они награбили у братьевъ рыцарства. И они снова взяли къ себѣ своихъ женъ, которыхъ оставили при принятіи христіанства, и вынимали тѣла своихъ умершихъ съ кладбищъ, вынули ихъ изъ гробовъ и сожгли по прежнему языческому обычаю. И они омывали водою свои дома и замки и выметали ихъ вѣниками и думали такимъ образомъ совершенно уничтожить таинство крещенія во всѣхъ областяхъ“ ¹⁾. Вся эстонія, слѣдовательно готовилась къ ожесточенной войнѣ. Между тѣмъ въ Ригѣ все это было извѣстно и здѣсь составленъ былъ планъ умирить необузданныхъ эстовъ, равно и какъ-нибудь утратить русскихъ. Безъ промедленія предпринимается походъ на саккаланъ; широко опустошается и выжигается ихъ область, однако замкомъ Феллиномъ нѣмцамъ на этотъ разъ не удалось овладѣть. Но послѣ того, какъ саккалане, съ угаунцами и другими въ отщепеніе нѣмцамъ, совершили такой же походъ на летовъ, ихъ союзниковъ, нѣмцы снова появляются въ Саккалу и теперь уже берутъ Феллинъ; и на страхъ русскимъ подвергаютъ казни чрезъ повѣшеніе всѣхъ засѣвшихъ здѣсь русскихъ. Овладѣвъ Феллиномъ, нѣмцы двинулись на другой эстонскій замокъ, на-

¹⁾ Ibid. §§ 7 и 8.

ходившійся на рѣкѣ Пале. Когда и Паленскій замокъ былъ взятъ, нѣмцы воротились домой.

Тѣмъ временемъ саккаланскіе старшины успѣли снестись съ русскими князьями и деньгами и подарками склонить ихъ къ походу противъ нѣмцевъ и датчанъ. Въ 1223 году, вѣроятно не много спустя послѣ послѣдняго похода нѣмцевъ въ Саккалу, въ предѣлы Эстоніи вступило 20-ти тысячное русское войско съ княземъ Ярославомъ во главѣ. Тутъ находился между прочнымъ и Владиміръ псковскій со своими горожанами. Теперь произошли обстоятельства, которыя окончательно рѣшили вопросъ, кому властвовать въ Остзейскомъ краѣ, нѣмцамъ или русскимъ. Ярославъ со своимъ войскомъ остановился на нѣкоторое время въ Угауніи. Здѣсь онъ укрѣпилъ замки Юрьевъ и Оденпэ, снабдивъ ихъ надлежащими гарнизонами. Изъ Угауніи Ярославъ намѣренъ былъ двинуться прямо на нѣмцевъ въ Ливонію, но къ самому началу этого движенія подоспѣли эзельцы и посовѣтовали князю направить свое войско на Ревель противъ датчанъ, въ тѣхъ соображеніяхъ, что, побѣдивъ датчанъ, легко будетъ совладать съ ливонцами. Ярославъ послушался эзельцевъ и повернулъ на Ревель. Проходя чрезъ Саккалу, онъ жестоко наказалъ мѣстныхъ жителей, когда увидѣлъ русскихъ предъ Феллиномъ повѣшенными; это вѣроятно за то, что саккалане легко сдали замокъ нѣмцамъ. По мѣрѣ приближенія къ Ревелю, русское войско увеличивалось присоединеніемъ туземныхъ отрядовъ отъ вирландцевъ, варбольцевъ, гервенцевъ и другихъ. Соединенныя силы русскихъ и эстовъ наконецъ осадили Ревель. Но здѣсь произошло громадной важности по своимъ послѣдствіямъ обстоятельство. Столь громадное союзное войско билось четыре недѣли съ датчанами и не могло взять замка. „Наконецъ король суздальскій“ (Ярославъ былъ братъ суздальскаго князя Георгія) какъ рассказываетъ Генрихъ Латышскій, „со стыдомъ воротился со всѣмъ своимъ войскомъ въ Россію“ ¹⁾. И такъ, русскіе, будучи не въ состояніи побѣдить датчанъ, оставили эстовъ на произволъ судьбы и сами возвратились домой. Судя

¹⁾ Гевр. XXVII. § 3.

по сказаніямъ русскихъ лѣтописей объ этомъ походѣ, можно думать, что Ярославъ имѣлъ и другой поводъ снять осаду и удалиться въ свою землю. Въ новгородской и псковской лѣтописяхъ говорится, что въ лѣто 6731 (1223) русскіе ходили къ Колывани, . . . „но города не взяша, а злата много взяша“. „Злато“ это не составляло ли выкупа, принятаго Ярославомъ отъ датчанъ? Высказанное предположеніе получаетъ тѣмъ болшую вѣроятность, что впослѣдствіи псковичи такъ упрекали новгородцевъ, участвовавшихъ въ описанномъ походѣ: „Къ Колывани есте ходивше серебро поимали, а сами пойдосте въ Новгородъ, и правды не сотвористе, города не взясте, а у Кесси (Вендена) тоже, а у Медвѣжьей Головы (Оденпэ) тоже“. Какъ бы то нибыло, самое это событіе имѣло громадныя послѣдствія. По удаленіи русскаго войска, отряды эстонскіе, лишившись главныхъ силъ и руководителей, разсѣялись, и во всей Эстоніи произошелъ упадокъ духа. Нѣмцы не замедлили воспользоваться столь выгодными для себя обстоятельствами. Они тотчасъ взялись за усмиреніе непокорныхъ и такъ въ этомъ успѣли, что въ томъ же 1224 году были усмирены и подчинены всѣ эстонскія области, за исключеніемъ только юрьевской и эзельской ¹⁾. Но и послѣднимъ не долго суждено было оставаться независимыми. Юрьевъ, какъ оплотъ восточной эстоніи ²⁾, равно и какъ памятникъ русскихъ стремленій, былъ всегда ненавистенъ для нѣмцевъ. Теперь онъ сталъ еще болѣе нетерпимъ ими, во первыхъ потому, что, какъ сильно укрѣпленный пунктъ, онъ поддерживалъ еще нѣкотораго рода надежду и бодрость вообще во всѣхъ эстахъ и, во вторыхъ потому, что здѣсь съ небольшимъ отрядомъ русскихъ засѣлъ бывший кукенойскій князь Вячко, возбуждавшій глубокую ненависть къ себѣ въ нѣмцахъ. Вячко присланъ былъ въ Юрьевъ новгородцами, вѣроятно, для удержанія за Россіей хотя этого древняго ея достоянія. Два первыхъ нападенія нѣмцевъ на Юрьевъ, зимою 1223 года и въ апрѣлѣ 1224 года, оказались неудачными ³⁾.

¹⁾ Генр. XXVII. §§ 4. 6.

²⁾ Ibid. § 5.

³⁾ Ibid. § 5. XVIII. § 1.

Пунктъ однако былъ столь серьезенъ, что въ августѣ 1224 года къ Юрьеву подступили всѣ нѣмецкія силы, какими они только располагали въ то время. Князю Вячко было предложено добровольно оставить замокъ съ русскимъ отрядомъ, но онъ, въ ожиданіи помощи изъ Новгорода, отказался. Послѣ безуспѣшной осады, нѣмцы рѣшили штурмовать замокъ. Осажденные защищались мужественно, но не могли устоять противъ многочисленности непріятеля. Послѣдній ворвался въ замокъ, и началось побіеніе жителей. Русскій отрядъ однако долго еще защищался, переходя изъ одного укрѣпленія въ другое. Наконецъ и онъ былъ побѣжденъ и перебитъ, при чемъ палъ и храбрый вождь его князь Вячко. Участники русскихъ подверглись и остальные жители замка; всѣ они были умерщвлены. Въ живыхъ остался лишь одинъ русскій, который былъ посланъ въ Суздаль возвѣстить тамъ о происшедшемъ. Новгородцы со псковичами, шедшіе на выручку Юрьева, услышавъ, что послѣдній уже палъ, вернулись съ пути ¹⁾.

Паденіе Юрьева произвело на всю Эстонію удручающее впечатлѣніе. Эзельцы успѣли освободить изъ плѣна Теодориха, брата Рижскаго епископа, а изъ многихъ материковыхъ областей потянулись въ Ригу депутаты, кто съ неуплоченною данью, кто съ подарками для снисканія милости ²⁾. Вскорѣ туземные замки были превращены въ нѣмецкія крѣпости и вообще вся страна раздѣлена между рыцарями и духовными ³⁾. Съ завоеваніемъ въ 1227 году Эзеля и въ 1228 году Семигаліи совершился окончательный переходъ всего Остзейскаго края подъ власть нѣмцевъ.

Какъ же смотрятъ на этотъ совершившійся фактъ русскіе, которые гораздо раньше нѣмцевъ стали претендовать на верховную власть въ краѣ? Нельзя думать, чтобы совсѣмъ равнодушно, но обстоятельства теперь уже не позволяютъ имъ вернуть потеряннаго. Внутреннія несогласія и раздоры, равно и опасность со стороны татаръ — все это отвлекаетъ ихъ отъ

¹⁾ Ibid. §§ 3. 4. 5. 6.

²⁾ Генр. XXVIII. § 7.

³⁾ Ibid. § 8 и 9.

Остзейскаго края. Мало того, нѣмцы такъ усилились, что русскіе рады теперь уже одному миру съ ними. Впрочемъ нѣмцы, желая на болѣе или менѣе продолжительное время обезопасить себя отъ случайныхъ русскихъ нападеній, соглашаются платить ежегодную дань русскимъ за толовскихъ летовъ, всегдашнихъ ихъ данниновъ ¹⁾; этимъ ничтожнымъ обѣщаніемъ цѣль нѣмцевъ вполнѣ достигается, и политическая связь русскихъ съ Остзейскимъ краемъ на долго прерывается. Платилась ли эта дань, или нѣтъ, и если платилась, то какъ долго — неизвѣстно, но несомнѣнно, что въ періодъ монгольскаго ига русскіе уже не въ состояніи были ее и требовать.

Попытаемся теперь вкратцѣ передать сущность всего изложеннаго нами.

Русскіе издавна находились въ болѣе или менѣе оживленныхъ политическихъ сношеніяхъ съ туземными племенами Остзейскаго края. Сношенія эти скоро поставили нѣкоторые Остзейскія племена въ подчиненное отношеніе къ русскимъ, выражавшееся по преимуществу въ платежѣ дани, одними областями единовременной, а другими болѣе или менѣе постоянной. За внутреннюю жизнь своихъ данниковъ русскіе мало слѣдили. Предпринимая частые походы на Остзейскихъ туземцевъ, то для наказанія ихъ за набѣги на русскія области, то для истребованія неохотно уплачиваемой дани, русскіе при этомъ не проявляютъ рѣшительныхъ намѣреній завоевать Остзейскую страну. Оттого они не воздвигаютъ здѣсь собственныхъ замковъ, равно и въ туземныхъ не оставляютъ своихъ гарнизоновъ. Единственными укрѣпленными пунктами, удержанными русскими за собою, были пріобрѣтенія полочанъ — Герсикъ и Кукенойсъ. Но за собираніемъ дани русскіе проникали все глубже и глубже въ страну, доходя иногда до самыхъ крайнихъ сѣверозападныхъ ея предѣловъ. При всемъ томъ были области, которыя никогда не платили дани русскимъ. Сношенія русскихъ съ Остзейскими племенами и возникшія отсюда отношенія первыхъ къ послѣднимъ нисколько не помѣшали нѣмцамъ утвер-

¹⁾ Ibid. § 9.

даться на низовьяхъ западной Двины и начать въ краѣ успѣшную дѣятельность въ своихъ интересахъ. Разрозненные туземныя племена мало по малу стали входить въ сферу ихъ вліянія. И случилось, что въ самый разгаръ религіозно-политической пропаганды нѣмцевъ, вниманіе центральной Руси было отвлечено отъ Остзейскаго края домашними обстоятельствами; къ тому же русскіе еще не усмотрѣли со стороны нѣмцевъ никакой для себя опасности. Первые поняли эту опасность полочане и одни начали борьбу съ нѣмцами. Исходъ борьбы былъ однако весьма печаленъ для полочанъ. Они потеряли все, что имѣли въ Остзейскомъ краѣ. Центральная Русь смотритъ на это равнодушно. У нея не хватаетъ ни единодушія, ни пониманія общности интересовъ въ Остзейскомъ краѣ, чтобы разъ навсегда положить конецъ вредной для себя дѣятельности нѣмцевъ. Послѣдніе подвигаются все далѣе. Дѣло ихъ начинаетъ приближаться уже къ концу. Теперь только Русь нѣсколько спохватилась. Она начинаетъ противодѣйствовать нѣмцамъ и заботиться объ утвержденіи въ Остзейскомъ краѣ своего вліянія. Однако дѣло это ведется не энергично и неумѣло, вслѣдствіе чего даже удачные походы остаются безрезультатными. Между тѣмъ сила соперниковъ увеличивается прибытіемъ въ край датчанъ и шведовъ и начинается рѣшительное подчиненіе эстовъ. Послѣдніе, понесши уже нѣсколько чувствительныхъ поражений и нашедши свои силы недостаточными для отстаиванія своей независимости, обращаются за помощію къ русскимъ. Въ надеждѣ получить просимое, вся Эстонія, какъ одинъ человѣкъ, возстаетъ противъ германскихъ завоевателей. Русскимъ оставалось лишь воспользоваться такими благопріятными обстоятельствами, однако этого они не сдѣлали, вслѣдствіе чего весь Остзейскій край скоро перешелъ подъ власть нѣмцевъ и по причинѣ наступившаго неблагопріятнаго времени на Руси остался на долго обособленнымъ отъ послѣдней.

Одновременно съ сношеніями политическаго характера, между Остзейскимъ краемъ и русскими областями существовали и сношенія иного рода. Остзейскій край по своему мѣстоположенію при морѣ и по удобству путей сообщенія предста-

влялъ большія удобства русскимъ для торговыхъ сношеній ихъ съ Западною Европой. Известно, что островъ Готландъ на Балтійскомъ морѣ, или вѣрнѣе главный городъ его Визби, является въ XII вѣкѣ первымъ торговымъ рынкомъ для всего сѣверовосточнаго края Европы ¹⁾. Въ Визби были основаны колоніи ганзейскихъ купцовъ; сюда же „доставляли свои товары русскіе и шведы“ ²⁾. Когда, именно, впервые появились здѣсь русскіе, объ этомъ нѣтъ точныхъ свѣдѣній, но о заморскихъ купцахъ въ лѣтописяхъ новгородскихъ упоминается неоднократно уже въ первой половинѣ XII вѣка ³⁾. Хотя главными путями, которыми Новгородъ производилъ свою заморскую торговлю, служили: Волховъ, Нева и Финскій заливъ ⁴⁾, тѣмъ не менѣе и Остзейскій край не оставался совершенно въ сторонѣ отъ этой операціи. Дѣло въ томъ, что въ заморской торговлѣ Новгорода самое дѣятельное участіе принималъ Псковъ, служившій какъ бы маклеромъ для него ⁵⁾; вотъ для Псковичей-то наиболѣе удобные пути сообщенія съ Западными купцами и пролегали чрезъ Остзейскій край. Кромѣ Пскова по этимъ путямъ производили свою торговлю также Полоцкъ и Смоленскъ ⁶⁾. По мнѣнію Крузе, въ Остзейскомъ краѣ находилось даже нѣсколько складочныхъ пунктовъ и торговыхъ рынковъ, какъ напр. Ашерадень и Кремонъ ⁷⁾. Укажемъ два пути, по которымъ двигались товары со стороны Пскова и Полоцка къ рижскому заливу. Одинъ путь былъ водяной—русло рѣки з. Двины, которая въ то время была судоходна на большомъ своемъ протяженіи. По этому пути ѣздили купцы полоцкіе и смоленскіе ⁸⁾. Другой путь былъ сухопутный; онъ пролегалъ изъ Пскова прямо къ устьямъ Двины чрезъ области летовъ и ливовъ ⁹⁾.

¹⁾ Бережковъ, о торговлѣ Руси съ Ганзой СПб. 1879. с. 55.

²⁾ Monumenta Livoniae Antiquae 13. II. с. IV. 12—13.

³⁾ Пол. Собр. Р. Л. III. стр. 6. годы: 1130, 1134, 1142.

⁴⁾ Бережковъ, ук. соч. стр. 46.

⁵⁾ Истор. княжества Псков. ч. I. с. 60.

⁶⁾ Генр. Лал. XVI. § 2; Urkundenbuch. 13. I. 101;

⁷⁾ Kruse, Necrolivonica oder Alterth. L. E. Kurl. Dorpat 1842.

⁸⁾ По Двинѣ происходило около XIII вѣка значительное торговое движеніе, между прочимъ и русскихъ купцовъ, какъ объ этомъ можно думать на основаніи хроникъ Генриха Латышскаго, см. т. XVI. § 2

⁹⁾ Въ XI/x гл. § 7. у Генриха Латышскаго говорится, что эсты угаунскіе однажды отобрали товары у нѣмецкихъ купцовъ, когда они везли ихъ во Псковъ сухимъ путемъ; товаровъ было слишкомъ на 900 марокъ.

Приближаясь къ рижскому заливу, онъ тянулся вдоль береговъ судоходной рѣки Аа, на которой и находились, по мнѣнію Крузе, вышеупомянутые торговые пункты. Около Ашерадена и Кремона отъ этого пути отдѣлялась вѣтвь, направлявшаяся въ Дерпт¹⁾, который въ свою очередь соединенъ былъ съ Псковомъ водянымъ путемъ по Амовѣ (Эмбахъ), чудскому и псковскому озерамъ²⁾. По этимъ путямъ русскими производилась торговля и съ туземцами, торговавшими льномъ, пенькой, саломъ, воскомъ и другими предметами мѣстной продажи³⁾.

Если мы теперь спросимъ: сношенія русскихъ съ остзейскимъ краемъ до покоренія его нѣмцами имѣли ли вліяніе на религіозную жизнь эсто-латышскихъ племенъ въ смыслѣ знакомства ихъ съ православіемъ, то должны дать на этотъ вопросъ утвердительный отвѣтъ. Столь частые походы русскихъ въ Остзейскія области не проходили безъ того, чтобы туземцы не познакомились съ вѣрою русскихъ. А торговыя связи чуть ли не имѣли въ этомъ дѣлѣ первостепенное значеніе. Въ международной торговлѣ часто можно услѣдить, какъ одинъ народъ перенимаетъ у другаго систему мѣръ, вѣсовъ, цифръ, денегъ, иногда алфавитъ и наконецъ болѣе или менѣе обширный кругъ народныхъ сказаній и религіозныхъ вѣрованій. О миссіонерствѣ нѣмецкихъ купцовъ въ Остзейскомъ краѣ рижскій архіепископъ Іоаннъ между прочимъ говоритъ, что послѣ Бога купцы всего болѣе помогли дѣлу обращенія къ католической вѣрѣ остзейскихъ туземцевъ⁴⁾. Тоже самое съ нѣкоторымъ ограниченіемъ можно сказать и о русскихъ купцахъ въ дѣлѣ знакомства означенныхъ туземцевъ съ православіемъ до покоренія страны ихъ нѣмцами.

Въ самомъ дѣлѣ, если мы отмѣтимъ на картѣ вышеуказанные нами древніе торговые пути, то получится площадь, гдѣ Остзейскіе туземцы впервые начали знакомиться съ право-

¹⁾ Приб. сборн. т. I. стр. 16.

²⁾ Ист. кн. Пск. I. с. 12.

³⁾ Прибалтійскій Сборн. т. I. стр. 24.

⁴⁾ Urkundenbuch, B. I. № C D X L.

славіемъ и гдѣ до покоренія страны нѣмцами православіе имѣло успѣхъ въ своемъ распространеніи между туземцами ¹⁾).

Когда, именно, туземцы стали принимать православіе, съ точностію опредѣлить невозможно. Оставляя въ сторонѣ разныя предположенія и догадки о времени, когда впервые эсто-латышскія племена познакомились съ православіемъ, укажемъ только на несомнѣнно историческія данныя, на основаніи которыхъ можно съ увѣренностію утверждать, что свѣтъ православія между прибалтійскими туземцами возсіялъ гораздо раньше XIII столѣтія. Въ отвѣтахъ Нифонта новгородскаго архіепископа (1130—1156) на вопросы Кирика предписывается начать оглашеніе чужина наравнѣ съ болгаринѣмъ за 40 дней до крещенія ²⁾; отсюда можно предполагать, что уже во времена Нифонта среди эстовъ были примѣры обращенія въ православіе ³⁾. Генрихъ Латышскій говоритъ, что, когда Алебрандъ (латинскій священникъ) въ 1207 году пришелъ къ летгаламъ, жившимъ по Имерѣ (около нынѣшняго Валка) и сталъ проповѣдывать здѣсь Слово Божіе, то летгалы обрадовались прибытію священника, такъ какъ надѣялись получить защиту у нѣмцевъ противъ злѣйшихъ враговъ своихъ летовъ и ливовъ. Тѣмъ не менѣе раньше, чѣмъ принять крещеніе отъ Алебранда, летгалы „бросили жребій, чтобы запросить своихъ боговъ, принять ли имъ крещеніе отъ русскихъ изъ Пскова съ прочими летгалами изъ Толовы (немного восточнѣе Имеры), или же подчиниться латинцамъ; ибо русскіе въ это время приходили къ нимъ и крестили летигаловъ изъ Толовы, которые были всегдашними ихъ данниками.“

1) Нѣмецкіе изслѣдователи древней исторіи Лифляндіи, дѣлая въ своихъ исторіяхъ обыкновенно такого рода замѣчаніе, что нѣмцы, по прибытіи своемъ въ Ливонію, находили повсюду здѣсь лишь одно язычество,—послѣ этого уже не говорятъ ничего о несомнѣнномъ существованіи въ странѣ православія около XIII вѣка. Въ этомъ случаѣ они вѣроятно руководствуются лѣтописями Руссова, Вартберга, Ніенштедта и под., умалчивающими объ этомъ обстоятельстве, но упускаютъ изъ виду самую важную изъ Лифляндскихъ хроникъ—хронику Генриха Латышскаго.

2) Русск. Историч. библ. т. VI, стр. 36, примѣч. 40.

3) Подъ чудиною разумѣютъ именно эста на томъ основаніи, что о чуди заволжской въ это время не встрѣчается еще упоминаній; Трусманъ, 173 стр. Не эсто-меецъ ли былъ и тотъ чудескій волшебникъ, о которомъ говорится въ Лавр. лѣтописи подъ 1071 годомъ и который обнаруживаетъ большое знакомство съ вѣрой русскихъ.

„Жребій палъ на латинцевъ“ ¹⁾. Гіернъ, лифляндскій лѣтописецъ и историкъ начала XVII вѣка, передавая это событіе, дѣлаетъ такого рода перифразъ. „Такъ какъ летигалы были подвластны псковскимъ русскимъ, которые иногда посылали во всѣ мѣста священниковъ совершать крещеніе, если кто добровольно принималъ вѣру,—то они сначала не рѣшались принять крещенія отъ рижскаго священника, а бросили жребій ²⁾“.

Такимъ образомъ, летигалы толовскіе исповѣдывали вѣру православную еще до 1207-го года, имерскіе же, хотя также нѣсколько знали объ этой вѣрѣ, въ силу особенныхъ обстоятельствъ подчинились рижской церкви, т. е. латинской. Что среди летовъ вообще православіе получило болѣе или менѣе значительное распространеніе въ это время, видно изъ того, что самъ князь Толовскій Талибальдъ съ сыновьями своими исповѣдывалъ вѣру православную ³⁾.

Лѣтопись Генриха Латыша упоминаетъ о двухъ русскихъ, зависѣвшихъ отъ полоцкихъ князей, княжествахъ, бывшихъ на берегахъ Двины ниже Полоцка. Одно изъ нихъ находилось на правомъ берегу въ нынѣшнемъ Рижскомъ уѣздѣ и отчасти въ Венденскомъ и имѣло столицей Кукенойсъ (нынѣ Кукенгузенъ) на самомъ берегу Двины. Другое княжество Герсике съ столицей того же имени занимало часть уѣздовъ Венденскаго, Якобштадскаго и Динабургскаго. Неизвѣстно въ точности, когда русскіе князья основали эти княжества между латышами и когда въ нихъ утвердилась православная вѣра. Но нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что во второй половинѣ XII вѣка, когда прибыли на Двину нѣмцы, здѣсь были города и селенія съ православными жителями, имѣвшими православные храмы съ

¹⁾ Генр. XI. § 7.

²⁾ Monumenta Liv. Ant. I. 79.

³⁾ Генр. XVII. § 3. Знакомство летскихъ племенъ съ православіемъ въ древности до нѣкоторой степени подтверждаютъ филологическія данныя. Въ латышскомъ языкѣ существуетъ много словъ, очевидно заимствованныхъ отъ Кривичей и выражающихъ тѣ, или другія понятія религіознаго характера, напр.: Gawetī — говѣть, rasnikajo — постничая, uzgawenas — заговины (uz — за), kamas — кумъ, baznycia — церковь (божница) bazijus — божусь, wankrikstis — водокрещеніе, werba diena, weczere, вечеры (св. причащеніе), gojus, рай; swodba, свадьба, obrazas, образъ. Журн. Мин. Нар. просв. 1840, IV, 25-26 с.

православными священнослужителями, принадлежавшими къ полоцкой епархіи. Въ описаніи разрушенія Герсика нѣмцами лѣтопись Генриха Латыша говоритъ, что войска „взяли изъ церквей колокола и иконы и прочія вещи и серебро и золото въ множествѣ и съ собою забрали“ ¹⁾: значитъ въ Герсике была не одна, а нѣсколько православныхъ церквей и притомъ очень богатыхъ.

Относительно православія чуди—эстовъ тотъ же лѣтописецъ (Генрихъ Латышскій) подъ 1210 годомъ говоритъ, что русскіе крестили нѣкоторыхъ изъ эстовъ въ Оденпе (въ древней области Угауніи) и обѣщали прислать къ нимъ священниковъ для крещенія прочихъ, но не исполнили этого, и Угаунцы потомъ приняли латинскихъ священниковъ, присланныхъ изъ Риги и отъ нихъ крестились ²⁾.

Выводъ, къ которому приводятъ означенныя скудныя данныя, будетъ состоять въ томъ, что латыши и эсты впервые познакомились съ христіанствомъ отъ православной церкви.

При обращеніи въ христіанство ливонскихъ язычниковъ русскіе проповѣдники дѣйствовали совершенно въ духѣ древней апостольской церкви, въ духѣ любви и мира, кротостію и убѣжденіемъ, безъ всякаго насилія и принужденія. При кроткихъ мѣрахъ къ распространенію православной вѣры въ Ливоніи можно было ожидать, что она тѣмъ глубже проникнетъ въ сердца язычниковъ и тѣмъ тверже укоренится въ нихъ, такъ какъ принимаема была добровольно, по убѣжденію въ святости и истинѣ ея ученія. Но къ дальнѣйшему распространенію и полному утвержденію ея между прибалтійскими туземцами воспрепятствовало нашествіе латинскихъ проповѣдниковъ, которые съ крестомъ въ одной рукѣ и съ мечемъ въ другой успѣли оружіемъ и притѣсненіями распространить и утвердить между ними латинство.

Послѣ окончательнаго завоеванія Прибалтійскаго края нѣмцами для православія здѣсь наступаютъ крайне печальныя вре-

---

¹⁾ Генр. Лат. гл. XIII, § 4.

²⁾ Генр. Лат. гл. XIV, § 2, ср. сокр. Пск. Лѣт. 1212 г. въ ист. кн. Пск. ч. III, отд. лѣт. с. 9.

мена. Оно поставляется на ряду съ язычествомъ и искореняется наравнѣ съ нимъ. Гдѣ на православныхъ не дѣйствуетъ слово убѣжденія, тамъ пускаются въ дѣло мѣры принужденія, при чемъ послѣднія практиковались не только по отношенію къ туземцамъ, но и по отношенію къ русскимъ, поселявшимся въ странѣ. Въ 1222 году папа Георгій III предписалъ рижскому епископу, чтобы онъ, во избѣжаніе соблазна для новоприсоединенныхъ туземцевъ отъ русскихъ, стѣснялъ послѣднихъ въ тѣхъ обрядахъ, въ которыхъ они расходятся съ латинскою церковію, а въ случаѣ неповиновенія „укрошалъ ихъ властію апостольскою“ ¹⁾, то есть силою принужденія. Это предписаніе, несомнѣнно, исполнялось съ полнымъ усердіемъ, и успѣхи отсюда не замедлили обнаружиться. Въ 30-хъ годахъ XIII вѣка въ Остзейскомъ краѣ были уже новообращенные католики изъ среды русскихъ ²⁾. Если русскіе измѣняли православію, то что можно было ожидать отъ новообращенныхъ православныхъ туземцевъ. Они, должно полагать, всѣ перешли въ католичество.

И такъ, послѣ завоеванія Остзейскаго края нѣмцами-католиками, православіе было крайне стѣснено, надъ нимъ произнесенъ былъ, такъ сказать, смертный приговоръ, въ силу котораго оно неминуемо должно было въ корнѣ исчезнуть здѣсь. И это, по всей вѣроятности, и случилось бы, если бы въ условіяхъ страны не оказался факторъ, который въ состояніи былъ предотвратить предполагаемое явленіе.

Состояніе православія въ прибалтійскомъ краѣ со времени утвержденія въ немъ нѣмцевъ до присоединенія Ливоніи къ Россіи.

Факторъ, сохранившій сѣмена православія въ остзейскомъ краѣ послѣ утвержденія здѣсь нѣмцевъ, скрывался въ тѣхъ же торговыхъ условіяхъ страны, которыя играли, какъ мы видѣли, столь важную роль въ исторіи самаго первоначальнаго появленія

---

¹⁾ Тургеневъ, актъ историч. № XII; Urkundenbuch, B. I. № LV.

²⁾ Г. Гильдебрандомъ открытъ недавно въ Ватиканскомъ архивѣ актъ отъ 1234 года, изъ котораго видно, что въ Эстляндіи въ это время были новообращенные католики русскіе; см. Эстл. Губ. Вѣд. за 1888 г. № 48. стр. 198.

православія въ краѣ. Въ XIII вѣкѣ остзейскій край пріобрѣтаетъ особенное значеніе въ глазахъ торговаго міра. Сюда въ большомъ количествѣ стекаются купцы съ востока и запада. Здѣсь возникаютъ новые торговые пункты, которые, быстро возрастая, превращаются въ цѣлые города. Вновь возникшіе города вступаютъ въ знаменитый ганзейскій союзъ, и торговля предпріятія ихъ еще болѣе расширяются. Представители съ ихъ конторами появляются въ разныхъ виѣостзейскихъ городахъ, въ томъ числѣ и русскихъ; а *русскіе концы* въ свою очередь возникаютъ въ городахъ остзейскихъ. Это обстоятельство обусловливаетъ различные акты, грамоты и договоры между сторонами. Сознавая важность имѣть собственную церковь на чужбинѣ, купцы хлопочутъ о внесеніи въ эти договоры на ряду съ условіями чисто торговыми и тѣхъ или другихъ условій вѣроисповѣднаго характера; — вотъ здѣсь мы и находимъ тотъ факторъ, благодаря которому православіе миновало, такъ сказать, произнесенный надъ нимъ въ началѣ XIII вѣка приговоръ, — благодаря которому нить исторіи его здѣсь не прерывается до самаго новѣйшаго времени. Потерявъ туземную почву, оно сохранилось въ краѣ среди русскихъ людей, поселявшихся здѣсь съ торговыми интересами ¹⁾, и такимъ образомъ просуществовало въ странѣ весь длинный періодъ времени до начала новой эпохи въ его исторіи, то есть, до присоединенія Ливоніи къ Россіи.

Изъ новыхъ торговыхъ центровъ, выдвинувшихся въ XIII вѣкѣ и скоро превратившихся въ болѣе или менѣе значительные города, намъ важно указать на Ригу, Юрьевъ, переименованный въ Дерптъ, и Ревель или Колывань. Изъ Риги вскорѣ послѣ ея основанія (1200 г.) начались живыя торговля сношенія съ Полоцкомъ, Витебскомъ и Смоленскомъ, а въ Ревелѣ и Дерптѣ завели дѣла по преимуществу новгородцы съ псковичами. Въ послѣдней половинѣ XIII вѣка всѣ эти остзейскіе

---

¹⁾ Что первые русскіе поселенцы остзейскаго края были именно люди торговые, на то указываетъ между прочимъ то явленіе, что самые старинные православные храмы въ остзейскомъ краѣ посвящены святителю Николѣю, покровителю мореплаванія и торговли.

города вошли уже въ составъ ганзейскаго торговаго союза. Что русскіе люди начали поселяться въ поименованныхъ остзейскихъ городахъ еще со времени самаго ихъ возникновенія, на то указываютъ древнія историческія свидѣтельства, а затѣмъ и вся послѣдующая исторія этихъ городовъ. О поселеніи русскихъ купцовъ въ Ригѣ въ началѣ XIII столѣтія свидѣтельствуется договоръ, заключенный въ 1229 году смоленскимъ княземъ Мстиславомъ Давидовичемъ съ купцами рижскими и готландскими, — договоръ о томъ, „а бы добросердье межю ихъ (Смоленскомъ и Ригю съ Готландомъ) было, абы Роусьскимъ коупцомъ въ Ризѣ и на Готскомъ березѣ, а Немецьскимъ купцомъ въ Смоленской волости, любо было како миръ оутвържонъ и добросердье“, и чтобы также „правдою быти Роусину въ Ризѣ, и на Готскомъ березе, какою Немцомъ въ Смоленскѣ“. . . .¹⁾ Договоръ князя Мстислава Давидовича не былъ единственнымъ въ этомъ родѣ. Подобнымъ же образомъ въ интересахъ русскихъ купцовъ находили нужнымъ договариваться съ Ригю: литовскій князь Герденъ, въ 1264 году, полоцкій князь Изяславъ около 1265 г., — полоцкіе горожане около 1330 года²⁾, и др. Въ Ревельскихъ краяхъ мы видимъ русскихъ также въ началѣ XIII столѣтія. Въ одномъ недавно открытомъ въ ватиканскомъ архивѣ документѣ, относящемся къ 1234 году, и заключающемъ въ себѣ много свѣдѣній по исторіи Ревеля и эстонскихъ областей, упоминаются между прочимъ *новообращенные русскіе*, по видимому жившіе въ Ревелѣ и близъ него³⁾. То обстоятельство, что русскіе измѣнили своей вѣрѣ, даетъ основаніе думать, что они имѣли здѣсь уже болѣе или менѣе постоянное и давнишнее мѣсто жительства. За поселеніе русскихъ въ столь древнее время въ Ревелѣ говорить и то, что въ ипотечной книгѣ означеннаго города за 1413 годъ русская церковь называется уже *старинною*⁴⁾. Не подлежитъ сомнѣнію, что и въ Юрьевѣ рус-

¹⁾ Bunge, Urkundenbuch, I. 101.

²⁾ Ibid. VI 3036, 3076. Напѣрекій, Акты Русско—Ливонск. подъ 1264 г.

³⁾ Содержаніе этого документа см. въ „Эстл. Губ. Вѣд.“ 1888 г. № 48. ч. неоф. II.

⁴⁾ Ibid. 1888 г. № 25. с. 100.

скіе появились снова вскорѣ послѣ событія 1224 года. Рѣка Амовжа искони служила удобнымъ путемъ для торговли псковичей съ остзейскимъ краемъ, а Юрьевъ сдѣлался для нихъ главнымъ торговымъ рынкомъ послѣ разрыва ихъ съ новгородцами. Потому совершенно правонодобно мнѣніе автора „исторіи княжества псковскаго“, что въ 1228 году дерптскіе нѣмцы, заключивъ договоръ съ псковичами противъ Новгорода, удѣлили псковскимъ купцамъ для поселенія мѣсто за рѣкою, которое стало называться съ тѣхъ поръ русскою слободою или русскимъ концомъ ¹⁾. Въ силу лишь такой древности русскаго конца въ Юрьевѣ московскіе государи XV вѣка могли писать дерптскому епископу, чтобы онъ „русскій конецъ и святыя церкви держалъ по старинѣ и по старымъ грамотамъ ²⁾. Есть кое-какія основанія думать, что помимо городовъ русскіе въ XIII вѣкѣ поселялись и въ нѣкоторыхъ деревняхъ остзейскаго края. Изъ буллы папы Гонорія III отъ 8 февраля 1222 года видно, что въ то время нѣкоторые русскіе приходили на жительство въ Ливонію, гдѣ своими обрядами греческими въ новоприсоединенныхъ католикахъ могли возбуждать колебаніе въ отношеніи къ католичеству. Отсюда нѣкоторые изслѣдователи между прочимъ выводятъ, что подъ русскими здѣсь слѣдуетъ разумѣть, кромѣ купцовъ, и другихъ русскихъ, поселявшихся въ деревняхъ и занимавшихся въ нихъ разными промыслами, и это—на томъ основаніи, что въ буллѣ не говорится о городахъ, а прямо утверждается о поселеніи русскихъ въ Ливоніи, и что русскіе по буллѣ представляются въ близкомъ соприкосновеніи съ туземцами, которымъ въ то время еще трудно было попасть на жительство въ города и замки ³⁾. Въ какихъ, именно, деревняхъ поселялись русскіе, опредѣлить за

¹⁾ Истор. Кн. Пск. ч. I. 63.

²⁾ Пск. I фл. 6971 г.

³⁾ Трусманъ, Введ. христ. въ Лифл. СПб. 1884 г. с. 176—7. Трудно опредѣлить, городскіе или деревенскіе были тѣ русскіе, которые, повидимому въ немаломъ числѣ въ первой половинѣ XIII вѣка участвовали въ freiwillныхъ дѣйствіяхъ рижскаго епископа Николая въ Леалѣ, Юрьевѣ и Фалькенаускомъ монастырѣ. Эстл. Губ. Вѣд. 1888 г. ч. неоф. II.

неимѣніемъ данныхъ нѣтъ возможности ¹⁾. Укажемъ развѣ на одинъ лишь пунктъ, гдѣ, судя по его послѣдующей исторіи, вѣроятно съ древнихъ временъ жили русскіе, пунктъ этотъ—мѣстность на Двинѣ, близъ древняго Герсике, гдѣ нынѣ г. Якобштадтъ. Богатство страны и успѣхъ, съ которымъ сопровождались въ ней предпріятія русскихъ, въ особенности торговыхъ людей, приковываетъ поселенцевъ къ новымъ мѣстамъ, такъ что большая часть изъ нихъ вскорѣ дѣлается прочно усѣвшееся частью населенія, расширяющею кругъ своихъ первоначальныхъ предпріятій, но живущею однако по своимъ роднымъ обычаямъ. Такъ, о русскихъ, проживавшихъ въ концѣ XIII и первой половинѣ XIV вѣковъ въ городѣ Ригѣ, изслѣдователи на основаніи долговой книги этого города ²⁾ приходятъ къ слѣдующимъ выводамъ. „Подлѣ преобладающаго большинства нѣмцевъ встрѣчается множество русскихъ, далѣе литовцы, летты и ливы. Между тѣмъ какъ число первыхъ составляетъ около 1150, русскихъ всего 80, изъ другихъ указанныхъ народностей вмѣстѣ около 70. Русскіе легко узнаются по ихъ обычнымъ библейскимъ и греческимъ именамъ. Хотя нѣкоторые поименованные въ долговой книгѣ русскіе были временно по дѣламъ въ Ригѣ, всетаки преобладающее большинство ихъ должно быть разсматриваемо, какъ прочно усѣвшееся среди тамошняго населенія. Нѣкоторые (7 человѣкъ) имѣютъ наслѣдственные дома. Значительное число всѣхъ встрѣчающихся въ долговой книгѣ русскихъ находятся между собою въ различныхъ степеняхъ кровнаго и духовнаго родства. Отецъ и сынъ, дядя и племянникъ, братья и тестя, зятья, шурины, девери, свояки именуются одновременно“. Въ виду такихъ родственныхъ отношеній, встрѣчающихся въ дол-

---

¹⁾ Трусманъ (Введ. христ. въ Лифл. стр. 177) высказываетъ предположеніе, что таковыми деревнями могли служить: Wendeculla, около Риги, встрѣчающаяся у Генриха Латышскаго (XV гл. 3.), Wendecole, Venedevere, Quevele и Russen-Grave, въ Эстляндіи, и Russchendorp, близъ Эрлы, упоминаемыя въ актахъ XIII и XIV вѣковъ (Urkundenbuch... III. 101, а. I. 508, III. 1182, 1238 b.). Не опровергая совершенно правдоподобности этого предположенія, скажемъ однако, что оно основано на филологическомъ разборѣ лишь однихъ голыхъ названій мѣстностей, заключающихъ въ себѣ намеки на русскихъ.

²⁾ Das Rigasche Schuldhuch (1286—1352) St. Petersburg 1872.

говой книгѣ уже около 80 годовъ XIII вѣка, справедливо заключаютъ, что Рига съ самаго своего основанія имѣла постоянно въ себѣ русское населеніе. „Весьма немногіе занимаются ремеслами и промыслами“, говорятъ далѣе изслѣдователи, „мы находимъ скорняковъ Якима и Семена, банщика Демаса, всѣ остальные занялись торговлею и обнаруживаютъ въ ней чрезвычайную подвижность. Они неутомимо поддерживаютъ старыя связи и заводятъ новыя для заключенія большихъ сдѣлокъ, и гдѣ не хватаетъ собственнаго кредита, вступаютъ въ ассоціаціи, доставляютъ другъ другу компаньоновъ, словомъ, всячески расширяютъ область своей дѣятельности, которая преимущественно состоитъ въ томъ, что они подвозятъ произведенія запада на часто предпринимаемыхъ въ году торговыхъ поѣздкахъ въ зависимости отъ рижскаго рынка внутреннія страны и закупаютъ оттуда вновь продукты. Большая часть данныхъ указываетъ на правильныя лѣтнія и зимнія поѣздки: первыя, завершавшіяся осенью или при первой санной дорогѣ, доставляли по преимуществу ленъ и воскъ, между тѣмъ какъ вторыя, начинавшіяся съ возвращеніемъ послѣдняго пути или весенняго половодья, доставляли мѣха, дичь и медъ. Русскіе купцы играли роль закупщиковъ и факторовъ, при чемъ производили свои сдѣлки самостоятельно и на собственный счетъ. Не ограничиваясь первоначальнымъ кругомъ дѣятельности, они предпринимаютъ поѣздки и за границу, такъ въ 1327 году между прочимъ Тимоске возвращается въ Любекъ“ ¹⁾. О русскихъ въ Дерптѣ и Ревелѣ мы не имѣемъ пока еще подробныхъ свѣдѣній отъ столь древняго времени, но несомнѣнно, что и въ этихъ городахъ жизнь русскихъ поселенцевъ складывалась такъ же, какъ и въ Ригѣ, потому что по достовѣрнымъ извѣстіямъ въ XIV—XV вѣкахъ въ Ревелѣ и Дерптѣ, также какъ и въ Ригѣ, православные имѣли свои храмы.

Когда собственно появились въ остзейскихъ городахъ у русскихъ свои церкви, съ точностію опредѣлить трудно; но имѣются весьма вѣскія основанія утверждать, что православные

¹⁾ Трусманъ, с. 179—80.

храмы существовали здѣсь далеко до того времени, съ котораго мы имѣемъ положительныя свидѣтельства по данному предмету. Мирные договоры между остзейскими и русскими торговыми городами, какъ мы видѣли, заключались уже издавна. Права, которыя приобрѣтались по нимъ сторонами, были, какъ по всему видно, равныя ¹⁾; такъ что русское купечество могло пользоваться въ остзейскихъ городахъ тѣмъ же, чѣмъ пользовалось въ русскихъ городахъ купечество иностранное. А извѣстно, что послѣднее уже въ 1229 году имѣло свою церковь въ честь Богородицы въ Смоленскѣ ²⁾; въ Новгородѣ же въ 1269 году было уже три кирхи, двѣ нѣмецкія — во имя св. Петра и св. Николая и одна готландская — во имя св. Олая ³⁾. Не будетъ потому страннымъ предположить отсюда, что приблизительно около этого же времени существовали православные храмы и у русскаго купечества въ остзейскихъ городахъ. Это еще вѣроятнѣе, во первыхъ, въ виду того обстоятельства, что въ свидѣтельствахъ XV вѣка православные храмы Риги, Колывани и Юрьева называются уже старинными, и, во вторыхъ, въ виду существованія одной древней легенды о построеніи нѣмецкой кирхи въ Новгородѣ, въ которой говорится, что, когда новгородцы отказали нѣмцамъ въ разрѣшеніи построить кирху, нѣмцы, наученные посадникомъ Добрынею, отвѣчали: „только нашей божицѣ храму верховныхъ апостолъ Петра и Павла не быти у васъ въ великомъ Новгородѣ, и то вашимъ церквамъ у насъ по нашимъ городамъ не быти жъ“ ⁴⁾. Изъ достовѣрныхъ же и древнѣйшихъ свидѣтельствъ о православныхъ храмахъ остзейскаго края укажемъ слѣдующія. Въ ипотечной книгѣ ревелскаго магистрата за 1371 годъ между прочимъ упоминается о наслѣдствѣ дѣтей Іоанна Моделика при русской церкви (*apud ecclesiam Ruthenorum*). Въ этой же книгѣ за 1380 годъ говорится о наслѣдствѣ Іоанна Брукгузена рядомъ съ русскою церковью

¹⁾ Urk.—b. I. 101.

²⁾ Urkundenbuch, I. 101. §§ 29 и 35.

³⁾ Ibid. 413 §§ 13, 14 и 24.

⁴⁾ И. С. Р. Л. III. 216. Въ Висби на Готландѣ русскіе, какъ признаетъ Карамзинъ, имѣли свою церковь уже въ XII столѣтіи. Т. III. с. 243. ср. Истр. княж. Псковск. Кіевъ 1831 г. ч. I. с. 62

(juxta ecclesiam Ruthenorum); по ипотечной книгѣ за 1397 годъ нѣкимъ Бунеке Вольторномъ взяты деньги на его три дома около русской церкви, а въ книгѣ за 1413 годъ въ одномъ мѣстѣ между прочимъ сказано: „три недвижимости около старинной русской церкви“. Въ 1422 году о ревелской церкви упоминаетъ еп. Генрихъ Икскуль, когда въ наказаніе отлученнымъ монахамъ-доминиканцамъ приказалъ поставить алтарь для богослуженія не предъ монастыремъ, „а не вдалекѣ отъ него, противъ русской церкви“.

Въ приведенныхъ данныхъ ревелская русская церковь упоминается какъ бы случайно. Но въ 1491 году въ отвѣтномъ письмѣ ревелскаго магистрата ливонскому магистру по поводу требованій Іоанна III Васильевича, мы находимъ уже слѣдующія подробности о ревелской церкви. „Ваше милостивое письмо, недавно посланное намъ, мы получили и вполнѣ поняли его. Въ письмѣ говорится о нѣкоторыхъ статьяхъ Великаго Князя Московскаго и его Намѣстника Новгородскаго, которыя были доставлены послами его, и одна изъ нихъ касается насъ, именно, о русской церкви и ея домѣ, расположенныхъ въ нашемъ городѣ. Въ этой статьѣ они требуютъ, чтобы церковь св. Николая держать по старинѣ и чтобы въ ней имѣлась печь, а также извѣщаютъ, чтобы съ церкви не производить никакого насилія, ни заключенія, угрожая въ противномъ случаѣ войною. На это поставляемъ Вашу милость въ извѣстность, что мы, не говоря объ общемъ мирномъ договорѣ съ страной, имѣемъ съ Новгородомъ и русскими землями особый миръ, въ которомъ условлено, чтобы все пункты и статьи держать по старинѣ; установленіе же новыхъ условій, изстари не соблюдавшихся, не включается въ наши обязанности. Ихъ церковь и домъ, о которыхъ говорится въ статьѣ, называется Николаевскою церковію, и при ней подъ одною крышей стоитъ домъ, въ которомъ они хранятъ свои товары и производятъ собранія (попойки). Такъ было изначала и изстари, такъ оно существуетъ и теперь. Печки же, которую они требуютъ имѣть тамъ, не было въ старину, почему ее и нельзя помѣстить. Надѣмся, что по этимъ причинамъ не

произойдетъ войны“ ¹⁾. Въ этомъ документѣ ясно говорится о существованіи изстари въ Ревелѣ русской Николаевской церкви съ домомъ ²⁾, изначала имѣвшихъ мѣсто здѣсь въ силу мирныхъ договоровъ ревельцевъ съ Новгородомъ и русскими землями.

О дерптскихъ православныхъ храмахъ впервые говорится въ описаніи путешествія митроп. Исидора на флорентійскій соборъ 1436 года. Отсюда видно, что въ Дерптѣ въ означенное время, не смотря на малочисленность жившихъ здѣсь православныхъ русскихъ, имѣлись двѣ православныя церкви, посвященныя одна св. Николаю чудотворцу и другая св. Георгію ³⁾. Въ 1463 году Іоаннъ Васильевичъ III, при посредствѣ псковскаго воеводы Θεодора Юрьевича, обязываетъ дерптскаго епископа „русскій конецъ и св. церкви держать по старинѣ и не обидѣть“ ⁴⁾. Изъ „повѣсти о началѣ и основаніи Печерскаго монастыря“ мы узнаемъ, что въ 1472 году при юрьевскихъ церквахъ состояло два священника, Іоаннъ и Исидоръ ⁵⁾.

Упомянутія о православной церкви въ Ригѣ мы находимъ въ документахъ, относящихся къ половинѣ XV столѣтія. Въ записной книгѣ рижскаго совѣта (*Denkelbuch d. rig. Raths*) подъ 1453 годомъ упоминается русская церковь св. Николая

¹⁾ Эстл. Губ. Вѣд. 1888 г. ч. неоф. № 40 с. 166.

²⁾ Мѣсто древней православной Николаевской церкви указываютъ на Брескуовой горѣ, откуда она будто въ началѣ XV вѣка была перенесена на настоящее свое мѣсто. Эстл. Губ. Вѣд. 1888 г. № 39. 163.

³⁾ Древн. рос. вивлюе. Новикова, т. IV. с. 293. Мѣсто дерптской Николаевской церкви Тремеръ указываетъ на нынѣшней рыцарской улицѣ, именно тамъ, гдѣ теперь стоитъ домъ Бергольда, а Георгіевской—при Петербургской улицѣ внѣ города. Существованіе двухъ православныхъ церквей въ Дерптѣ при малочисленности прихожанъ можно объяснить тѣмъ, что одна изъ нихъ, именно Георгіевская, находившаяся, по Тремеру, на томъ мѣстѣ, которое нынѣ называется *wapa kabel* — старинное кладбище, могла быть кладбищенскою. *Thremer, geschichtl. Nachw. d. zwölf Kirch. d. alt. Dorpat 1855. 10—11. 19.* Нѣкоторые однако полагаютъ, что въ старину въ Дерптѣ была лишь одна церковь, только двухпрестольная, при чемъ основываются на описаніи страданія юрьевскихъ мучениковъ, въ которомъ между прочимъ сказано: „православные христіане, въ городѣ Юрьевѣ живѣ, въ рускомъ концѣ церковь въ имяху себѣ христіанскую во имя Свягитетя Николая Чудотворца Мирскаго заступника и Георгія великомученика“. Прочія свидѣтельства говорятъ однако о двухъ Юрьевскихъ церквахъ.

⁴⁾ П. С. Р. Л. т. IV 1818 г. с. 225.

⁵⁾ Пов. о нач. и осн. печерск. монаст. Москва 1831 г.

въ Ригѣ, и подъ 1444 годомъ русское кладбище ¹⁾. О послѣднемъ впрочемъ имѣется извѣстіе еще въ Denkelbuch'ѣ XIV столѣтія, гдѣ въ одномъ мѣстѣ стоитъ: „домъ на Якобской улицѣ при кладбищѣ русскихъ“ ²⁾. Въ завѣщаніи Конрада Фиша отъ 1425 года упоминается въ Ригѣ русскій конвентъ, подъ которымъ одни разумѣютъ монастырь, другіе богадѣльню или госпиталь ³⁾.

И такъ, съ утвержденіемъ въ остзейскомъ краѣ нѣмцевъ, православіе здѣсь не исчезаетъ. Дальнѣйшими носителями его оказываются русскіе поселенцы, которые въ заботахъ о своемъ религіозномъ бытѣ, заводятъ на чужбинѣ православныя церкви, кладбища и другія богоугодныя заведенія, — учрежденія, которыми, по завоеваніи страны русскими, суждено было расширяться и умножаться. Посмотримъ теперь каково было самое состояніе православія и православныхъ въ краѣ въ разсматриваемый нами періодъ времени.

Покорители остзейскаго края были, какъ извѣстно, приверженцы римско-католической церкви. Мейнгартъ, Бертольдъ и Альбертъ, съ именами которыхъ соединено дѣло покоренія края, были католическіе епископы. Явились они въ Ливонію въ качествѣ ревнителей вѣры. Глава римско-католическаго міра принималъ въ миссіонерскомъ предпріятіи ихъ самое дѣятельное участіе. Замѣтивъ, что одинъ духовный мечъ „приноситъ слишкомъ мало пользы у ливонскихъ невѣрныхъ“, и въ то же время вполне сочувствуя завоевательнымъ цѣлямъ, которыя у нѣмецкихъ выходцевъ тѣсно связаны были съ религіозною пропагандою, папа скоро присоединилъ къ духовному мечу мечъ видимый; въ 1202 году папа Иннокентій III основалъ въ Ливоніи духовно-военный орденъ меченосцевъ, которому предназначилъ быть соучастникомъ во владѣніи покоренными землями вмѣстѣ

¹⁾ Mittheilungen aus d. Livl. Gesch. B. XI 512.

²⁾ Ibid. B. X. 329.

³⁾ Ibid. 350—51. Трусманъ, 181. Мѣстонахождение древней рижской православной церкви полагаютъ — одни около нынѣшняго дома „черноголовыхъ“, гдѣ будто судя по древнимъ названіямъ находились русская улица и русскія лавки, а другіе близъ песочныхъ воротъ на улицѣ, соответствующей нынѣшней шумной улицѣ. Mittheilung B. X. 329, XI. 512. „Кое-что изъ прежн. занят.“ Еп. Павла, Псковъ, 1872 г. стр. 48.

съ епископомъ ¹⁾. Не ограничиваясь этимъ, папа усердствуетъ далѣе. Онъ объявляетъ себя особеннымъ покровителемъ ливонскаго епископа и ордена меченосцевъ ²⁾ и, благодаря сему покровительству на помощь ливонскимъ ревнителямъ вѣры ежегодно прибываютъ новыя силы въ лицѣ пилигримовъ и крестоносцевъ, новыхъ выходцевъ изъ западной Европы ³⁾. Имѣя въ виду обогатиться обширною поземельною собственностью съ даровыми рабами, а также лестное общаніе папы получить прощеніе грѣховъ за распространеніе единой спасительной вѣры въ Ливоніи, соединенная рать крестоносцевъ, пилигримовъ и меченосцевъ повела дѣло Рима въ новой странѣ съ необыкновеннымъ фанатизмомъ; и трудно опредѣлить, что при этомъ воодушевляло ихъ больше, цѣли ли мірскія, или пропаганда религіозная. Несомнѣнно только, что воодушевленіе было полное и, что всякій отказъ въ принятіи креста, наказывался остріемъ меча. Натискъ въ страну вооруженнаго католицизма, поддерживаемаго авторитетомъ самого папы, въ то время особенно могущественнаго и властнаго, былъ столь упорный, что туземцы-язычники не въ силахъ были отразить его. Они покорились судьбѣ и приняли вѣру побѣдителей. Но этого было мало для труженниковъ Рима. Ихъ вѣрѣ всегда присущъ былъ духъ крайней нетерпимости къ инымъ вѣроисповѣданіямъ, въ особенности къ православію. Кромѣ того самый Римъ требовалъ отъ ливонскихъ меченосцевъ послѣ подчиненія Ливоніи еще болѣе существенныхъ успѣховъ. Именно, принимая живое участіе въ подчиненіи себѣ остзейскихъ язычниковъ при помощи германскихъ выходцевъ, папы разсчитывали на пріобрѣтеніе не только Ливоніи, но и гораздо большаго. Въ 1227 году Гонорій III, услышавъ, какъ онъ говоритъ въ своей буллѣ—но правда ли то, или просто искусственное основаніе для развѣдыванія почвы, —что русскіе князья приглашали къ себѣ папскаго легата епископа Вильгельма Моденскаго и выражали готовность отказаться

¹⁾ Лѣтоп. Вартберга; Прибалт. сборн. II. с. 88.

²⁾ Ibid.; Тургеневъ, Акт. историч. СПб. 1841. с. 10. Urk.-b. I. 45.

³⁾ Urk.-b. I. 14. 41. 46.

отъ своихъ заблужденій и принять истинное ученіе, обращается ко всѣмъ русскимъ князьямъ съ требованіемъ, чтобы они, буде слухъ окажется вѣрнымъ, письменно его объ этомъ увѣдомили ¹⁾. Попытка, заключающаяся въ такомъ предложеніи, оказалась однако неудачною, и папы рѣшились прибѣгнуть къ своему обычному и испытанному средству. Поставивъ отвергшихъ предложеніе Рима, то есть русскихъ на ряду съ язычниками и православіе на ряду съ язычествомъ ²⁾, они обратили на все это побѣдоносный мечъ ливонскаго ордена меченосцевъ; такъ что вооруженный католицизмъ, утвердившійся въ Ливоніи, устремился далѣе по направленію къ русскимъ областямъ, именно, къ Пскову и Новгороду. Приведемъ краткую историческую справку объ этомъ, чтобы затѣмъ яснѣе были для насъ тѣ жизненныя условія, среди когორыхъ оказалось и православіе въ Ливоніи въ періодъ католическій.

Въ 1233 году ливонскіе меченосцы напали на Изборскъ и овладѣли имъ; но псковичи однако вскорѣ отбили у нихъ свое достояніе. Испытавъ здѣсь неудачу, нѣмцы напали на земли новгородскія. Это побудило новгородцевъ соединиться съ псковичами и подъ начальствомъ новгородскаго князя Ярослава въ 1234 году предпринять походъ на Ливонію. „Иде князь Ярославъ съ Новгородцы на нѣмцы подъ Юрьевъ“, читаемъ мы въ Лаврентьевской лѣтописи подъ указаннымъ годомъ, „и изыдоша нѣмцы изъ Юрьева и Медвѣжей головы, и побѣдили ихъ русскіе и смирились нѣмцы, били челомъ“, и Ярославъ заключилъ съ ними миръ на „всей своей правдѣ“ ³⁾. Потерпѣвъ снова пораженіе на востокѣ и въ то же время имѣя постоянныя неудачи на югѣ въ борьбѣ съ литовцами, ливонскіе меченосцы обращаются „въ жалобныхъ письмахъ къ папѣ Григорію IX съ просьбою“, уже раньше предъ тѣмъ высказанною, о соединеніи ордена

¹⁾ Urk. B. I. 95.

²⁾ Въ 1232 году папа Григорій IX предписываетъ епископу семигальскому не заключать мира съ язычниками и русскими безъ согласія папскаго легата. Urk.-b. I. 121. Другою своею буллою тотъ же папа запрещаетъ католикамъ пользоваться помощью русскихъ и язычниковъ на войнахъ. Турген. Акт. истор. 36.

³⁾ Лавр. лѣт. СПб. 1872. с. 486. Истор. Соловьева, т. III. с. 153.

братьевъ меченосцевъ съ орденомъ тевтонскихъ рыцарей, чтобы соединенными силами скорѣе „уничтожить побѣдоносною рукою враждебныя силы противниковъ“ ¹⁾. „Святѣйшій папа съ общаго совѣта кардиналовъ рѣшилъ соединить оба ордена“, и 12 мая 1237 года совершился торжественный актъ сліянія ²⁾. Соединенныя силы меченосцевъ и Тевтонцевъ признаны были однако еще недостаточными для обращенія въ католичество русскихъ, вслѣдствіе чего подыскиваются новыя силы, которыя папа находитъ именно въ Швеціи въ лицѣ большаго войска крестоносцевъ съ Бюргеромъ во главѣ. Въ 1240 году ливонцы и шведы открываютъ военныя дѣйствія противъ русскихъ, но не одновременно. Первымъ на русской границѣ появился Бюргеръ съ шведскими крестоносцами, намѣреваясь вторгнуться въ новгородскія земли. Началось дѣло слишкомъ серьезное для новгородцевъ, опасность грозила ихъ драгоцѣннѣйшему сокровищу, православной вѣрѣ. Потому лишь только вѣсть о намѣреніяхъ Бюргера достигла Новгорода, князь Александръ Ярославовичъ до того воодушевился, что, не дожидаясь ни сбора всѣхъ силъ новгородской волости, ни помощи отъ другихъ князей, съ небольшою дружиною неожиданно нападаетъ на шведское войско на берегахъ Невы и наноситъ ему здѣсь рѣшительное пораженіе. Это было 15 іюля 1240 года. Въ сентябрѣ того же года поднялись ливонцы. Они скоро овладѣли Изборскомъ и затѣмъ самымъ Псковомъ, гдѣ намѣрены были утвердиться, передавъ управленіе городомъ въ руки нѣкоторыхъ орденскихъ братьевъ ³⁾. Не довольствуясь Изборскомъ и Псковомъ, ливонцы вторгаются въ землю ватландскихъ русскихъ и, построивъ крѣпость въ Капорѣ, между Нарвою и Ораніенбаумомъ, открываютъ грабежи и опустошенія по русскимъ землямъ, принадлежавшимъ Новгороду ⁴⁾. Тогда Новгородцы обратились къ отцу невскаго героя князю Ярославу Всеволодовичу съ просьбою прислать къ нимъ снова своего сына князя Алексан-

¹⁾ Хрон. Вартберга, Приб. Сборн. II. 91.

²⁾ Вартбергъ, Приб. Сборн. II. 91, 43.

³⁾ Приб. Сборн. II. 135.; Русс. Приб. Сб. II. 196.

⁴⁾ Вартб. Приб. Сб. II. 90.

дра, который вслѣдствіе непріятностей съ новгородцами скоро послѣ побѣды надъ Бюргеромъ оставилъ Новгородъ. Князь Александръ является на зовъ и немедленно открываетъ военныя дѣйствія противъ Ливонцевъ. Прежде всего онъ идетъ на Капорье и овладѣваетъ имъ. Важность возгоравшейся борьбы съ ливонскими рыцарями была понята и остальною Русью, и она шлетъ значительное вспомогательное войско въ Новгородъ. Получивъ помощь, Александръ Невскій въ началѣ 1242 года двинулся на Псковъ, чтобъ отнять его отъ ордена. Ливонцы оборонялись упорно, но не смотря на то городъ былъ взятъ, при чемъ погибло 70 рыцарей и много нѣмцевъ ¹⁾. Не ограничиваясь возвращеніемъ Пскова, Александръ вступаетъ въ предѣлы Ливоніи, гдѣ, встрѣтившись съ большимъ рыцарскимъ войскомъ, даетъ ему сраженіе, — извѣстное въ исторіи подъ названіемъ ледоваго побоища. Это было 5 апрѣля 1242 года. Сраженіе происходило на льду псковскаго озера и окончилось полнымъ пораженіемъ ливонцевъ. Здѣсь пало 500 рыцарей и нѣмцевъ, а чуди или простыхъ ратниковъ безъ числа; 50 рыцарей взято было въ плѣнъ. Послѣ ледоваго побоища ливонцы смирились и поспѣшили послать пословъ въ Новгородъ, гдѣ заключенъ былъ миръ, по которому нѣмцы отступились отъ всѣхъ своихъ завоеваній въ предѣлахъ коренныхъ русскихъ земель. Побѣды Александра Невского навсегда спасли сѣверныя коренныя русскія области отъ вторженія сюда католицизма. Хотя Римъ съ ливонцами и не вполнѣ потеряли надежду на выполненіе намѣченной ими цѣли и въ послѣдующее время еще неоднократно дѣлали попытки въ начатомъ направленіи, но эти попытки не имѣли уже столь опаснаго характера и окончились также ничѣмъ ²⁾.

¹⁾ Рус. Ibid. 197.

²⁾ Что католицизмъ и въ послѣдующее время стремился далѣе на востокъ изъ Ливоніи, очевиднѣйшими доказательствами этого служатъ, во первыхъ, посольство папы Пиннокентія IV къ князю Александру Невскому съ предложеніемъ принять Латинство (ист. Россіи Соловьева, III. 197) и, во вторыхъ, то, что въ XIV и XV вѣкахъ русскіе митрополиты Кипріанъ (1375—1407) и Фотій (1410—1431) замѣтили вліяніе римскаго католицизма въ Псковѣ. „Кое-что изъ прежн. занят.“ Еп. Павла, стр. 37—38.

Такой взгляд католичества на православіе и православныхъ и такія цѣли, духъ и стремленіе его, проявившіеся въ областяхъ Риму не подчиненныхъ, заранѣе подсказываютъ намъ, каковы могли быть жизненныя условія православія и православныхъ въ остзейскомъ краѣ, въ которомъ ревнители католичества сдѣлались полными распорядителями и въ которомъ послѣ неудачъ на востокѣ они сосредоточили всю свою дѣятельность. Мы уже видѣли, что въ началѣ XIII вѣка православіе мирно пріютившееся въ нѣкоторыхъ областяхъ на туземной почвѣ, уступаетъ напору католичества, имѣли случай также замѣтить, что папы предписывали рижскому епископу стѣснять русскихъ поселенцевъ въ совершеніи обрядовъ православныхъ, и что это стѣсненіе скоро породило новообращенныхъ католиковъ изъ среды русскихъ. Справедливо думать, что въ общемъ такой духъ нетерпимости къ ливонскимъ православнымъ имѣлъ мѣсто во все время господства католичества въ странѣ. Фактъ существованія здѣсь православныхъ храмовъ въ означенное время нисколько не противорѣчитъ высказанному положенію. Русскіе поселенцы, претерпѣвая стѣсненія и „укрощенія“ со стороны католиковъ, мало поддавались однако вліянію латинства. Частныя сношенія ихъ со своими единовѣрными соотечественниками служили для нихъ къ подъему русскаго духа и поддержанію родной вѣры. Въ видахъ благоустроенія своего религіознаго быта на чужбинѣ они хлопочутъ какъ на мѣстѣ, такъ и на родинѣ, о полученіи разрѣшенія имѣть посреди иновѣрныхъ свои храмы; и послѣдніе допускаются торжествующими пришельцами остзейскаго края лишь по крайней необходимости, — допускаются именно, въ силу торговыхъ условій и договоровъ, заключавшихся между ними и русскими городами и князьями и имѣвшихъ существенно важное значеніе для обѣихъ договаривавшихся сторонъ. Если признать, а въ этомъ едва ли будетъ ошибка, что по временамъ православные пользовались даже значительною свободою и спокойствіемъ въ вѣроисповѣдномъ отношеніи, то и это при существованіи духа нетерпимости къ нимъ съ одной стороны и торговыхъ условій съ другой — окажется явленіемъ вполне объяснимымъ. Кромѣ того слѣдуетъ замѣтить, что на-

пряженность нетерпящаго православныхъ духа католичества не была всегда одинакова. Духъ этотъ особенно обнаруживался въ періодъ мира, согласія и единодупія между его носителями. Но когда между епископствами, орденомъ и городомъ Ригю возникло соперничество, переходившее по временамъ въ ожесточенныя междоусобицы, и когда сосѣди, пользуясь этимъ, иногда грозили ливонцамъ лишеніемъ всѣхъ ихъ остзейскихъ завоеваній, то такими жизненными обстоятельствами мѣстныя вѣроисповѣдныя дѣла само собою въ значительной степени отодвигались на задній планъ и тогда православнымъ конечно дышалось въ Ливоніи свободнѣе. Въ общемъ же судьбу православія въ періодъ католичества слѣдуетъ признать всетаки далеко не завидною. Духъ вѣроисповѣдной нетерпимости даетъ обыкновенно себя чувствовать православнымъ, игнорируя часто международныя условія и договоры, которые главнымъ образомъ обезпечивали русскимъ свободу ихъ вѣроисповѣданія. Оттого въ краѣ почти не умолкають жалобы православныхъ на всевозможнаго рода обиды и притѣсненія; и вопли ихъ особенно жалобны въ тѣ періоды времени, когда между сторонами явно прерывается соблюденіе договорныхъ пунктовъ, или когда православіе просто чѣмъ либо обращаетъ на себя вниманіе ревнителей по вѣрѣ католической.

Православные епископы, въ вѣдѣніи которыхъ находились остзейскія православныя церкви ¹⁾, не въ состояніи были защитить отъ стѣсненій и насилій отдаленную отъ нихъ ливонскую паству. Не всегда въ силахъ были сдѣлать это и самыя великіе государи московкіе, къ которымъ стѣсняемые нерѣдко обращались съ жалобами на притѣснителей. Правда, историческія извѣстія объ этомъ весьма скудны, но и имѣющіяся вполне убѣждаютъ насъ въ сказанномъ. Такъ, въ 1437 году требуется особенное ходатайство новгородцевъ, чтобы русскимъ въ Ревелѣ дозволено было устроить въ своей церкви двери на улицу ²⁾.

¹⁾ Рижская церковь вѣдалась полоцкимъ епископомъ, а Ревельская и вѣроятно Юрьевскія — Новгородскимъ владыкою. — Акт. Зап. Рос. СПб. 1846. II. с. 403; Отч. о разыск. Гильдебранда, СПб. 1877. с. 11.

²⁾ Трусманъ, с. 183.

Въ 1463 году Іоаннъ III Васильевичъ обязываетъ юрьевского епископа „русскій конецъ и святыя церкви держать по старинѣ и по старымъ грамотамъ и не обидѣть¹⁾“. Въ послѣднихъ словахъ договора такъ и слышится нарочитое условіе, вызванное какими либо жалобами на притѣсненія. А отъ 1472 года намъ извѣстно событіе, уже неоспоримо свидѣтельствующее о духѣ крайней нетерпимости, которымъ пропитаны были владѣльцы Ливоніи по отношенію къ вѣрѣ мѣстныхъ русскихъ православныхъ поселенцевъ. Событіе это, выходящее вонъ изъ ряда мелкихъ обидъ и притѣсненій и сопровождавшееся необыкновенною жестокостью фанатиковъ католичества къ православнымъ, имѣло мѣсто въ Юрьевѣ, то есть, въ городѣ, епископъ котораго 9 лѣтъ предъ тѣмъ обязался русскій конецъ и православныя церкви держать по старымъ грамотамъ безъ притѣсненій. Описаніе Юрьевского событія 1472 года, составленное инокомъ псковско-печерскаго монастыря Варлаамомъ, въ одномъ изъ его переложеній гласитъ слѣдующее:

„Въ лѣто 1472, попущеніемъ Божиимъ, разсвирѣпѣли на Христіанъ Латины и хотѣли воздвигнуть брань на богоспасаемый городъ Псковъ и на всѣ окрестныя Церкви, чтобы вмѣсто православнаго богослуженія уставить свое, утверждаясь наипаче на правилахъ Флорентинскаго Собора, хотѣвшаго насильственно возстановить единеніе Церквей. Въ то время, въ Ливонской землѣ въ городѣ Юрьевѣ, жили, въ Русскомъ концѣ, православные Христіане и имѣли у себя церковь во имя Св. Николая чудотворца и Георгія великомученика; наставникомъ же ихъ на пути спасенія и непостыднымъ молитвенникомъ былъ нѣкто іерей Исидоръ, какъ звѣзда сіявшій посреди христіанъ своими добродѣтелями. Не рѣдко укорялъ онъ иновѣрныхъ Нѣмцевъ, внушая имъ отступить отъ вѣры Латинской и присоединиться къ православію. Уже многіе годы приносилъ онъ безкровную жертву во храмѣ св. Николая чудотворца, по преданію св. Апостоль и св. Отецъ, когда позавидовалъ врагъ человѣческій христіанскому его житію. Искусилъ онъ нѣкоего старѣйшину

¹⁾ Пск. I. л. подъ 6971 г.; Ист. кн. Пск. I. с. 110.

градскаго Нѣмчина по имени Юрія Трасиголова, который, поставъ на Исидора и на христіанъ православныхъ, говорилъ на нихъ Бискупу и городскимъ начальникамъ, Латинской вѣры, и всѣмъ посадскимъ людямъ Ливонской земли, — что слышалъ онъ отъ попа Русскаго и всей его паствы хулу на вѣру Латинскую и служеніе на опрѣснокахъ и похвалу одной только Греческой вѣрѣ. Такимъ образомъ подвигъ онъ на ярость Бискупа и вельможъ, и съ того времени искали Латины какъ-бы истязать святыхъ.

Насталъ праздникъ Богоявленія Господня: пресвитеръ Исидоръ вышелъ со всѣми православными на рѣку Омовжу, по обычаю, съ честными крестами освятить воду. Тамъ, на водахъ богоявленскихъ, суровые Нѣмцы, посланные отъ Бискупа и отъ старѣйшинъ, захватили Исидора, учителя Христіанскаго, и бывшихъ съ нимъ мужей и женъ и, какъ волки лютые повлекли ихъ предъ судей градскихъ. Великое было истязаніе на судилищѣ добрымъ воинамъ Христовымъ о вѣрѣ ихъ, отъ которой принуждали ихъ отречься, чтобы приступить къ Латинству. Но Исидоръ и всѣ православные съ нимъ исповѣдники, какъ бы едиными устами сказали Бискупу и судіямъ: „не буди то, врагъ истины, чтобы намъ православнымъ отречься отъ Христа истиннаго и вѣры православной, не пощадимъ тѣлесъ нашихъ за Христа Бога, сколько-бы ты насъ ни мучилъ, но васъ, нечестивые, умоляемъ пощадите души свои Господа ради, ибо и вы созданіе Божіе; отступите отъ служенія опрѣсноровъ, ибо не вѣдаете истины“. Тогда обличилъ ихъ и въ иныхъ нововведеніяхъ западныхъ, угрожая имъ за то судомъ Божіимъ. Бискупъ ливонскій велѣлъ всѣмъ державцамъ градскимъ собраться на испытаніе святыхъ, изъ окрестныхъ замковъ, и доколѣ собирались они, святой Исидоръ поучалъ въ темницѣ дружину свою. „Братія и чада, говорилъ онъ, Господь собралъ васъ со мною на подвигъ сей духовный, хотя увѣнчать васъ отъ вседержительной руки своей неувядаемыми вѣнцами; вы же, братія, добрѣ пострадайте противъ беззаконныхъ, безъ всякаго сомнѣнія, и не убойтесь горькихъ сихъ мукъ, ниже ослабѣйте, хотя и рыщете вокругъ насъ діаволъ, какъ левъ, ищущій кого либо уловить отъ вѣры пра-

вославною. Станемъ въ ней неподвижно, какъ добрые воины, противъ его козней, ибо Самъ Господь сказалъ: — если меня изгнали и васъ изженутъ, если слово мое соблюли и ваше соблюдутъ, но все сіе творятъ вамъ имени моего ради, ибо не вѣдаютъ пославшаго меня; когда же прійдетъ Утѣшитель, котораго я пошлю вамъ отъ Отца, Духъ истины, который отъ Отца исходитъ, Онъ свидѣтельствууетъ о Мнѣ и вы обо мнѣ свидѣствуете, ибо искони со Мною были“ (Іоан. 15, 20. 21. 26. 57). Такъ, братіе, говорилъ Христосъ ученикамъ Своимъ, также и намъ, если кто имени Его ради постраждетъ до крови, т. е. до смерти. И вы, братіе мои возлюбленные, не оставляйте меня, но пострадайте вмѣстѣ со мною и не прельщайтесь вожделѣніями міра сего, но будьте великими мучениками Христовыми въ послѣднемъ родѣ семъ“.

Послѣ сего святой Исидоръ, съ дружиною своею, ставъ въ темницѣ лицомъ къ востоку, началъ пѣть и молиться, со слезами и съ воздыханіемъ сердечнымъ, причастился самъ запасными дарами святыхъ и животворящихъ таинъ, и причастилъ всѣхъ бывшихъ съ нимъ мужей, женъ и дѣтей. Всѣ исполнились духовной радости, и благоговѣйный пресвитеръ поучилъ ихъ еще изъ божественнаго писанія, о воздаяніи благъ вѣчныхъ за благія дѣла и вѣчныхъ мукъ за дѣла тмы. „Ни одинъ изъ васъ, сказалъ (онъ) дружинѣ своей, отъ мала до велика, да не страшится угрозъ и самыхъ мукъ не убоимся, но добръ постраждемъ за Сына Божія, Господа нашего Іисуса Христа, и пріимемъ почеть страданія нашего въ день судный“. Потомъ всѣ единодушно, громкимъ голосомъ, воспѣли мученическій тропарь: „святѣи мученицы, иже добръ страдавше и вѣнчавшеся, молитесь ко Господу, спастися душамъ нашимъ“.

Вскорѣ послѣ сего иришли въ темницу посланные за ними отъ Бискупа и судей градскихъ и, извлекши ихъ изъ темницы, поставили на судилище, на мѣсто называемое у нихъ Ратуша, для скорого испытанія предъ Бискупомъ и всѣми Латинами, которые собрались на позорищѣ. Какъ солнце со звѣздами стоялъ предъ ними исповѣдникъ Исидоръ съ своею дружиною. Сперва ласкательными словами старался преклонить ихъ къ

своей вѣрѣ Бискупъ, говоря: „только послушай меня и посадниковъ града сего предъ сими многими Нѣмцами, которые сошлись изъ окрестныхъ замковъ моей державы; примите честную вѣру нашу, которая одна съ вашею, и опрѣсночное служеніе и не губите себя; будьте намъ присными братьями и участниками нашего богатства. Если хотите, держите опять свою вѣру; только теперь повинитесь предо мною и предъ судьями и предъ Нѣмцами“. Но мужественные исповѣдники отвѣчали Бискупу: „что ищешь уловить насъ ласковыми рѣчами? не можешь ты отклонить насъ отъ истинной вѣры Христіанской; твори надъ нами, что хочешь; вотъ мы предъ тобою и повторяемъ тебѣ тоже, что говорили прежде“. Тогда суровый Бискупъ, вмѣстѣ съ своими посадниками, какъ змѣй расплывшись яростію на святыхъ, велѣлъ всѣхъ сихъ добронобѣдныхъ мучениковъ, въ той одеждѣ, въ какой они были, ввергнуть въ рѣку называемую Омовжу, а святаго Исидора, облекши прежде въ полный санъ пресвитерскій, бросить въ самый Іорданъ, гдѣ освящалъ онъ воду въ день Богоявленія. Такъ поступили съ ними, какъ бы съ нѣкими злодѣями, за православную вѣру Христову и за святыя Церкви Русскія; было всѣхъ страдальцевъ съ учителемъ ихъ Исидоромъ, семьдесятъ два, которые всѣ предали чистыя свои души въ руки Бога живаго и увѣнчались нетлѣнными вѣнцами. Въ числѣ ихъ приведена была юная мать съ трехлѣтнимъ на рукахъ младенцемъ. Нечестивые Нѣмцы, исторгши младенца изъ рукъ матери, бросили ее въ рѣку. Младенецъ, видя свою мать потопляемою съ блаженными мучениками, началъ вопіять на рукахъ мучителей, и сколько ни старались они успокоить его, исторгался изъ рукъ ихъ, терзая ихъ лица. Тогда жестокіе мучители бросили его подлѣ проруби и смотрѣли, что съ нимъ будетъ? младенецъ же, подползши къ проруби, трижды перекрестился и, воззрѣвъ на предстоящій народъ, сказалъ: „и я Христіанинъ, вѣрую въ Господа и хочу также умереть, какъ и учитель нашъ Исидоръ и моя мать“. Сказавъ сіе бросился подъ ледъ, какъ нѣкогда трехлѣтній мученикъ Христовъ Кирикъ, исповѣдавшій Господа на колѣняхъ

мучителя, при видѣ страданій матери своей Гулитты, и вмѣстѣ съ нею воспріявшій мученическій вѣнецъ.

Наступила весна и разлившаяся рѣка Омовжа выступила изъ береговъ своихъ; тогда явились и тѣлеса всѣхъ исповѣдниковъ Христовыхъ, за три поприща отъ города Юрьева, вверхъ по рѣкѣ, подъ деревомъ у горы, ничѣмъ неповрежденные, какъ-бы положенныя людьми: такъ прославилъ Господь святыхъ своихъ угодниковъ. Тогда православные гости (купцы) города Юрьева взяли мощи страдальцевъ и погребли ихъ честно въ томъ-же городѣ, около церкви чудотворца Николы, гдѣ будутъ опочивать они до втораго пришествія Христова, когда всѣхъ насъ возставитъ Господь.

Страданіе ихъ совершилось во дни Великаго Князя Іоанна Васильевича всея Руси, при митрополитѣ Филиппѣ и при Архіепископѣ Новгородскомъ Владыкѣ Іонѣ; тогда же и записано было страданіе святыхъ новоявленныхъ семидесяти двухъ мучениковъ, со священнымъ Исидоромъ, учителемъ ихъ ¹⁾.

Другой священникъ, жившій въ то время въ Юрьевѣ, по имени Іоаннъ избѣжалъ страшной участи своего сослуживца. Удалившись одиноко изъ Дерпта, онъ поселился въ одной прекрасной долинѣ, находящейся на рубежѣ Ливоніи и псковской области, и положилъ здѣсь основаніе нынѣшнему псково-печерскому монастырю. ²⁾.

Приведенный разсказъ инока Варлаама, хотя изложенъ съ поэтической окраскою, дышетъ правдивостію, и фактической стороны его, въ виду авторитетности источника — псково-печерскаго монастыря, никто не оспариваетъ ³⁾. Память дерптскихъ мучениковъ благоговѣнно читается среди мѣстныхъ православныхъ жителей. Въ свое время однако столь выдающееся

¹⁾ Сборн. жит. свят. XVII в. библиот. графа Уварова. Тамъ же заимствованъ разсказъ изъ рукописнаго историко-статистическаго описанія дерптской Успенской церкви. Описаніе страданія юрьескихъ мучениковъ озаглавлено: „Страданіе священномученика Исидора и съ нимъ семидесяти двухъ мучениковъ“. Заключая свое описаніе авторъ молитвенно обращается къ мученикамъ и между прочимъ восклицаетъ: „блаженные страдальцы Господни, новосвѣтлыя звѣзды, вспомните въ молитвахъ своихъ и святѣйшаго митрополита Макарія московскаго и всея Руси, благословившаго мою худость священноинока Варлаама, смиренна мниха написать честное ваше страданіе“.

²⁾ Пов. о нач. и основ. пск.-печ. монаст.

³⁾ См. статью д-ра Бейзе въ Приб. Сб. III с. 465 — 71.

событіе прошло по видимому не примѣченнымъ православною Русью. Быть можетъ оно имѣлось въ виду Іоанномъ Васильевичемъ III въ 1474 году, когда при заключеніи мира съ лифляндцами, первымъ условіемъ онъ поставилъ, чтобы „святѣи Божьи церкви у Юрьевѣ у русскомъ концы, и русскій конецъ, и то честному бискупу юрьевскому и посадникомъ юрьевскимъ и всѣмъ юрьевцемъ держати честно по старинѣ и по крестному цѣлованію и не обидити ¹⁾).

Юрьевское событіе 1472 года имѣло, какъ мы видѣли мѣстное значеніе, но вскорѣ послѣ него ухудшилось положеніе православныхъ по всей Ливоніи. Около этого времени Русь дѣлается сильнымъ государствомъ. Московскіе государи усиленно заботятся о собраніи разрозненныхъ ея частей и объ обезпеченіи ея границъ. Ливонскій орденъ всегда представлялъ безпокойное для Руси сосѣдство, съ которымъ потому рано или поздно слѣдовало свести счеты. Кромѣ того умъ собирателей не забывалъ древней зависимости Ливоніи отъ Руси, а сердце ихъ постоянно было тревожимо жалобами остзейскихъ русскихъ поселенцевъ на обиды и притѣсненія со стороны владѣльцевъ страны. Потому лишь только Москва достаточно усилилась, она обратила политическій взоръ свой на Ливонію. Отношенія между сторонами обостряются послѣ паденія новгородской общины (1478 г.) взаимными пограничными опустошительными набѣгами и въ 1481 году переходятъ въ открытую войну. Въ этомъ году московская рать вступила въ предѣлы Ливоніи и въ продолженіе четырехъ недѣль жестоко опустошала страну. Ливонцы не рѣшались вступить въ бой съ нею. Въ слѣдующемъ 1482 году было заключено перемиріе на десять лѣтъ, которое, по истеченіи срока было продолжено на такое же число лѣтъ ²⁾. Не прошелъ однако срокъ второму перемирію, какъ случились обстоятельства, вызвавшія новый разрывъ. Въ 1492 году Іоаннъ Васильевичъ III построилъ крѣпость Ивангородъ на ливонской границѣ, противъ Нарвы, откуда русскіе стали безпокоить

¹⁾ Акт. Зап. Рос. I. 1846. с. 84 — 86.

²⁾ Карамз. т. VI. гл. 4 и 5. Ржисовъ, Приб. Сб. II. 287—8. Соловьевъ, V. 174—5.

нѣмцевъ, а ревельцы въ 1494 году „сварили до смерти одного русскаго за чеканку фальшивыхъ шиллинговъ, а другаго за какое-то другое преступленіе сожгли“ ¹⁾. Русскіе въ Ревелѣ вступились за своихъ соотечественниковъ, но имъ отвѣтили: „мы сожгли бы и вашего князя, если бы онъ сдѣлалъ у насъ то же самое“. Когда эти слова въ 1495 году были переданы московскому государю Іоанну Васильевичу, то онъ такъ разгнѣвался, что, разломавъ трость, воскликнулъ: „Богъ суди мое дѣло и казни дерзость!“ Потребовавъ затѣмъ отъ лифляндцевъ выдачи ревельскаго магистрата, и получивъ отказъ, великій князь велѣлъ схватить всѣхъ иноземныхъ купцовъ въ Новгородѣ, въ томъ числѣ ревельскихъ и дерптскихъ, и заключить въ темницы, при чемъ товары заключенныхъ были конфискованы и отправлены въ Москву, а торговые дворы, лавки и церкви нѣмецкія запечатаны ²⁾. Чрезъ 6 лѣтъ дѣло дошло и до войны.

Въ это время ливонскимъ орденомъ управлялъ даровитый магистръ Нлетенбергъ. Послѣдній повелѣ дѣло такъ успѣшно, что наносилъ русскимъ войскамъ пораженіе за пораженіемъ. Въ рѣшительной битвѣ при озерѣ Смолинѣ, 13 сентября 1502 года, поле битвы осталось также за нѣмцами, но только они не рѣшились предпринять дальнѣйшаго наступленія, чувствуя свою сравнительную слабость, и возвратились въ свою землю. Война на томъ и окончилась и, слѣдовательно, осталась безрезультатною для русскихъ. Въ 1503 году въ Москвѣ заключено было съ ливонцами перемиріе, которое затѣмъ было возобновляемо въ 1508, 1517 и 1531 годахъ ³⁾. Время разрыва Москвы съ Ливоніею было особенно печальнымъ временемъ для православныхъ русскихъ людей, жившихъ въ Ливоніи. Торговые и другіе договоры въ это время были прерваны, и нѣмцамъ вольно было обращаться съ русскими, какъ имъ заблагоразсудилось. Такъ, объ обстоятельствахъ указаннаго времени мы имѣемъ между прочимъ слѣдующія извѣстія. Въ 1479 году орденмейстеръ Бернардъ де Борхъ задержалъ въ Ригѣ русскаго

---

¹⁾ Рюссовъ, Пр. Сб. II. 293—4.

²⁾ Карамз. VI. начало 6 гл.

³⁾ Карамз., VI. гл. 6. Русс., Приб. Сб. II. с. 297—300. 304.

купца, а дерптѣне заключили у себя 45 человекъ русскихъ купцовъ. Чрезъ два года послѣ этого лифляндцы захватили на чудскомъ озерѣ 25 псковскихъ судовъ съ 150 купцами, а въ Дерптѣ было ограблено и опять заключено по темницамъ болѣе 200 русскихъ ¹⁾. Вѣроятно къ концу XV или къ началу XVI столѣтій относится также слѣдующаго рода челобитная ревельскому магистрату отъ священника колыванскаго и русскихъ купцовъ, слезно жалующихся на свое тяжелое положеніе въ душной холодной темницѣ колыванской. „*Осподн* нашемъ посадникамъ и ратманамъ колыванскимъ. Священникъ и купчины великаго князя вамъ, свое и осподѣ челомъ бьемъ со слезами. Сидимъ господине у Бога да у васъ ужъ будетъ въ понедѣльникъ двѣнадцать недѣль, а не слышали есмя, господине, никакого слова себѣ, ни грамоты, ни отъ своихъ осподарей, ни отъ отцевъ своихъ, ни отъ складниковъ своихъ. И мы, господине, нынче посадникамъ и ратманамъ колыванскимъ, своей осподѣ, челомъ бьемъ со слезами. Пожалуйте, господине посадники и ратманы, смилуйтесь: велите дать насъ на поруку, чтобы мы, господине, у васъ ходили добровольно, доколѣ вамъ, господине, будетъ миръ . . . господине намъ вѣры за побѣгъ, и мы, господине посадники и ратники, все поручимся одинъ по одинъ, а на томъ, господине, вамъ и крестъ цѣлуемъ за побѣгъ и за списки, что безъ вашего слова никакого слова не наказываемъ. Вѣдь, господине посадники и ратманы, коли пожалуете и велите дать на поруки . . . господине всемъ намъ одинъ на одномъ, да и цѣлуемъ вамъ за побѣгъ, да и за списки, что намъ . . . явивши вамъ, своей осподѣ, а животы нашъ, господине посадники . . . только, господине, пожалуйте на хлѣбъ . . . Енадей. Ино, господине, мы чаемъ того . . . архіепископъ ва . . . купчиновъ жалуетъ, поруку держать по вашихъ купчинахъ, а . . . посадники и ратманы колыванскіе пожалуйте, смилуйтесь что . . . добродѣтель до господарскихъ сиротъ великаго князя. Вашъ, господине, пискупъ . . . а намъ, господине, Владыка Енадей (Генадій, архіеп. новгородскій) по вашимъ поруку держать,

¹⁾ Истор. кн. псковск. I. с. 126 и 144.

жалуетъ. А по насъ здѣсь, господине, посадники и ратманы, пожалуйте: вы намъ здѣсь и печальники и все. Сидѣли есмь, господине, первое у васъ . . . недѣль, ино господине было добро сидѣти . . . посадники и ратманы велѣли насъ перевести на иное мѣсто, ино, господине, есмь здѣсь погибли, сидя въ семъ мѣстѣ. Тѣснота, господине, де такова, другъ на друга лежимъ . . . отъ чего человѣку ѣсти, кое съ голоду не хотятъ умѣрѣть; а свѣту, господине, также мало: одно, господине, окно, ино и то перебито, въ дна ряда железомъ, а окно, господине, не велико, а хоромина, господине посадники, нога сдѣлана. Ино, господине, духъ тяжелъ, только съ тоски намъ пропасти. Ино, господа посадники, смилуйте, пожалуйте, какъ бы есмь не погибли, а мы свое, господине, со слезами челомъ бьемъ. А коли, господине посадники и ратманы колыванскіе, насъ пожалуете и на поруки велите дать, ино господине тогда намъ будетъ добро отписать къ своимъ осподарямъ и своимъ отцамъ, и своимъ складникамъ, ино будетъ, господине, лъзя тогда о вашихъ печаловаться купчинахъ, кои бы также могли просто добровольно ходить. А какъ, господине посадники и ратманы, велѣли насъ перевести въ сіе мѣсто, гдѣ нынѣ сидимъ, ино господине здѣсь есмь погибли сидя съ тѣсноты, и съ вони, и съ духу съ лихаго съ извѣстнаго некуда протъ . . . лико, да и то перебито въ два ряда железомъ, ино свѣту мало, у насъ некуда идти лихоты вонъ, а не возмете, господине, намъ вѣры, что намъ здѣсь тошно . . . и отъ тѣсноты какъ мы здѣсь сидимъ. Велите, господине, посадити насъ . . . смотрѣть своему ратману своимъ глазомъ, каково намъ здѣсь лихо надъ на . . . намъ посадники и ратманы нечего намъ говорите . . . смилуйте до господарскихъ сиротъ великаго князя и мы вамъ . . . слезами челомъ бьемъ“¹⁾).

Помимо заключенія въ темницы русскимъ наносились и другія обиды. По сказанію русскаго лѣтописца разсматриваемаго времени, ревельцы обижали новгородскихъ купцовъ, — грабили ихъ на морѣ; безъ судебного приговора и безъ вѣдома Іоанна

¹⁾ Эстл. г. вѣд. 1888 г. ч. неоф. с. 174.

варили въ котлахъ его подданныхъ и причиняли неслыханныя оскорбленія московскимъ посламъ, ѣздившимъ въ Италію чрезъ нѣмецкую землю ¹⁾. Кромѣ того, въ Ревелѣ и Дерптѣ, быть можетъ и въ Ригѣ, товары русскихъ купцовъ, такъ же, какъ и въ Новгородѣ нѣмецкіе, были конфискованы, погреба отняты; нѣкоторые русскіе умерщвлены и, что особенно важно, церкви отъ православныхъ отобраны и вѣроятно, запечатаны, какъ нѣмецкія кирхи въ Новгородѣ, или же обращены въ какія либо складочныя мѣста; и трудно было затѣмъ московскому государю добиваться удовлетворенія своимъ ливонскимъ подданнымъ. Вотъ что мы между прочимъ читаемъ объ этомъ въ одномъ документѣ, относящемся къ первымъ годамъ XVI столѣтія, именно: въ „отвѣтъ царей русскихъ намѣстниковъ новгородскихъ, князя Даниіла Васильевича и князя Василія Васильевича, магистра ливонскаго и семидесяти городовъ и трехъ посламъ“, хлопотавшимъ скоро послѣ заключенія перемирія между Москвою и Ливоніею, вѣроятно въ 1503 году, о возобновленіи торговыхъ сношеній „по старому доброму уставу“. „Царей русскихъ намѣстники новгородскіе велѣли вамъ говорить. Ино которыхъ своихъ пословъ магистръ и архиепискупъ и бискупы и вся земля ливонская лѣтось присылали къ намъ бити челомъ и перемиріе имати, ино тогда о торгѣ рѣчь была, и мы тогда посламъ ихъ отвѣчали, что торгу не быти за то, что магистръ и архиепискупъ и бискупы и вся земля ливонская во всемъ лгутъ напередъ того чрезъ перемиріе и чрезъ крестное цѣлованіе, пословъ и купцовъ Государей нашихъ, царей русскихъ, отчинъ Великаго Новгорода и Пскова *поимали и пограбили* и пристали *сетомъ* (?) къ коимъ изъ старины не приставывали. Да тѣхъ для магистровыхъ и архиепискуповыхъ и всей земли ливонской неправдѣ, лѣтось торгъ и оставили, да и перемирья грамоты написали по тѣмъ спискамъ, слово въ слово, кои взяли послы ихъ у Государей нашихъ, царей русскихъ. А писано въ перемирныхъ грамотахъ, что магистръ и архиепискупъ и бискупу юрьевскому и инымъ бискупамъ и всей землѣ ливонской, пословъ

¹⁾ Полн. С. Р. Л. IV. 275.

и купцовъ Государей нашихъ отчинъ новгородскихъ и псковскихъ отпустить, а грабежъ ихъ и товаръ весь сполна имъ отдати. А о торгу мы посламы ихъ отказали такъ: Коли магистръ и архиепископъ и бискупы и вся земля ливонская и семьдесятъ городовъ и три послы купцамъ Государей нашихъ отчинъ Новгородскимъ и Псковскимъ товаръ и грабежъ весь сполна поотдадутъ, и Государей нашихъ людей головы нбоитыя поплатятъ, а которые Государей нашихъ люди попали имъ въ руки, и они тѣхъ всѣхъ отпустятъ, и русскіе концы и церкви Божіи греческаго закона и палаты всѣхъ очистятъ. А похотятъ Государей нашихъ, царей русскихъ, жалованья, то пришлютъ къ намъ бити челомъ и къ вотчинамъ Государей нашихъ, къ Великому Новгороду и Пскову, и перемирье по старинѣ, и мы тогда по Государей нашихъ, царей русскихъ, велѣнью учинимъ о торгу какъ будетъ пригоже. Иновѣдъ нашъ отвѣтъ магистру и архиепископу и бискупамъ и всей землѣ ливонской вѣдомъ. И послѣ того, какъ пріѣхали къ магистру и бискупу юрьевскому наши послы, и магистръ на тѣхъ перемирныхъ грамотахъ крестъ цѣловалъ за всю свою державу и печать свою привѣсилъ и руку далъ на томъ, что имъ о всемъ правити по тому, какъ въ тѣхъ перемирныхъ грамотахъ писано, да по тѣмъ перемирнымъ грамотамъ магистръ и архиепископъ и бискупъ юрьевскій и вся земля ливонская пословъ и купцовъ, отчинъ Государей нашихъ, новгородскихъ и псковскихъ отпустили сухими головами, а товаръ ихъ и грабежъ имъ не отдали, ни управды имъ ни въ чемъ не учинили. Ино какъ торгу быти, коли правды въ нѣмцѣ нѣтъ на передъ того, въ чемъ они молвили, и они въ томъ солгали; а на чемъ сего лѣта магистръ крестъ цѣловалъ, а юрьевскій бискупъ руку далъ, и они въ томъ лжутъ же. Ино того дѣла купцамъ вотчинъ Государей нашихъ и нынѣ съ нѣмцы не торговати. Царей русскихъ намѣстники велѣли вамъ говорити. И мы, какъ лѣтось . . . приказывали, такъ и нынѣ тоже приказываемъ, коли магистръ и архиепископъ и юрьевскій бискупъ и бискупы и вся земля ливонская и семьдесятъ городовъ и три, Государей нашихъ, царей русскихъ, вотчинъ новгородскихъ и псковскихъ посламы и куп-

цовъ товаръ ихъ весь поотдаютъ, и Государей нашихъ людей головы побитыя поплатятъ, а которые Государей нашихъ люди попали имъ въ руки тѣхъ всѣхъ отпустятъ, и церкви Божіи греческаго закона и русскіе концы и палаты всѣхъ очистятъ, а похотятъ Государей нашихъ, царей русскихъ, себѣ жалованья, а пришлютъ бити челомъ къ намъ, къ ихъ Намѣстникамъ и къ вотиномъ ихъ Великому Новгороду и Пскову, о перемирьѣ по старинѣ, и мы тогда, посматрѣвъ на ихъ исправленію и по ихъ челомъ битію, да по государей нашихъ, царей русскихъ, велѣнію, учинимъ о торгу какъ будетъ пригоже“ ¹⁾. До полного сослашенія Москвы съ Ливоніею дѣло однако еще не скоро дошло. Заключеннымъ пришлось сидѣть вѣроятно сравнительно не долго, но отнятыя церкви были возвращены очень поздно, именно, лишь въ 1514 году, когда по ходатайству городовъ ганзейскаго союза торговля Новгорода и Пскова была возстановлена по старинѣ, нѣмецкія церкви и дворы въ Новгородѣ возвращены по принадлежности, а нѣмцы со своей стороны обязались очистить и не обижать русскія церкви и концы въ своихъ городахъ ²⁾. Товары же, кажется, вовсе не были возвращены, ни съ той, ни съ другой стороны ³⁾.

Тяжело было положеніе православія въ Ливоніи въ только что разсмотрѣнное нами время, — время войнъ и разрыва Москвы съ ливонцами, но малымъ чѣмъ улучшилось оно и послѣ того. Правда, перемирными грамотами выговариваются къ безопасности и свободѣ православныхъ Ливоніи ихъ старинныя права и привилегіи; въ 1521 году между Москвою и ливонскимъ магистромъ было условлено даже, чтобы и во время войны не препятствовать взаимной торговлѣ, не трогать купцовъ, ни ихъ имущества, а церкви русскія во всей Ливоніи

¹⁾ Этотъ документъ найденъ въ архивѣ ревельскаго магистрата въ бумагахъ XVI вѣка. Упомянутые здѣсь новгородскіе намѣстники - князья Даніилъ Вас. Щеко и Вас. Вас. Шуйскій, а цари, отъ имени которыхъ они пишутъ, — великій князь Іоаннъ Васильевичъ и сынъ его Василій Ивановичъ, объявленный въ 1502 году наследникомъ престола. Нами заимствованъ документъ изъ Эстл. Губ. Вѣд. 1888 года ч. неоф. с. 186.

²⁾ Соловьевъ, V. 295. 349.

³⁾ Ibid. 396.

всегда держать по старинѣ, безъ притѣсненій ¹⁾; но все выговоренное соблюдалось болѣе на бумагѣ, нежели на дѣлѣ, и это потому, что начиная съ XVI вѣка перемирные договоры русскихъ съ ливонскими нѣмцами не имѣли уже того существеннаго значенія для послѣднихъ, какое они имѣли прежде. Торговля связи Руси съ Ливоніею значительно ослабѣли. Послѣ удара, нанесеннаго новгородской нѣмецкой конторѣ Іоанномъ Васильевичемъ III, Новгородъ при всѣхъ своихъ усиліяхъ уже никогда не поднялся до прежняго своего величія въ торговомъ мірѣ. По свидѣтельству Ніенштѣдта, Лифляндскаго лѣтописца XVI вѣка, въ Новгородѣ послѣ 1494 года болѣе не совершали никакихъ торговыхъ операцій нѣмецкіе купцы, хотя туда еще иногда они и наѣзжали. То же самое нѣсколько позднѣе случилось и со Псковомъ. Русскіе товары привозились прямо уже въ Ригу, Ревель, Дерптъ и другіе вновь возникшіе въ Ливоніи города ²⁾. А вмѣстѣ съ этимъ въ остзейскомъ краѣ ослабѣлъ и тотъ факторъ, благодаря которому главнымъ образомъ обезпечивались свобода и права православныхъ русскихъ людей въ странѣ. Но кромѣ указаннаго въ началѣ XVI вѣка въ краѣ возникаютъ еще и другія неблагопріятныя для православныхъ обстоятельства, именно, крайняя разнузданность нравовъ мѣстнаго общества и реформація.

Описывая бытъ и нравы ливонскихъ нѣмцевъ означеннаго времени, лифляндскій лѣтописецъ Рюссовъ между прочимъ говоритъ, что „послѣ того какъ Вальтеръ ф. Плетенбергъ одержалъ побѣду надъ московитами и заключилъ продолжительный миръ, такъ что ливонцамъ на много лѣтъ нечего было бояться войны, тогда, чѣмъ дальше, тѣмъ больше изо дня въ день какъ между правителями, такъ и подданными, стали распространяться большая самоувѣренность, праздность, тщеславіе, пышность и хвастовство, сластолюбіе, безмѣрное распутство и безстыдство, такъ что нельзя вдоволь разсказать и описать все... Въ тѣ времена вся обыденная жизнь ихъ проходила не въ чемъ

¹⁾ Нашерскій, Русско-Ливонск. ак. с. 337.

²⁾ Ніенштѣдтъ, Приб. Сборн. III. 390—91.

либо другомъ, какъ въ травлѣ и охотѣ, въ игрѣ въ кости и другихъ играхъ, въ катанѣ верхомъ и разъѣздахъ съ одного пира на другой . . . И кто могъ наилучше пить и бражничать, драться, колоть и бороться, ругаться, проклинать и призывать на другихъ чуму, тотъ считался первымъ молодцомъ“ ¹⁾). Словомъ, ливонцы предались праздности, широкому разгулу, невоздержанію и всякаго рода неправдамъ ²⁾). Жить среди такого общества русскимъ было, конечно, не легко, и имъ пришлось терпѣть не мало обидъ, насилій и лишеній. Такъ въ 1521 году въ Ревелѣ была насильственно похищена священническая жена какимъ то горожаниномъ Генрихомъ Витте, на котораго ревельское купечество принесло жалобу бургомистрамъ, требуя казни виновному ³⁾). Около этого же времени, какъ усматривается изъ грамотъ, хранящихся въ ревельскомъ городскомъ архивѣ, въ Ревелѣ были нанесены слѣдующаго рода обиды и несправедливости русскимъ. Ивангородскимъ купцамъ запрещено было торговать въ Ревелѣ, а отъ мѣстныхъ русскихъ купцовъ отняты по реба; у священника Іосифа ограблено судно на морѣ съ тремя ластами соли и полутораста гривнами пенязей нѣмецкихъ и русскихъ; а отъ другаго бывшаго ревельскаго священника Антонія нѣкоею нѣмкою Юркиною присвоена обманнымъ путемъ коробыя (мѣра жита въ 2½ четверти). Кромѣ того, у русскихъ купцовъ нерѣдко отнимались товары, имъ не отдавалось, что слѣдовало по условіямъ, и т. д.

Въ 20-хъ годахъ XVI вѣка въ остзейскомъ краѣ появились проповѣдники реформаціи. Можно было ожидать, что реформація не должна затронуть православія, такъ какъ она повидимому имѣла намѣреніе разразиться лишь надъ міромъ католическимъ. Однако вышло иначе. Дѣло въ томъ, что орденъ и свѣтское представительство городовъ, находившіеся издавна въ несогласіи съ духовенствомъ изъ-за господства и владѣній перешли можно сказать сразу на сторону реформаціи, лишь только ея проповѣдники появились въ Ливоніи. При этомъ

¹⁾ Ibid. 33.

²⁾ Приб. Сб. 319—332.

³⁾ Эстл. Губ. Вѣд. 1888 г. ч. неоф. с. 198.

первые, желая воспользоваться реформаціею для окончательнаго обезсиленія своихъ соперниковъ, между прочимъ возбудили противъ католичества народныя страсти. Подъ вліяніемъ внушеннаго духа фанатизма чернь святотатственно разрушала католическіе храмы, сжигая и уничтожая образа и другія принадлежности храмовъ. Въ порывѣ разыгравшейся страсти чернь не ограничилась одними католическими церквами; она устремлялась также къ храмамъ православнымъ, чтобы произвести здѣсь подобныя же безчинства. Вотъ почему реформація на первыхъ же порахъ оказалась явленіемъ крайне неблагоприятнымъ для православія. По свидѣтельству Фабриція, лифляндскаго историка конца XVI и начала XVII столѣтій, „приверженцы реформаціи сожгли ¹⁾ русскія церкви въ Ригѣ, Ревелѣ, Дерптѣ и другихъ городахъ“ во время происходившихъ въ нихъ реформаціонныхъ волненій ²⁾. Хотя приведенное свидѣтельство и не вполне согласнo съ истиною, но во всякомъ случаѣ оно имѣетъ болыное основаніе. Признаютъ, что Николаевская церковь въ Дерптѣ дѣйствительно подверглась разрушенію, съ церквами же ревельскою и рижскою это вѣроятно не случилось. Въ рижскую церковь св. Николая еще въ 1544 году архіепископъ полоцкій Симеонъ посылаетъ отъ себя священниковъ для отправленія въ ней богослуженія ³⁾; и кромѣ того имѣются извѣстія, что около 1550 года рижская Николаевская церковь была отнята у русскихъ, такъ что Москва и полоцкій католическій архіепископъ Вильгельмъ ходатайствовали, чтобы ее обратно уступили русскимъ ⁴⁾. Потому надо думать, что церковь эта уцѣлѣла отъ разрушенія. Но съ другой стороны нельзя не допустить, чтобы она вмѣстѣ съ ревельскою православною церковію не подверглась всетаки какому нибудь стѣсненію, насилію, быть можетъ, даже

¹⁾ Реформаціонныя волненія происходили: въ Ригѣ, въ 1522 г., въ Ревелѣ 1524—5 г. г. и въ Дерптѣ 1525—6 г. г. См. ст. Брахмана, Приб. Сб. III, 15—121.

²⁾ Dionisij Fabricii Livon. hist. compend. ser. 1158 — 1610 въ Script. rerum Livon. 1847 p. 471.

³⁾ Акт. Зап. Рос. II. 403.

⁴⁾ Отчетъ о розыск. . . Гильдебрандъ С.-ПБ. 1877 г. г. 1550, 1551 и 1555. Быть можетъ разрушенію подвергся монастырь русскій въ Ригѣ, о которомъ въ последующее время болѣе нигдѣ не упоминается.

раззоренію, во время ли самыхъ реформаціонныхъ волненій, или нѣсколько позднѣе. Такъ думать заставляютъ насъ помимо Фабриція еще и слѣдующаго рода свидѣтельства и извѣстія. Бреденбахъ говоритъ, что при введеніи реформаци въ Ливоніи были раззорены русскія церкви въ Дерптѣ, Ригѣ и Ревелѣ ¹⁾. Извѣстно также, что въ 1554 году между окольничимъ Адашевымъ и ливонскими послами, ведшими въ Москвѣ переговоры о возобновленіи перемирія, была рѣчь о раззоренныхъ фанатиками реформаци въ Дерптѣ, Ригѣ и Ревелѣ православныхъ церквахъ ²⁾. О подобнаго же рода насиліяхъ свидѣствуетъ и Іоаннъ Васильевичъ IV, когда, въ отвѣтъ на ходатайство датскаго короля Фридриха о Ливонцахъ, между прочимъ пишетъ: „люди ливонской земли, смотря на наши невзгоды, перестали платить дань, и въ Ригѣ церковь нашу во имя Николая Чудотворца, гридни и палаты отдали литовскимъ панамъ и купцамъ; въ Колывани русскія гридни и палаты колыванскіе люди за себя взяли, а въ Юрьевѣ церковь Николая Чудотворца раззорили, конюшню на томъ мѣстѣ поставили, а улицами русскими, палатами и погребамъ юрьевцы сами завладѣли ³⁾.“

Въ Москвѣ принималось близко къ сердцу печальное положеніе остзейскихъ православныхъ въ первой половинѣ XVI столѣтія. Василій Іоанновичъ неоднократно энергически требовалъ удовлетворенія для своихъ ливонскихъ подданныхъ то своими собственными грамотами, то чрезъ посредство ивангородскихъ намѣстниковъ; но ливонцы по обыкновенію обращали мало вниманія на все это ⁴⁾. Дѣло наконецъ стало и обостряться. Аридтъ приводитъ извѣстіе, что тотъ же великій князь Василій Іоанновичъ, узнавъ объ оскверненіи фанатиками реформаци православныхъ храмовъ въ Ливоніи, въ гнѣвѣ воскликнулъ: „я не папа и не императоръ, которые не умѣютъ защищать своихъ храмовъ ⁵⁾.“ Угрозы своей Василій Іоанновичъ однако

¹⁾ Приб. Сб. II. 341.

²⁾ Карамз. VII. гл. 9.

³⁾ Соловьевъ, VI. 154.

⁴⁾ Эстл. Губ. Вѣд. 1888 г. ч. неоф. с. 202; 1889. с. 54.

⁵⁾ Arndt Lief. Chron. 194.

не привелъ въ исполненіе. Его преемникомъ былъ Іоаннъ Васильевичъ IV. Новый Государь, пришедши въ возрастъ, обнаруживалъ отцовскій взглядъ на ливонскія дѣла, но былъ гораздо рѣшительнѣе отца, какъ на словахъ, такъ и на дѣлѣ. Получая вѣроятно много жалобъ отъ православныхъ Ливоніи, онъ около 1550 года грозно пишетъ ливонцамъ: „Необузданные Ливонцы,“ „противящіеся Богу и законному Правительству! Вы перемѣнили вѣру и свергли иго Императора и папы Римскаго; если они могутъ сносить отъ васъ презрѣніе и спокойно видѣть храмы свои разграбленными, то я не могу и не хочу сносить обиду, нанесенную мнѣ и моему Богу. Богъ посылаетъ во мнѣ вамъ мстителя, долженствующаго привести васъ въ послушаніе ¹⁾.“

Столь непріязненные отношенія Руси къ ливонцамъ, вызванныя неудовлетворенностью вѣроисповѣдныхъ дѣлъ ливонскихъ православныхъ, обострялись еще и обстоятельствами чисто политическаго характера. Извѣстно, что Москва, сдѣлавшись могущественнымъ государствомъ, стала ощущать потребность въ усвоеніи себѣ плодовъ западно-европейской цивилизаціи. Съ цѣлію удовлетворить этой нуждѣ царь Іоаннъ Васильевичъ началъ выписывать изъ за границы различнаго рода мастеровъ, въ особенности же знающихъ военное искусство. Ливонцы, признавъ это для себя опаснымъ, стали всеми мѣрами препятствовать знакомству русскихъ съ европейскими искусствами. Не ограничиваясь задерживаніемъ ѣхавшихъ на службу въ Москву въ своей странѣ, служившей, какъ извѣстно, главнымъ путемъ изъ западной Европы въ Россію, ливонцы орудуютъ въ этомъ направленіи и за границу и достигаютъ наконецъ того, что императоръ, на первыхъ порахъ покровительствовавшій эмигрантамъ, около 1550 года предписалъ магистру ливонскаго ордена, „не пропускать никого, ѣдущаго изъ священной имперіи въ Москву и другія земли и націи ²⁾. Такія козни ливонцевъ сдѣлались извѣстными въ Москвѣ, и послѣдней, конечно, желательно было уничтожить поставляемыя ей преграды, стать въ

---

¹⁾ Соловьевъ, VI. 130.

²⁾ Приб. Сб. II. 318. Карамз. VII. гл. 7.

болѣе или менѣе непосредственнымъ сосѣдствѣ съ западомъ. Для этого необходимо было возвратить себѣ старинную вотчину ливонскую. Въ приобрѣтеніи Ливоніи, страны приморской, ощущалась нужда и въ видахъ торговыхъ, въ особенности послѣ того, какъ торговля иноземными товарами во Псковѣ и Новгородѣ сильно упала. Но дѣло подчиненія Ливоніи повидимому предположено было завершить не круто, а постепенно. Указавъ на древнюю зависимость Ливоніи отъ Руси, московское правительство потребовало отъ ливонцевъ лишь дани съ дерптской области. Когда же тѣ отъ платежа дани всячески отказывались, тогда грозный царь Іоаннъ Васильевичъ началъ войну. Что однако печальное положеніе ливонскихъ православныхъ имѣло при этомъ не маловажное значеніе, — не подлежитъ никакому сомнѣнію. Вотъ, какъ приблизительно изложены причины ливонской войны самимъ же московскимъ правительствомъ въ грамотѣ его къ ливонцамъ и въ отвѣтномъ письмѣ императору Фердинанду, попытавшемуся ходатайствовать за нихъ предъ Москвою. „Послѣ того какъ съ давнихъ временъ въ ливонскихъ городахъ Дерптѣ, Ригѣ и Ревелѣ дозволено было строить русскія церкви . . . а также съ давнихъ временъ въ упомянутыхъ городахъ всѣ русскіе купцы имѣли свободный доступъ въ улицы и торговые дома, въ которыхъ свободно и безпрепятственно могли всякому продавать свои товары; къ тому же магистръ ливонскій, архіепископъ рижскій и епископъ дерптскій вмѣстѣ съ магистромъ этого города не только грамотами, скрѣпленными печатами, но и клятвенно обѣщались выплатить великому князю дань за три года,“ а также обѣщано было безъ всякихъ стѣсненій пропускать изъ за моря изъ всѣхъ земель людей, желающихъ поступить къ намъ на службу.“ Эту клятву и обѣщанія „ливонцы совершенно забыли и поступили противъ всякаго стараго согласія и справедливости: русскія церкви обратили въ оружейные склады и живодерни, иконы нашего Спасителя, досточтимыхъ апостоловъ и мучениковъ сожгли и совершенно обезчестили; у русскихъ купцовъ отняли ихъ свободный рынокъ, торговлю и торговые дома и вели съ ними только побочную торговлю, лишили ихъ всѣхъ старыхъ льготъ и преимуществъ;

также упорно ему (московскому государю) отказали въ должной дани;“ вообще, ни одного изъ обѣщанныхъ дѣлъ (съ Москвою) не уладили, не смотря на многократныя о томъ напоминанія . . . „потому (царь) долженъ былъ начать войну съ ними, испытать ихъ страхомъ и побудить къ справедливости ¹⁾.“

Война началась въ 1558 году и продолжалась 24 года. 20 лѣтъ счастье необыкновенно благопріятствовало русскимъ. Вступивъ въ Ливонію, русское войско въ одинъ мѣсяцъ прошло громадную область въ епископствахъ рижскомъ, дерптскомъ и Вирляндѣ, опустошало, раззоряло и жгло все встрѣчавшееся впереди, и нигдѣ не встрѣчало серьезнаго сопротивленія. Последняго рыцари и не могли оказать, такъ какъ теперь они были уже не грозные бойцы, а богатые помѣщики, жившіе въ свое удовольствіе, въ нѣгѣ и роскоши ²⁾. Убѣдившись въ силѣ русскихъ, они стали просить мира. Московскій царь не прочь былъ помириться, но, пока Ливонцы собирали дань и успѣли прибыть въ Москву, русскіе овладѣли Нарвою, послѣ чего условіемъ мира ливонцамъ было уже предложено: магистрамъ, рыцарямъ и бискупамъ „самимъ явиться къ царю и ударить челомъ всею ливонскою землею, а потомъ поступить такъ, какъ будетъ угодно царю ³⁾.“ Когда ливонцы на это не согласились, Іоаннъ Васильевичъ рѣшилъ завоевать ихъ страну. Въ короткое время русскіе взяли 20 городовъ и укрѣпленныхъ замковъ ливонскихъ со всѣми находящимися въ нихъ запасами и имуществомъ, при чемъ латыши и эсты повсюду принимали присягу на подданство Москвѣ ⁴⁾.

Теперь наступило сравнительно счастливое время для православія въ остзейскомъ краѣ. Желая упрочить Ливонію за Россіею, Іоаннъ Васильевичъ, по выраженію русскаго лѣтописца, „наполни грады чужіе (ливонскіе) русскими“ людьми ⁵⁾, а нѣмцевъ выселялъ въ поволжскіе города, при чемъ на мѣстѣ оставлялъ лишь тѣхъ изъ жителей завоеванныхъ городовъ, кто изъ-

¹⁾ Приб. Об. II. 354. 376—7.

²⁾ Ibid. 358—360.

³⁾ Ibid. 364.

⁴⁾ Карама. Царств. Іоан. Грозн. 1839 г. 135.

⁵⁾ Полн. С. Р. Л. IV. 318.

являть согласіе принять православіе ¹⁾. Одновременно съ этимъ онъ принялся за распространеніе и утвержденіе въ странѣ православной вѣры. По его волѣ въ завоеванныхъ городахъ построены были православныя церкви и къ нимъ приставлены причты. Сдѣлать это было тѣмъ необходимѣе, что въ городахъ и замкахъ на продолжительное время оставались русскіе гарнизоны, которые имѣли нужду въ богослуженіи и отправленіи требъ церковныхъ ²⁾. Сколько было вновь построено церквей, и въ какихъ, именно, городахъ, кромѣ Нарвы и Нейгаузена, или были онѣ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ временныя походныя—эти вопросы остаются открытыми. По свидѣтельству легата папы Григорія XIII Антонія Поссевина Іоаннъ Грозный поставилъ даже особаго православнаго епископа въ Ливоніи, и именно въ Дерптѣ. Признавъ это свидѣтельство правдоподобнымъ и сопоставивъ его съ имѣющеюся въ синодикѣ Псковопечерскаго монастыря отмѣткою о днѣ преставленія знаменитаго игумена этого монастыря священно-епископа Корнилія Юрьевского и Вельядскаго ³⁾, въ лицѣ котораго такимъ образомъ можно усмотрѣть перваго православнаго епископа ливонскаго, уяснимъ себѣ, насколько цѣлесообразнымъ являлось учрежденіе юрьевско-вельядской епископской катедры и насколько правильнымъ оказывалось назначеніе на новую катедру именно игумена Псковопечерскаго монастыря Корнилія. Въ первой половинѣ XVI вѣка успѣла уже значительно прославиться основанная дерптскимъ священникомъ Іоанномъ псковопечерская обитель. Слава

¹⁾ Ист. вѣ. пск. I. 185. Часть этихъ выселенцевъ осталась навсегда въ Россіи, а часть возвратилась обратно въ Лифляндію при Борисѣ Годуновѣ. Ibid. 245 „Кое что . . . изъ занятій Еп. Павла“. 50—51.

²⁾ Карамз. VIII. 1834. 270—84. Въ „Исторіи княжества Псковскаго“ приводится извѣстіе, что шведскій король Іоаннъ, начавъ войну съ русскими въ Ливоніи, въ 1581 году предписалъ воеводѣ Понтусу де-ла Гарди шадить въ завоеванныхъ городахъ и земляхъ ливонскихъ *русскія церкви и монастыри*, коихъ особенно по дерптскому уѣзду много построили руссіяне. III. 11.

³⁾ Uladicam id est Episcopum Dorpati imposuit. Livoniae Commentarius A. Possevino. Riga 1852. 17. О дерптскомъ епископѣ упоминаетъ и 2 новг. лѣт., подъ 1571 г., гдѣ между прочимъ указывается, что онъ жилъ въ монастырѣ юрьевскомъ. Годъ смерти епископа Корнилія неизвѣстенъ, но день преставленія его въ синодикѣ псковопечерскаго монастыря обозначается 5 числомъ февраля мѣсяца и здѣсь онъ титулуется священноепископомъ юрьевскимъ и вильядскимъ. Преемникомъ его по юрьевской катедрѣ считаютъ еп. Савву. „Кое что изъ прежн. зан. Еп. Павла“ стр. 52. Ист. вѣ. Пск. III. 11.

о ея подвижникахъ разошлась какъ на Руси, такъ въ особен-ности среди окрестной чуди. Многіе изъ остзейскихъ туземцевъ стали посѣщать новый монастырь, какъ священную обитель, и по возвращеніи домой рассказывать о святой вѣрѣ, чудесахъ и строгой жизни ея отшельниковъ. Другіе же изъ ливонскихъ туземцевъ, убѣгая отъ жестокости и преслѣдованія своихъ гос-подъ, находили здѣсь навсегда себѣ убѣжище и пріютъ ¹⁾. Про-являясь въ этомъ, обаятельное дѣйствіе православнаго монастыря скоро стало обнаруживаться и въ иномъ, именно: окрестная чудь стала обращаться въ православіе ²⁾. Мало по малу движе-ніе чуди въ православіе начинало принимать все большіе раз-мѣры, охватывая области и въ предѣлахъ Ливоніи. Извѣстно, что около половины XVI вѣка игуменъ псковопечерской обители, Корнилій, крестилъ чудь Новгородка (Нейгаузенъ) и устроилъ для нея двѣ церкви Рождественскую и Троиц-кую съ полными причтами ³⁾. Такая склонность чуди къ принятію православія, равно и такая извѣстность и значеніе въ странѣ псковопечерской обители какъ нельзя болѣе благо-пріятствовали цѣлямъ Іоанна Васильевича, жившаго, по выра-женію лѣтописца, лишь для подвиговъ войны и вѣры ⁴⁾. Можно съ вѣроятностію думать, что онъ взвѣсилъ эти благопріятныя для него условія; и, вотъ чтобы придать дѣлу распространенія православія среди ливонскихъ туземцевъ болѣе успѣха, онъ и учреждаетъ особенную епископскую кафедру въ центрѣ страны и назначаетъ на нее именно игумена псковопечерскаго монастыря Корнилія, какъ человѣка извѣстнаго и авторитетнаго, опытнаго

---

¹⁾ „Остзейскій вопр. и православіе“, стр. 15. Трусманъ. „Полувѣрцы Псково-Печерскаго края“, стр. 50.

²⁾ Быть можетъ, архіеп. новгородскій Макарій главнымъ образомъ имѣлъ въ виду именно новообращенную чудь печерскую, когда въ 1534 году предписалъ нѣкоторымъ монастырямъ псковской области позаботиться о разрушеніи молебницъ и искорененіи обрядовъ языческихъ у новообращенной чуди. То же сдѣлалъ и его преемникъ архіеп. Феодосій. Ист. вѣн. Пск. III. 6.

³⁾ *Ibid.* 10. Потомки присоединившихся въ XVI вѣкѣ эстовъ извѣстны въ настоящее время подъ именемъ „полувѣрцевъ“, живущихъ въ псковской губерніи и сохранившихъ навсегда разъ принятую ими православную вѣру. Насчитывается ихъ около 13 тысячъ. Трусманъ, „Полувѣрцы“... 49.

⁴⁾ Карамз. VIII. 1834. с. 261.

и знакомаго съ условіями страны и жизнью туземцевъ. Такимъ образомъ въ ливонскую войну дѣло православія въ остзейскомъ краѣ поставляется въ необыкновенно благоприятныя для него условія. Это справедливо впрочемъ лишь относительно восточной Ливоніи. Города Рига и Ревель не были взяты русскими. Очень вѣроятно, что во время войны въ этихъ городахъ русскихъ почти и не было. Ніенштедтъ свидѣтельствуетъ, что предъ началомъ войны ливонскимъ русскимъ предписано было переѣхать въ Россію, что они будто и сдѣлали ¹⁾. Но благоприятное для православія время длилось не долго. Въ 1577 году счастье измѣняетъ русскому оружію. Ливонскіе нѣмцы, не желая подчиниться русскимъ, овладѣвшимъ почти всѣмъ ихъ краемъ, и въ то же время не находя ни откуда для себя помощи безъ существенныхъ обѣщаній, отдаются, наконецъ, частію полякамъ, частію шведамъ, которые и начали защиту Ливоніи противъ Москвы ²⁾. Велики были силы послѣдней, но западное военное искусство взяло верхъ надъ ними. Ливонская война окончилась печально для русскихъ. По перемирнымъ условіямъ 1583 года шведы сдѣлались хозяевами не только всей Эстляндіи, но и двухъ русскихъ городовъ Ямы и Копорья; а еще раньше, въ 1582 году, польскій король Стефанъ Баторій заставилъ Іоанна Васильевича отказаться отъ всѣхъ завоеванныхъ имъ ливонскихъ городовъ и кромѣ того Полоцка ³⁾. Слѣдовательно, планы Іоанна Грознаго по завоеванію края рушились. Вмѣстѣ съ этимъ рушились и всѣ его предначинанія здѣсь на пользу православной вѣры. Послѣ сдачи полякамъ ливонскихъ городовъ, русскіе, находившіеся здѣсь, выселяются обратно въ Россію. Карамзинъ, рассказывая объ этомъ, между прочимъ говоритъ, что русскіе „согласно съ договоромъ, выѣзжая со своими дѣтьми и женами въ Новгородъ и Псковъ изъ Ливоніи, въ которой они уже давно жительствова-вали какъ въ отчествѣ, имѣли семейства, дома, храмы, епископію въ Дерптѣ, въ послѣдній разъ слыша тамъ благовѣсть право-

¹⁾ Приб. Сборн. IV. 9.

²⁾ Рюссовъ, Приб. Сб. III. 130—2. 323. 328.

³⁾ Ibid. III. 332. 350—2.

славія и моляся Господу по обрядамъ нашей церкви, смиренной, изгоняемой, горько плакали, а всего болѣе надъ гробами своихъ ближнихъ ¹⁾. Съ поселенцами и войсками выселялось и православное духовенство, унося съ собою церковную утварь и принадлежности храмовъ ²⁾. Епископъ Юрьевскій, по свидѣтельству Поссевина, былъ также изгнанъ изъ Дерпта въ 1582 г., послѣ чего и самая епископская кафедра юрьевско - вильядская, конечно, упразднилась ³⁾. Въ Дерптѣ изъ русскихъ осталось лишь небольшое число купцовъ, которымъ однако велѣно было снести гостинный дворъ свой изъ города въ предмѣстье, и только чрезъ 10 лѣтъ по особенному разрѣшенію Сигизмунда III они могли опять поставить его въ городѣ ⁴⁾.

Такая перемѣна произошла въ судьбѣ православія въ тѣхъ областяхъ, которыя были завоеваны русскими и затѣмъ въ силу обстоятельствъ уступлены болѣе счастливымъ претендентамъ. Но измѣнились ли жизненныя условія православія по окончаніи ливонской войны въ Ригѣ и Ревелѣ, то есть, въ городахъ, которые, какъ мы замѣтили, не переходили подъ власть русскихъ, и въ которыхъ во время войны православныхъ, быть можетъ, насчитывалось самое незначительное число? Здѣсь также судьба православія измѣнилась, и тоже къ худшему. Вотъ что между прочимъ произошло въ Ригѣ въ 1582 году по изслѣдованію Гутцейта. „Русская православная церковь св. Николая была подарена Баторіемъ въ собственность городу. Вслѣдствіе этого городской совѣтъ поручилъ ратману Голлеру принять имущество русской церкви и употребить его въ пользу Іоанновской кирхи. Церковь эта, вѣроятно уже раньше, или со временъ реформациі, или со времени вторженія русскихъ въ Лифляндію, была оставлена духовенствомъ и стала разрушаться. Въ ней нашлось: два колокола, два мѣдныхъ паникадила, одно поломанное — все это было обращено въ одно паникадило для Іоанновской кирхи; — деревянный ящикъ съ истлѣвшими ризами

¹⁾ Карамз. Ист. Гос. Рос. СПб. 1889. стр. 316.

²⁾ Ист. кн. Пск. I. 244.

³⁾ Liv. Comment. 19.

⁴⁾ „Кое-что изъ прежн. занят. Еп. Павла, стр. 53.

два деревянныхъ крестика, обитыхъ тонкимъ серебромъ; одинъ кривой кусокъ серебра, нѣсколько русскихъ книгъ и нѣсколько кусковъ восковыхъ свѣчъ. Образа у иконостаса отъ сырости испортились и облупились. 22 марта 1583 года Голлеръ нашелъ на чердакѣ надъ каменнымъ куполомъ около 8 1/2 пудовъ воску, который отъ долгаго лежанія не имѣлъ уже никакого вида. Также найдены были нѣсколько образовъ въ посеребренныхъ жестяныхъ рамкахъ; столбикъ съ нѣсколькими марками денегъ и мѣдная поломанная наковальня, которая была продана мѣднику за 33 марки. Всѣ доходы, которые получала русская церковь (быть можетъ съ какого нибудь участка земли или зданій) также пошли на Иоанновскую кирху ¹⁾."

Въ Ревелѣ дѣло обстояло не лучше. По случаю войны русскіе торговые люди повыѣхали отсюда, и церковь пришла въ упадокъ и запустѣніе. Полагаютъ, впрочемъ, что еще давно до начала войны она была отнята у русскихъ и превращена въ складочное мѣсто. ²⁾ Въ состояніи запустѣнія она вѣроятно находилась долго послѣ окончанія ливонской войны, такъ какъ не скоро опять завели здѣсь свои торговые дѣла русскіе купцы, сильно стѣсненные въ своихъ прежнихъ правахъ и преимуществахъ.

И такъ, въ первые же годы по окончаніи ливонской войны судьба православія принимаетъ во всемъ краѣ крайне неблагопріятное чтеніе. Но какъ шло дѣло далѣе?

Съ польскимъ владычествомъ въ Лифляндіи чуть было не восторжествовало снова католичество ³⁾; сюда нахлынули даже іезуиты ⁴⁾; такъ что при такихъ условіяхъ положеніе православія, конечно, не могло улучшиться. Вскорѣ разгорѣлась война поляковъ съ шведами, продолжавшаяся 60 лѣтъ и окончившаяся въ 1660 году переходомъ всего остзейскаго края, за исключеніемъ Курляндіи, подъ владычество шведовъ. И это обстоятельство не принесло ничего утѣшительнаго для православія. Напротивъ, со времени шведскаго владычества, право-

¹⁾ Mittheil. aus d. Livl. Gesch. X 1863. 329—330.

²⁾ Эст. губ. в. 1888. ч. неоф. стр. 210.

³⁾ Comment. Liv. 32. 34.

⁴⁾ Въ Ригу въ 1582 и Дерптъ въ 1583 г. г.

славные попали, такъ сказать, изъ огня да въ полымя. По свидѣтельству прусскаго профессора Бранда, лютеране, заступившіе мѣсто католиковъ, не позволяли православнымъ, какъ и всѣмъ не лютеранамъ, имѣть своихъ храмовъ въ Лифляндіи ¹⁾. Въ виду стѣсненія торговли русскихъ, послѣдніе вновь прибывали въ край въ незначительномъ количествѣ. Пріѣзжали обыкновенно лишь тѣ, которые въ силу какого либо страха скрываясь отъ преслѣдованій на родинѣ надѣялись найти здѣсь убѣжище, — именно, по преимуществу раскольники. Неизвѣстно, гдѣ и какъ удовлетворялись религіозныя потребности православныхъ въ Ригѣ съ 1582 года до половины XVII вѣка. По всей вѣроятности только не въ церкви, такъ какъ о ней послѣ означеннаго года до самаго покоренія края русскими (1710 г.) нигдѣ не встрѣчается упоминаній. Съ половины же XVII вѣка (собств. съ 1633 г.) въ Ригу пріѣзжали монахи на лѣто попеременно изъ Витебскаго Марковскаго и изъ Полоцкаго Богоявленскаго монастырей, чтобы совершать богослуженіе и отправлять требы для православныхъ рижанъ. Право на то вышеозначенные монастыри впервые испросили у кіевскаго митрополита Петра Могилы; послѣ него право это было подтверждено: бѣлорусскимъ епископомъ Θεодосіемъ и кіевскими владыками — Гедеономъ Святополкомъ въ 1687 г., Варлаамомъ Ясинскимъ въ 1690 г. и Серапіономъ Польшовскимъ въ 1699 г. Къ указаннымъ епископамъ Витебскій и Полоцкій православные монастыри обращались по той причинѣ, что ближайшій полоцкій владыка принялъ унію ²⁾. Монахи обыкновенно пріѣзжали весною съ походною церковью, которую ставили на берегу Двины близъ карловскихъ воротъ, и осенью возвращались обратно домой, такъ что на зиму православные рижане оставались безъ священнослужителей, безъ богослуженій и церкви ³⁾.

Въ Дерптѣ православные также не имѣли своей церкви. Церковь св. Николая, поврежденная въ XVI вѣкѣ фанатиками

¹⁾ Joh. Arnolds v. Brand Reisen durch die Preussen, Churland, Lief . . . Wesel. 1702. s. 118.

²⁾ Акт. Зап. Росс. V т. док. 164 и 278. Бѣлорусск. арх. I. док. 45, 170, 46, 48.

³⁾ „Кое что . . . * 61.

реформации, въ XVII столѣтіи была окончательно разрушена шведами ¹⁾, послѣ чего уже до самаго русскаго владычества не видно, чтобы здѣсь существовали православные храмы.

Въ Ревелѣ обстоятельства сложились нѣсколько иначе. Лѣтъ 20 спустя по окончаніи ливонской войны усиленными стараніями и просьбами здѣшнимъ также не многочисленнымъ православнымъ удалось добиться разрѣшенія возобновить свою полуразрушенную Николаевскую церковь, долгое время стоявшую въ залустьіи. Дѣло возобновленія повидимому не обошлось безъ пожертвованій изъ Руси, даже отъ царскихъ особъ ²⁾. Послѣ возобновленія въ Ревельской Николаевской церкви отпраздновалось православное богослуженіе во все время до ея перестройки въ 1731 году, только не безъ перерывовъ, а съ тѣми промежутками времени, когда ключи отъ нея городскими властями почему либо отбирались, или когда за отъѣздомъ русскихъ купцовъ на родину въ Ревелѣ изъ православныхъ почти никого не оставалось ³⁾.

Въ 1700 году началась великая сѣверная война, война по возвращенію русскими старинной ливонской своей вотчины. Она окончилась нейштадтскимъ миромъ (1721 г.), по которому нынѣшнія Эстляндія и Лифляндія навсегда утверждены были за Россією. По сдачѣ ливонскихъ городовъ въ нихъ нигдѣ, кромѣ Ревеля, не оказалось православныхъ церквей. Но лишь только русскіе укрѣпились въ странѣ, судьба православія здѣсь принимаетъ совершенно иное теченіе, она круто измѣняется къ лучшему.

Но кромѣ Риги, Дерпта и Ревеля въ краѣ былъ еще пунктъ, гдѣ издавна пріютилось и отстаивало свое существованіе православіе. Пунктъ этотъ была мѣстность на Двинѣ, гдѣ нынѣ стоитъ г. Якобштатъ. До второй половины XVII столѣтія объ

¹⁾ Thäger . . . в. 10 — 11.

²⁾ Въ ревельской николаевской церкви еще въ настоящее время имѣется лампада, передѣланная изъ подсвѣчника, съ надписью, которая показываетъ, что она пожертвована въ ревельскую Николаевскую церковь царемъ Борисомъ Годуновымъ въ 1599 году. Эстл. Губ. В. 1886 г. ч. неоф. стр. 210.

³⁾ Чистовичъ, Истор. правосл. въ Финл. 145 — 47 и 149 — 50; Эстл. Г. В. 1888 г. неоф. 210.

этой мѣстности почти ничего не извѣстно. Не смотря однако на то, можно съ большею или меньшею вѣроятностію предполагать, что здѣсь, какъ мы имѣли случай замѣтить уже раньше, съ весьма давнихъ временъ поселились русскіе и, что они, образовавъ здѣсь православно-русскую слободу, по временамъ имѣли въ ней и свои храмы. Со второй половины XVII вѣка объ этой русской слободѣ мы имѣемъ сравнительно большіе свѣдѣніи. Слѣдуетъ замѣтить, что означенная слобода находилась въ Курляндіи. Курляндія же издавна управлялась собственными герцогами, которыхъ мы видимъ здѣсь еще и въ XVIII столѣтіи. Когда Польша подчинила себѣ Курляндію, то приобрѣла лишь верховныя права надъ нею, а внутреннее управленіе по прежнему оставалось за курляндскими герцогами. Отъ послѣднихъ въ нѣкоторой степени зависѣло и положеніе православныхъ въ этой области. Извѣстно, что одинъ изъ курляндскихъ герцоговъ, по имени Яковъ, благосклонно относился къ православнымъ. Въ 1670 г. онъ предоставилъ разныя привилегіи русской слободѣ на Двинѣ, вслѣдствіе чего разбѣжавшіеся отсюда во время войны православные возвратились на старое мѣсто жительства. Православнымъ между прочимъ позволено было имѣть здѣсь свои церкви и училища и на первоначальную постройку ихъ отпускалъ даже готовый матеріалъ. Скоро это мѣстечко разрослось въ цѣлый городъ, въ которомъ не только появились православные храмы и монастыри съ собственными земельными угодіями, но даже образовалось православное братство при мѣстной церкви св. Николая. Новый городъ отъ имени своего основателя — герцога Якова названъ былъ Якобитатомъ. Пользуясь разными льготами и свободой со стороны правителей области, православные могли бы здѣсь долго благоденствовать; — но вышло иначе. И здѣсь появились для нихъ враги; именно, унія и іезуиты. Унія оказалась здѣсь тѣмъ опаснѣе, что ее въ числѣ другихъ западно-русскихъ епископовъ принялъ и архіепископъ Полоцкій, въ вѣдѣніи котораго находились якобитатскіе православные. Послѣднимъ послѣ этого необходимо было обращаться за различными религіозными нуждами уже къ болѣе отдаленнымъ епископамъ, оставшимся вѣрными православію — къ епископу

могилевскому и даже къ мѣтрополитамъ кѣвскимъ. Іезуиты появились въ Якобштатѣ около начала XVIII-го вѣка и повели здѣсь свою дѣятельность такъ успѣшно, что къ концу этого же XVIII столѣтія почти всѣ Якобштатскіе православные въ томъ числѣ и братчики совратились въ латинство, или унію. Вѣрными православію остались весьма немногіе, преимущественно, монахи; и положеніе этихъ немногихъ оказалось весьма печальнымъ. Іезуиты ухитрились лишить православныхъ прежнихъ правъ и льготъ, отнять у православнаго святодуховскаго монастыря всѣ прежнія угодія и доходы. Недовольствуясь этимъ, іезуиты издѣвались надъ православными монахами, сочиняли на нихъ разные пасквили, публично ругали и даже били ихъ; наконецъ они вооружили здѣсь противъ православія почти все мѣстное неправославное населеніе ¹⁾. Въ силу такихъ въ высшей степени неблагопріятныхъ условій православіе безспорно погасло бы въ этой мѣстности, если бы въ концѣ XVIII-го вѣка на выручку ему не подоспѣли обстоятельства. Въ 1795 году произошелъ третій раздѣлъ Польши, послѣ чего вся Курляндія отошла къ Россіи.

Если мы теперь подведемъ итогъ всему сказанному въ настоящей статьѣ, то получимъ слѣдующій общій выводъ.

Съ утвержденіемъ въ прибалтійскомъ краѣ нѣмцевъ и съ введеніемъ въ немъ католической вѣры православіе искореняется съ туземной почвы, на которой начало было распространяться, но окончательно въ странѣ всетаки не исчезаетъ, не смотря на тотъ крайне враждебный по отношенію къ нему духъ, которымъ пропитаны были поселившіеся здѣсь въ качествѣ владѣльцевъ завоеванной области, нѣмцы, ревнители по католической вѣрѣ. Благопріятныя для международной торговли условія страны привлекаютъ сюда болѣе или менѣе значительное число русскихъ торговыхъ людей, которые и являются здѣсь дальнѣйшими носителями православія. Во вновь возникшихъ ливонскихъ торговыхъ центрахъ русскіе заводятъ свои „русскіе концы“, а нѣмецкія конторы въ свою очередь возникаютъ въ

¹⁾ „Кое что изъ прежн. занят. Еп. Павла стр. 58 — 59. 71. 84.

городахъ русскихъ. Такое положеніе вещей вызываетъ между-народные договоры, которыми для представительствъ сторонъ на чужбинѣ между прочимъ выговаривается право свободно исповѣдывать свою вѣру и имѣть свои церкви. Благодаря этому въ русскихъ концахъ остзейскаго края скоро появляются православные храмы. Въ періодъ процвѣтанія торговыхъ сношеній ливонскихъ городовъ съ русскими православіе подызуется въ странѣ сравнительнымъ спокойствіемъ, хотя духъ религіозной нетерпимости католиковъ - нѣмцевъ всетаки всегда бодрствуетъ и по временамъ даетъ себя чувствовать православнымъ, иногда даже въ жестокихъ притѣсненіяхъ, и по преимуществу въ тѣ періоды времени, когда торговые договоры между сторонами почему либо разрываются. Съ упадкомъ же нѣмецкой торговли съ русскими, много зависѣвшемъ отъ нѣкоторыхъ политическихъ видовъ усилившейся Москвы, и положеніе православія въ остзейскомъ краѣ ухудшается, почва подъ нимъ дѣлается колеблющеюся, такъ какъ торговые договоры теряютъ свое прежнее значеніе, это — съ конца XV столѣтія. Обострившіяся около этого же времени политическія отношенія между Ливонією и Русью, переходящія нерѣдко въ ожесточенныя войны, приносятъ также много бѣдъ ливонскимъ православнымъ. Въ первой половинѣ XVI вѣка бѣдствія послѣднихъ увеличиваются еще двумя новыми мѣстными явленіями, — распущенностью нравовъ ливонскаго общества и введеніемъ въ краѣ протестантства. Во время реформатскихъ волненій здѣсь между прочимъ были частію разрушены, частію раззорены православные храмы. Въ ливонскую войну обстоятельства измѣняются къ лучшему. Русскіе овладѣваютъ почти всею Ливонією и въ видахъ упроченія ея за собою помѣщаютъ въ мѣстныхъ городахъ и замкахъ свои гарнизоны, остающіеся въ нихъ болѣе 20 лѣтъ. Въ этотъ періодъ времени въ завоеванной области православіе пользуется, такъ сказать, всѣми правами гражданства. Мало того, въ странѣ строятся новые православные храмы и, что въ особенности знаменательно, учреждается особая епископія. Но планъ Москвы по завоеванію Ливоніи не удался. Русскіе должны были уступить ее полякамъ и шведамъ, послѣ чего для ливонскихъ пра-

вославныхъ снова наступаютъ времена крайне тяжелыя и неблагоприятныя. Торговля русскихъ въ странѣ сильно притѣсняется и еще болѣе падаетъ. Оттого русскій элементъ здѣсь необыкновенно оскудѣваетъ, и православные храмы приходятъ въ упадокъ и запустѣніе, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ со временемъ и совѣмъ исчезаютъ. Такъ дѣло продолжалось до самаго присоединенія Ливоніи къ Россіи, послѣ чего жизненныя условія православія въ странѣ круто измѣнились къ лучшему.

Присоединеніе Ливоніи къ Россіи и состояніе православія до обращенія Латышей и Эстовъ въ Православіе въ 1841 г. Управление Православной церкви въ Прибалтійскихъ губерніяхъ со времени присоединенія Ливоніи къ Россіи ¹⁾.

Завоеваніе Лифляндіи Петромъ I-мъ. Съ началомъ XVIII вѣка кончились притѣсненія и нетерпимость, какимъ въ продолженіи нѣсколькихъ вѣковъ подвергалась православная вѣра и ея исповѣдники въ Ливоніи сперва отъ католиковъ, потомъ отъ протестантовъ. Богъ послалъ ей защитника и возстановителя въ лицѣ своего избранника Благовѣрнаго царя Петра I, великаго Преобразователя Россіи и православная вѣра снова возсіяла въ Лифляндіи и Курляндіи, нѣкогда впервые озаренныхъ ея свѣтомъ.

Извѣстна война Петра Великаго съ Шведскимъ королемъ Карломъ XII. Эта война, объявленная Карлу въ 1700 году, началась собственно въ Ливоніи осадою Нарвы. Карлъ, разбивши осаждавшее ее Русское войско и поручивши потомъ защиту Лифляндіи и Эстляндіи Шлиппенбаху, обратился на Августа II и шесть лѣтъ гонялся за нимъ по Польшѣ и Саксоніи съ непремѣннымъ намѣреніемъ лишить его польскаго престола. А между тѣмъ Петръ, пользуясь этимъ временемъ, приготовлялъ

---

¹⁾ Статья эта, на основаніи изслѣдованій Еп. Павла „Кое - что изъ прежнихъ его занятій“, а также и архивныхъ данныхъ, хранящихся въ мѣстной консисторіи, составлена бывшимъ преподавателемъ Рижской духовной семинаріи Ив. Шаховымъ и предназначалась имъ къ напечатанію, но въ свое время не была напечатана, теперь же протоіереемъ Н. Дмитревскимъ провѣрена и пополнена очеркомъ объ управленіи Православной церкви въ Прибалтійскихъ губерніяхъ со времени присоединенія Ливоніи къ Россіи.

новыя сильнѣйшія средства къ войнѣ и русскія войска подъ начальствомъ графа Б. П. Шереметева стали мало по малу не только одерживать небольшія побѣды надъ Шведами, но и завоевывать города. Наступательныя движенія Русскихъ войскъ начаты въ Сентябрѣ 1701 г. сыномъ графа Б. П. Шереметева, разбившимъ отрядъ Шведскаго войска при мызѣ Раппинѣ (въ Дерптскомъ уѣздѣ). Затѣмъ въ Декабрѣ того же года самъ фельдмаршалъ разбилъ Шведскаго генерала Шлиппенбаха при мызѣ Ерресферѣ (въ нѣсколькихъ миляхъ отъ Дерпта) ¹⁾. Въ Августѣ 1702 г. взяты русскими Мариенбургъ (въ Валкскомъ уѣздѣ) и Вольмаръ; въ Маѣ 1704 г. Шведы были отгнаны отъ озера Пейпуса, въ Іюнѣ того же года осажденъ былъ г. Дерптъ — древній Юрьевъ, а въ Іюлѣ этотъ „праотеческій“ городъ въ присутствіи самого Петра взятъ былъ приступомъ; въ Августѣ взята приступомъ Нарва съ Иванъ - городомъ. Въ Іюлѣ 1705 г. Русскіе, несмотря на пораженіе отъ Шведовъ при Генауертгофѣ, взяли Баускъ, г. Митаву, а затѣмъ овладѣли всею Курляндіею, въ Лифляндіи же оставалась еще непокоренною одна только Рига и то потому, что Петръ обратился съ главными силами въ Литву для соединенія съ королемъ Августомъ. Но послѣ славной и чрезвычайно важной для Россіи побѣды подъ Полтавою (27 Іюня 1709 г.), уничтожившей всѣ замыслы Карла XII противъ Россіи, Петръ I-й послалъ фельдмаршала Шереметева къ Ригѣ съ тридцатью тысячами войска. Осада началась въ Октябрѣ того же года. 2-го Ноября прибылъ въ русскій лагерь подъ Ригу Государь и 14-го самъ бросилъ изъ трехъ мортиръ три бомбы ²⁾. Съ 13 Апрѣля 1710 года началась рѣшительная осада Риги; въ ночь на 31 Мая русскіе овладѣли форштадтами; 4 Іюля была подписана фельдмаршаломъ капитуляція г. Риги; въ тотъ же день вечеромъ князь Рѣпинъ занялъ городъ и замокъ отрядомъ русскихъ войскъ, а 10 Іюля Шведскій Генераль - Губернаторъ Риги графъ Штральбергъ

¹⁾ За эту побѣду графъ Шереметевъ получилъ санъ фельдмаршала и орденъ св. Анны первой степени.

²⁾ Одна изъ бомбъ упала въ Петеркирху, другая — на больверкъ, а третья въ домъ какого-то купца.

выступилъ съ остатками Шведскаго войска изъ цитадели и города. Юля 12 фельдмаршалъ графъ Б. П. Шереметевъ имѣлъ торжественный въѣздъ въ Ригу чрезъ Карловскія ворота, предъ которыми былъ встрѣченъ магистромъ города, поднесшимъ ему золотые ключи ¹⁾ Риги при громѣ пушечныхъ выстрѣловъ съ городскихъ валовъ. Въ замкѣ фельдмаршалъ былъ встрѣченъ дворянствомъ, магистратомъ и духовенствомъ (лютеранскимъ) и привѣтствованъ рѣчью. За тѣмъ въ его присутствіи, въ замковой кирхѣ присягнули дворянство и духовенство, а въ ратушѣ магистратъ г. Риги на вѣрноподданство русскому царю. Покореніе остальныхъ городовъ и мѣстъ Ливоніи было окончено въ томъ же году, именно 1 Августа взятъ Динаминдъ, 14-го Перновъ, 15-го Арнсбургъ на островѣ Эзелѣ, 29-го Сентября Ревель ²⁾. Такимъ образомъ вся такъ называемая Шведская Ливонія (нынѣшнія губерніи Лифляндская и Эстляндская) — древнее достояніе Россіи, отторгнутое отъ нея мечемъ нѣмецкихъ пришельцевъ и стеченіемъ неблагопріятныхъ историческихъ обстоятельствъ, — снова возвратилось подъ скипетръ русскихъ государей и Ньюштадтскимъ миромъ (30 Августа 1721 года) утверждена за Россією на вѣчныя времена. Въмѣстѣ съ возвращеніемъ этой страны подъ власть православнаго царя, въ ней снова возсіяла православная вѣра подъ сѣнію Православной Восточной Каѳолической Греко-россійской церкви.

Первыя православныя церкви въ Лифляндіи послѣ ея завоеванія. При завоеваніи Лифляндіи Русскими войсками, при занятіи ими городовъ и мѣстечекъ они вездѣ находили одни только лютеранскія кирхи и ни одного православнаго храма. Такъ чрезъ пять дней по взятіи Дерпта (1704 г.) графъ Б. П. Шереметевъ приказалъ очистить лютеранскую кирху св. Іоанна для того, чтобы въ ней можно было совершать богослуженіе по Православному обряду для царя Петра и Великаго Князя Алексѣя Петровича. Въ Ригѣ также не оказалось ни одного православ-

¹⁾ Эти ключи числомъ два были золотые; царь подарилъ ихъ Шереметеву.

²⁾ Эти краткія свѣдѣнія о завоеваніи Лифляндіи и Эстляндіи заимствованы главнымъ образомъ изъ журнала Петра Вел. ч. 1, СПб. 1770 г.

наго храма и благодарственное молебствіе о взятіи города было отправлено Русскими (12-го Іюля предъ вѣздомъ фельдмаршала въ городъ) въ лагерь; въ Ригу съ давнихъ поръ ¹⁾ пріѣзжали на стругахъ монахи Полоцкаго и Витебскаго монастырей православныхъ совершать божественную службу для русскихъ купцовъ и привозили съ собою полотняную церковь ²⁾. Между тѣмъ въ Ригѣ и въ другихъ городахъ и мѣстахъ Лифляндіи оставлены были по завоеваніи Русскіе войска; кромѣ того въ слѣдующемъ (1711) году дозволено было русскимъ купцамъ и ремесленникамъ поселяться въ Ригѣ и въ другихъ мѣстахъ ³⁾. Для удовлетворенія ихъ духовнымъ религіознымъ потребностямъ нужны были православные священники и храмы. Поэтому одною изъ первыхъ заботъ Петра I-го (бывшаго въ Ригѣ въ 1711, 1712, 1714, 1716 и 1721 годахъ) было построеніе постоянныхъ церквей, которыя были бы и полковыми для войскъ и вмѣстѣ приходскими для прочихъ православныхъ жителей Лифляндіи. И хотя неизвѣстно съ точностію въ которомъ году построены въ Лифляндіи первые православные храмы послѣ ея завоеванія, однако же изъ дѣлъ, хранящихся въ архивѣ рижской духовной консисторіи, видно, что уже въ царствованіе Петра I-го и при томъ вскорѣ послѣ завоеванія Лифляндіи были церкви: въ Ригѣ — одна соборная Петропавловская и три приходскія: 1) Алексѣевская въ городѣ, 2) Успенская въ замкѣ и 3) Благовѣщенская съ придѣльною Николаевскою на русскомъ рынкѣ (на Московскомъ форштадтѣ) и кромѣ того двѣ церкви

---

¹⁾ Кіевскій митрополитъ Петръ Могила далъ монахамъ братскаго Богоявленскаго монастыря въ Полоцкѣ, еще при самомъ началѣ его существованія (осн. 1633 г.), благословеніе и привилегію на вѣчныя времена, безъ всякаго препятствія со стороны монастырей Дисенскаго и Друйскаго (бывшихъ тогда на Двинѣ) свободно ѣздить въ г. Ригу каждый годъ, поочередно съ монахами монастыря св. Марка въ Витебскѣ, для совершенія Божественной службы и другихъ священнодѣйствій Православнымъ купцамъ, пріѣзжавшимъ туда изъ разныхъ мѣстъ. Это право утверждали за Богоявленскимъ и Марковымъ монастырями и преемники Петра Могилы. Акт. Зап. Рос. Т. V, № 164.

²⁾ Указомъ Св. Синода 1756 года 17 Іюля монахамъ Полоцкаго Богоявленскаго и Витебскаго Маркова монастырей разрѣшено было поставить па берегу р. Двины привезенную ими на стругахъ деревянную церковь.

³⁾ Richter Th. 11. В. 2, § 326.

въ Перновѣ и одна церковь въ Дерптѣ (всего въ Лифляндіи семь церквей полковыхъ и вмѣстѣ приходскихъ).

Когда Императоръ Петръ Великій въ 1710 г. отнялъ у Шведовъ г. Ригу, тогда въ Рижской цитадели была маленькая деревянная церковь во имя св. Наталіи, построенная Шведскимъ Правительствомъ для войска, находившагося въ цитадели. Петръ В. повелѣлъ освятить эту церковь въ Православную и наименовать оную Петропавловскою, что было исполнено въ томъ же 1710 г. Эта церковь въ послѣдующихъ актахъ называется церковію соборною. О соборной церкви въ Ригѣ упоминается уже въ 1715 году по тому случаю, что въ нее посланы два причетника. Отъ 1723 года хранится указъ на имя Рижскаго Протоіерея Тимоѳея Корейши. Изъ позднѣйшихъ же дѣлъ (1726 г.) видно, что Рижскимъ протопоиомъ называется именно протоіерей (титлуемый еще протопресвитеромъ) соборной церкви во имя св. ап. Петра ¹⁾ и Павла и что при ней были кромѣ протоіерея два священника, одинъ діаконовъ и три причетника. Въ одномъ документѣ 1730 года говорится, что изъ старой соборной Петропавловской церкви (въ 1728 г. выстроена была новая какъ будетъ показано ниже) иконостасъ присланъ въ Динаминдскую церковь (выстроенную въ 1729 г.). Неизвѣстно только гдѣ она находилась. Прихожанами къ ней были, кажется, одни солдаты и она находилась въ вѣдѣніи и на попеченіи военнаго начальства. Въ 1728 г. была устроена новая соборная церковь (вѣроятно деревянная, потому что въ 1773 году сдѣлалась уже очень ветхою — съ колокольнею на деревянныхъ столбахъ) и въ томъ же году (указомъ Еп. Псковскаго Рафаила отъ 27 Апрѣля) протопресвитеру соборной церкви Симеону Ярмѣрковскому велѣно: „по уставу освятить новоустроенную церковь, которая въ цитадели сочиняется“ — при чемъ присланъ и антиминсъ. Въ другомъ указѣ (отъ 9 Декабря того

---

¹⁾ Самый храмовой праздникъ ея — день тезоименитства Петра I-го также указываетъ на то, что эта церковь устроена по повелѣнію и при помощи Императора.

же года ¹⁾ эта церковь именно названа соборною церковію во имя св. апостоловъ Петра и Павла. Эта церковь существовала до 1780 года, когда по ходатайству епархіального начальства и генераль-губернатора воспослѣдовало Высочайшее повелѣніе Императрицы Екатерины II-й о построеніи новаго каменнаго собора съ каменною колокольнею и ассигнована на это сумма. Тогда старая перковь была разобрана и на ея мѣстѣ начато построеніе новой, которая въ концѣ 1785 г. была совсѣмъ готова, какъ снаружи такъ и внутри и въ Январѣ (3 числа) 1786 г. по указу и благословенію псковскаго Архіепископа Ириней торжественно освящена соборомъ всего рижскаго и окрестнаго духовенства. Эта каменная соборная церковь стоитъ и теперь.

О церкви Алексѣевской несомнѣнно извѣстно, что Петръ I-й вскорѣ по взятіи Риги приказалъ перестроить приспособительно къ православному богослуженію бывшую католическую церковь св. Магдалины, которая нѣкогда принадлежала женскому монастырю Бенедиктинокъ ²⁾, а въ то время стояла пустою; перестроенная церковь освящена была во имя св. Алексѣя человѣка Божія. Неизвѣстно, въ которомъ именно году она устроена и освящена; но изъ дѣлъ 1725 года видно, что при ней уже до этого времени были два священника, діаконъ и причетникъ. Въ 1746 году имяннымъ Высочайшимъ указомъ (11 марта) велѣно Алексѣевскую церковь, сдѣлавшуюся весьма ветхою, разломать и на ея мѣсто выстроить новую. Въ 1748 г.

---

¹⁾ Этимъ указомъ Еп. Рафаиль предписывалъ протопопу пріостановить освященіе соборной церкви „того ради (сказано въ указѣ) понеже мы увѣдомились, что тоя церковь имѣтъ быть олтаремъ не на востокъ, но на полдень“. Но третьимъ указомъ (отъ 30 Ноября того же года) опять велѣно освятить эту церковь „для отправления службы Божіей, пока мѣстъ построена будетъ другая“, которую построить общалъ тогдашній Генераль-Губернаторъ Чернышевъ.

²⁾ Этотъ монастырь былъ основанъ Рижскимъ Архіепископомъ Альбертомъ II въ 1257 г.; монахини въ немъ были всѣ изъ благородныхъ и во времена реформациі онъ не былъ разрушенъ принявшими ее гражданами, которые не хотѣли оскорбить этимъ дворянъ. Во времена владычества поляковъ въ Лифляндіи эта церковь принадлежала іезуитамъ; когда же они были выгнаны (1621 г.) изъ Риги, то она опустѣла. При шведскомъ владычествѣ она была гарнизонною. См. Hupel Topogr. Nachr. Th. III, S. 38.

на мѣсто разобранной старой церкви еще строилась новая. На время постройки причтъ Алексѣевской церкви былъ прикомандированъ къ собору. Въ 1749 г. новая каменная церковь была готова и освящена соборнымъ протоіереемъ Ростовецкимъ. Въ 1760 г. Псковскій епископъ Веніаминъ разрѣшилъ устроить въ ней два придѣла на хорахъ—одинъ во имя св. Дмитрія Ростовскаго, а другой—Святителя Николая Чудотворца. Но епископъ Псковскій Иннокентій въ бытность свою въ Ригѣ въ 1764 г. приказалъ освятить новоустроенные придѣлы—но правую сторону во имя св. Екатерины великомученицы, а по лѣвую—во имя св. Дмитрія Ростовскаго. Эта церковь существуетъ и теперь ¹⁾.

Почти одновременно съ обращеніемъ въ 1710 г. шведской гарнизонной церкви въ православную (Петропавловскую какъ сказано выше) была обращена въ православную и лютеранская церковь, находившаяся со временъ Плетенберга въ замкѣ. Церковь эта освящена во имя Успенія Пресв. Богородицы и предназначалась для Генераль-Губернатора и крѣпостной Артиллеріи, въ то время находившейся въ вѣдѣніи Рижскаго магистрата. Въ актахъ 1726 г. упоминается объ ней, какъ о давно уже существующей. Въ 1752—1756 г. устроенъ въ ней съ лѣвой стороны придѣлъ во имя преподоб. Сергія Радонежскаго, по желанію артиллерійской команды; придѣлъ этотъ и былъ до 1871 г. До іюля 1871 г. эта церковь находилась въ боковой сторонѣ замка противъ католическаго костела во второмъ этажѣ, гдѣ нынѣ находится канцелярія губернскаго Правленія, въ настоящее же время помѣщается на лицевой сторонѣ замка въ 3-мъ и 4-мъ этажахъ надъ губернскимъ Правленіемъ. Вновь освящена 28-го февраля 1872 года

---

¹⁾ По старому обыкновенію подъ этою церковію погребались знатныя русскія особы до того времени, какъ это было запрещено указомъ отъ 17 ноября 1771 года. Первый погребенный подъ сею церковію былъ второй Рижскій Генераль-Губернаторъ Генераль Фельдмаршалъ, Князь Николай Васильевичъ Рѣшнинъ 3-го іюня 1826 г. Кромѣ него подъ нею же покоится Князь Владиміръ Петровичъ Долгорукій, бывший также Генераль-Губернаторомъ Рижскимъ, по представленію котораго были устроены въ ней два придѣла.

Преосвященнымъ Веніаминомъ, Епископомъ Рижскимъ и Митавскимъ.

Наконецъ и церковь Благовѣщенская съ придѣльною Николаевскою не уступаетъ древности вышеупомянутымъ церквамъ. Изъ дѣлъ 1726 г. видно также, что она существовала еще за долго до того времени и что при ней были два священника. Церковь эта (деревянная) была построена въ 1715 г. на гласисѣ бывшей Рижской крѣпости русскими торговцами во имя Благовѣщенія Пресв. Богородицы съ придѣлами во имя св. Николая ¹⁾. Въ 1774 г. по случаю сооруженія новыхъ укрѣпленій вокругъ г. Риги церковь эта была разобрана до основанія и изъ матеріаловъ ея была построена на православномъ кладбищѣ на Московскомъ предмѣстьи часовня съ наименованіемъ Всѣх-святской. Для благовѣщенской же церкви было отведено ея настоящее мѣсто на правомъ берегу рѣки западной Двины, гдѣ былъ русскій рынокъ и склады товаровъ русскихъ купцовъ. Кромѣ этихъ четырехъ церквей постоянныхъ, полковыхъ и приходскихъ вмѣстѣ, были въ 1727 г. въ Ригѣ еще 13 полковыхъ церквей временныхъ и при нихъ 13 священниковъ ²⁾.

Что касается до городовъ Пернова и Дерпта, то въ первомъ тотчасъ по завоеваніи его (1710 г.) была отдана Русскимъ Иоанновская кирха, принадлежавшая до того времени Эстамъ (а для нихъ выстроена другая ³⁾). Объ этой то безъ сомнѣнія церкви упоминается въ дѣлахъ Консistorскихъ уже въ 1725 году ⁴⁾, а изъ позднѣйшихъ дѣлъ (за 1730 г. и слѣд.) видно, что она была во имя Успенія Божіей Матери съ придѣломъ Благовѣрнаго князя Гавріила, стояла на форштатѣ и въ 1758 г.

¹⁾ Прибалт. сборн. Чеших. т. III, стр. 502.

²⁾ Еп. Павла „Кое-что изъ его занятій“ стр. 68, примѣч.

³⁾ Hupel, Th. I, S. 281. Какъ бы памятникомъ этой передачи хранится въ нынѣшней Перновской Екатерининской церкви серебрянный позлащенный потиръ съ изображеніемъ (на сторонѣ) Спасителя, Божіей Матери, Іоанна Богослова и креста и съ слѣдующею надписью, вырѣзанною на нижней части потира: Rolloff Schwerz anno 1688 verehret an die Johanni Kirchen zu Ehre Gottes in Pernau 24 Augusti. Легко могло быть, что вмѣстѣ съ зданіемъ кирхи перешелъ въ православнымъ и сей потиръ. Послѣ передачи, конечно, она и была освящена во имя Успенія Божіей Матери.

⁴⁾ По случаю доставленія въ Псковскую Консистиорію такъ называемыхъ вѣчныхъ памятей.

была уже такъ ветха, что Перновскій Комендантъ представлялъ о необходимости или фундаментально перестроить ее или построить новую каменную. Императрица Екатерина II, видѣвшая ее въ проѣздъ (около 1763 г.) чрезъ Перновъ, изъявила Высочайшую волю о построении новой церкви. По утвержденіи плана и смѣты Императрицею въ 1765 г. новая церковь была окончена постройкою въ 1769 г. на счетъ казны и названа по прежнему Успенскою, но въ томъ же году, неизвѣстно по какому распоряженію, переименована въ Екатерининскую. Впослѣдствіи къ ней пристроена придѣльная церковь во имя Покрова Божіей Матери. Она существуетъ и теперь. Кромѣ этой церкви приходской находилась въ самомъ городѣ при домѣ Перновскаго гарнизона церковь гарнизонная (деревянная) во имя Благовѣрнаго Князя Александра Невскаго. Можно съ достовѣрностію полагать, что она была построена также вскорѣ послѣ взятія Иернова, потому что уже въ Февралѣ 1744 г. она была такъ ветха, что разрѣшено было (Епископомъ Псковскимъ Стефаномъ) построить вмѣсто ней новую деревянную также во имя Александра Невскаго, которая къ 1749 г. и была совсѣмъ готова. Но въ 1791 г. эта церковь по ветхости была передана городу и разобрана, а памятникомъ ея существованія осталась храмовая икона св. Александра Невскаго, хранящаяся въ Перновской Екатерининской церкви ¹⁾.

Наконецъ въ Дерптѣ, какъ сказано выше, по завоеваніи его, очищена была для православнаго богослуженія лютеранская церковь. Въ 1708 г. по указу Петра I-го все жители Дерпта, подозрѣваемые въ сношеніяхъ съ Шведами, были переселены во внутреннія губерніи Россіи, городъ совершенно опустѣлъ и превратился въ груды развалинъ. Но уже въ 1714 г. снова дозволено было изгнаннымъ жителямъ возвратиться въ Дерптъ и даже вскорѣ возобновлены его укрѣпленія; тогда конечно въ немъ поселилось не мало и русскихъ; поэтому надобно полагать,

¹⁾ Въ нынѣшней Перновской церкви хранится еще икона св. ап. Андрея Первозваннаго съ подписью: „сія храмовая икона церкви св. ап. Андрея Первозваннаго“. Но за неимѣніемъ другихъ указаній нельзя сказать, былъ ли этотъ храмъ въ г. Перновѣ и когда, или эта икона по какому либо случаю принесена изъ другаго какого либо мѣста.

что вскорѣ послѣ того была построена въ этомъ „праотеческомъ“ городѣ и православная церковь (кажется деревянная и очень небольшая). Хотя на это и нѣтъ, къ сожалѣнію, прямыхъ доказательствъ; однакожъ въ подкрѣпленіе такого предположенія можно указать не только на то, что (какъ видно изъ актовъ консисторскихъ) уже въ началѣ 1730 г. была въ Дерптѣ православная церковь во имя Успенія Пр. Богородицы и при ней священникъ, діаконъ и два причетника, но особенно на то, что въ 1749 году эта церковь была совершенно ветха и потому велѣно было близъ нея поставить полковую походную церковь и въ ней отправлять Богослуженіе, а за тѣмъ, по повелѣнію Императрицы Елисаветы Петровны (въ 1752 г.) вмѣсто старой построена (1755 г.) на счетъ казны новая деревянная также во имя Успенія Пресвятыя Богородицы ¹⁾. Но такъ какъ во время большаго пожара въ 1775 г. истребившаго почти весь городъ сгорѣла и эта церковь, то по Высочайшему повелѣнію Екатерины II была построена въ 1780 г. также на счетъ казны новая Успенская церковь, которая существуетъ и теперь.

Умноженіе Православныхъ церквей въ Лифляндіи въ продолженіе XVIII столѣтія. Съ теченіемъ времени число православныхъ жителей въ Лифляндіи стало увеличиваться, а вмѣстѣ съ тѣмъ стали умножаться въ ней и православныя церкви. Такъ въ 1729 г. построена была церковь во имя Преображенія Господня въ Динаминдѣ ²⁾ и отъ Псковскаго Архіепископа Рафаила присланъ былъ для нея антиминсъ. Въ 1744 г. церковь эта пришла въ крайнюю ветхость: въ ней (какъ сказано въ указѣ Псковской духовной консисторіи 1744 г. 15 ноября) „отъ дож-

---

¹⁾ Кромѣ того можно еще указать на планы двухъ очень малыхъ православныхъ церквей хранящихся въ архивѣ дерптскаго магистрата; хотя эти планы безъ всякой надписи и безъ означенія года, но имѣютъ характеръ архитектуры древнихъ русскихъ храмовъ и по внѣшнему виду оба не старѣе XVIII столѣтія. Поэтому можно полагать, что одинъ изъ нихъ изображаетъ старую первую церковь, а другой ту, которая построена въ 1752 — 1755 г.

²⁾ Впрочемъ еще до построенія этой церкви при тамошнемъ гарнизонѣ былъ священникъ и богослуженіе совершалось, вѣроятно, въ походной полковой церкви. Такъ въ одномъ донесеніи Преосв. Рафаилу (30 Марта 1730 г.) сказано, что динаминдскій священникъ весьма одряхлѣлъ и служить не можетъ.

дей имѣется течь въ главѣ и прочихъ мѣстахъ, отъ чего въ тѣхъ мѣстахъ и прогнило, также и на колокольни кровли не имѣется и на самомъ верху перила сгнили и балясы всѣ выпали и своды каменные и деревянные насквозь провалились и отъ того имѣется течь, отъ чего часами великое поврежденіе чинится и полъ и лѣстничы весьма обветшали и около церкви ограда вся развалилась и рундуки всѣ сгнили“. Но въ 1778 году въ Динаминдѣ была освящена новая каменная церковь.

Въ 1748 — 1749 г. выстроена и въ 1750 г. освящена церковь Николаевская въ г. Аренсбургѣ на о. Эзелѣ ¹⁾. Стоитъ упомянуть о тѣхъ обстоятельствахъ, которыя вызвали построение православной церкви въ Аренсбургѣ. До 1747 г. въ Аренсбургѣ и вообще на островѣ Эзелѣ не было даже полковаго постоянного священника, потому что хотя тамъ и жили русскіе (одни почти военные), но ихъ было, по крайней мѣрѣ сначала, очень мало. ²⁾ Для исповѣди, причащенія и для исправленія другихъ требъ православнымъ, по распоряженію Св. Синода и псковскихъ архіереевъ, вслѣдствіе требованія военнаго начальства, временно командировались въ Аренсбургъ священники или рижскіе соборные или же полковые ³⁾. Съ теченіемъ

---

¹⁾ Аренсбургъ взятъ русскими (какъ сказано выше) 15 сентября 1710 года. По уже въ слѣдующемъ (1711) году по распоряженію Петра I-го гарнизонъ изъ Аренсбурга выведенъ и крѣпость взорвана и только послѣ Ньютадскаго мира весь островъ Эзелъ съ близъ лежащими островами навсегда былъ присоединенъ къ Россіи. Такимъ образомъ поселеніе въ немъ русскихъ началось не ранѣе 1721 г. Псковская Консисторія (указомъ 7 ноября), согласно съ рапортомъ рижскаго протоіерея, командировала въ походъ съ полками тогдашняго аренсбургскаго священника, „по-неже (сказано въ указѣ) въ Аренсбургѣ всѣхъ солдатъ только 40 человекъ и жить ему не причемъ“. А не было ли другихъ русскихъ жителей кромѣ солдатъ и въ другихъ мѣстахъ Эзеля кромѣ Аренсбурга? Вѣроятно были такіе жители, хотя это могло быть неизвѣстно духовному начальству. По крайней мѣрѣ чрезъ 15 лѣтъ, какъ увидимъ, русскихъ на Эзелѣ оказалось не мало.

²⁾ См. въ предъидущемъ замѣчаніи указъ Псковской Консисторіи отъ 7-го ноября 1733 года.

³⁾ Такъ напримѣръ изъ указа Псковской Консисторіи отъ 23 сентября 1832 года видно, что военное начальство требовало въ Аренсбургъ священника изъ Риги отъ соборной Петропавловской церкви; но протоіерей Николай Ростовецкій не отправлялъ безъ указа отъ своего начальства. Поэтому Св. Синодъ велѣлъ Преосвященному Рафаилу отправить въ Аренсбургъ священника изъ Пскова, а Преосвященный Рафаилъ велѣлъ послать туда священника изъ Нарвы. Но уже въ ноябрѣ слѣдующаго года этотъ священникъ командированъ былъ съ полками и мѣсто его не было замѣщено. Въ 1747 г. былъ на островѣ Эзелѣ священникъ Суздальскаго полка.

времени стали приходять на о. Эзель или для постоянного жительства или только для промысловъ русскіе торговцы, ремесленники, рабочіе: оттого число православныхъ тамъ увеличилось. Но такъ какъ ни постоянного священника, ни церкви тамъ не было, то нерѣдко случалось, что православные жители обарщались съ просьбою окрестить своихъ дѣтей къ нѣмецкимъ пасторамъ, которые и крестили ¹⁾, не смотря на то, что Высочайшимъ указомъ было строго и неоднократно подтверждено, чтобы лицъ православной греко-россійской церкви не принимать ни въ лютеранское, ни въ другое вѣроисповѣданіе. Такимъ

---

¹⁾ Въ 1748 г. первый священникъ Аренбургской церкви доносилъ Псковской консисторіи, что хотя и имѣлись у его прихожанъ дѣти, крещенныя лютеранскими пасторами, однако еще до прибытія его на о. Эзель (прибыль въ началѣ 1748 г.) бывшимъ на томъ островѣ священникомъ Суздальскаго полка св. муромъ помазаны (Ук. Псковской Консисторіи № 941 въ архивѣ Аренбургской церкви). Подобные случаи были нерѣдки и въ другихъ мѣстахъ Лифляндіи, такъ что Главная Лифляндская Лютеранская Консисторія чрезъ Юстицъ-Коллегію предложила на рѣшеніе Св. Синода слѣдующій вопросъ: въ Лифляндіи случается, что лица православнаго исповѣданія, каковы плотники и другіе промышленники, снискивающіе себѣ пропитаніе черезъ заработки, нерѣдко за немѣнимъ въ тѣхъ мѣстахъ православнаго священника или за отдаленностію отъ тѣхъ мѣстъ обращаются къ лютеранскимъ пасторамъ съ просьбою окрестить ихъ новорожденныхъ дѣтей. По силѣ догматовъ лютеранской вѣры (продолжала Консисторія) чужихъ вѣръ дѣтей по требованіямъ ихъ родителей крестить можно безъ сомнѣнія, не смотря на то, что они воспитаны будутъ въ той вѣрѣ, въ которой находятся ихъ родители. Напротивъ сего состоялись Высочайшіе указы, которыми накрѣпко подтверждено, чтобы греческаго исповѣданія людей не принимать ни къ лютеранскому ни къ другимъ законамъ. Посему спрашивается: „какъ поступать пасторамъ въ помянутыхъ случаяхъ — крестить или же отказывать просителямъ въ крещеніи?“ Св. Синодъ опредѣлилъ объявить чрезъ Юстицъ-Коллегію постановленіе, что онъ „кромѣ другихъ благословныхъ причинъ подѣ силу Высочайшихъ указовъ ожидаемаго Лютеранскою Консисторіею дозволенія дать не можетъ, а если паче чаянія гдѣ либо уже окрещены лютеранскими пасторами дѣти оныхъ плотниковъ и другихъ благочестивыхъ людей, о томъ разсмотрѣніе и рѣшеніе учинить Его Преосвященству (т. е. епископу псковскому Симону) и впредь того не допускать подѣ страхомъ достойнаго по указамъ сужденія и штрафа“. Вышѣ съ тѣмъ Св. Синодъ сдѣлалъ распоряженіе, чтобы тѣ православные плотники и работники состояли и жили въ таковыхъ мѣстахъ Лифляндіи, въ которыхъ православныя церкви, или вблизи отъ тѣхъ мѣстъ и рождающихся своихъ дѣтей приносить для крещенія въ тѣ церкви. Вслѣдствіе сего Преосвященный Симонъ велѣлъ Псковской Консисторіи послать указы и велѣть православнымъ священникамъ по сношенію съ Лифляндскою лютеранскою Консисторіею дѣтей, крещенныхъ лютеранскими пасторами, помазать св. муромъ, а впредь до крещенія рождающихся дѣтей православной вѣры лютеранскими пасторами отнюдь не допускать. (Ук. Пск. Кон. отъ 30 апрѣля 1748 г. въ Архивѣ Рижской Консисторіи).

образомъ православные, жившіе не только вообще на о. Эзелѣ, но и въ Аренсбургѣ, не имѣя своего постоянного священника, должны были долгое время оставаться безъ назиданія и вообще безъ удовлетворенія духовныхъ нуждъ. Православію ихъ грозила опасность. Тогда ландъ-гауптманъ ¹⁾ эзельской провинці фонъ Тунцельманъ по просьбѣ ли православныхъ или самъ движимый благороднымъ сочувствіемъ къ духовнымъ нуждамъ ихъ въ 1747 г. ходатайствовалъ о томъ, чтобы какъ можно скорѣе опредѣлить для нихъ постоянного священника. При этомъ (какъ можно заключить изъ послѣдовавшихъ за тѣмъ распоряженій Св. Синода) онъ объяснилъ, что на Эзелѣ у православныхъ нерѣдко крестятъ дѣтей лютеранскіе пасторы. Вслѣдствіе сего ходатайства по указу императрицы Елисаветы Петровны, Святейшій Синодъ постановилъ между прочимъ „на томъ Эзельскомъ островѣ для находящаго тамо російскаго народа православно-восточной греко-россійской церкви быть священнику и двумъ причетникамъ, священническое облаченіе туда отправить изъ псковской епархіи, а святыя иконы, книги и все, что до церковнаго круга принадлежитъ, отпустить чрезъ псковскаго епископа Симона изъ имѣющихся въ канцеляріи Св. Синода конфискованныхъ и другихъ праздныхъ“. Вслѣдъ за тѣмъ, по ходатайству псковскаго епископа Симона, который жилъ тогда въ Петербургѣ какъ членъ Св. Синода и пользовался довѣренностью императрицы Елисаветы Петровны ²⁾, послѣдовали изъ Правительствующаго Сената (7 августа) и изъ Св. Синода (11 августа того же года) указы, коими предписывалось: 1) построить на о. Эзелѣ деревянную церковь небольшую; — необходимую для этого сумму Штатъ-Канторѣ отпустить изъ доходовъ той губерніи, а пока церковь не будетъ построена военной Коллегіи отдать какую-либо изъ наличныхъ лишнихъ полковую

¹⁾ т. е. области-начальникъ, которому съ 1742 г. ввѣрено было гражданское управленіе о. Эзелемъ; онъ состоялъ въ чинѣ генералъ-маіора и находился въ непосредственномъ вѣдѣніи Сената. См. *Nupel. Top. Nachr. Th. III s. 359.*

²⁾ Преподобный Симонъ, по повелѣнію императрицы, преподавалъ уроки Закона Божія наслѣднику престола Петру III Ѳеодоровичу и невѣстѣ его великой княжнѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ. См. М. Евгенія Словарь Писат. дух. чина т. II. Симонъ Тодорскій.

церковь; 2) для этой церкви сдѣлать 4 колокола и купить серебряные сосуды (цѣною до 30 р.) также на счетъ Штатъ-Канторы; и 3) на отправленіе священника съ причетниками и просфорнею на о. Эзель на подъемъ и прочая выдать изъ Штатъ-Канторы 100 р.. Преосвященный Симонъ въ октябрѣ того же года посвятилъ на о. Эзель священника (одного изъ псковскихъ діаконовъ Семена Заклинскаго), который и отправился туда съ двумя причетниками и просфорнею въ началѣ 1748 г. послѣ того, какъ получено было извѣстіе отъ военного начальства, что на Эзель отправлена полковая церковь 1 Московскаго полка. Тогда же отправлены были на Эзель и священно - служебныя принадлежности, въ числѣ которыхъ были нѣкоторыя одежды, подаренныя великою княгинею Екатериною Алексѣевною (впоследствии императрицею), именно: двѣ ризы, двѣ епитрахили, три покровца и одежда на престолъ изъ французскаго штофа ¹⁾. Въ началѣ того же 1748 г. церковь была заложена, въ концѣ 1749 г. выстроена совсѣмъ и, по благословенію архіепископа псковскаго Симона, въ маѣ 1750 г. освящена во имя Святителя и Чудотворца Николая первымъ ея священникомъ Симеономъ Заклинскимъ. Эта первая церковь находилась въ самой крѣпости и Богослуженіе въ ней совершалось 40 лѣтъ. Въ теченіе этого времени церковь такъ обветшала, что при каждомъ сильномъ вѣтрѣ грозила паденіемъ. Поэтому въ 1784 г. императрица Екатерина II соизволила на построеніе въ самомъ городѣ Аренбургѣ новой каменной церкви, для чего и ассигнована была сумма въ 11600 р.. Въ 1790 г. по благословенію Иннокентія, архіепископа псковскаго и рижскаго, новая церковь была освящена и съ того времени существуетъ доселѣ. Въ 1752 г. выстроена была православная церковь во имя Захарія и Елисаветы въ с. Раппинѣ, имѣнни графа Левентальда на его счетъ. Въ 1788 г. по Высочайшему повелѣнію архіепископъ псковскій Иннокентій благословилъ избрать мѣсто и построить каменную церковь въ г. Верро на счетъ казны. Въ 1792 г. зданіе было

¹⁾ Обо всемъ этомъ см. Указъ Псковской Консисторіи отъ 6 февраля 1748 г. въ архивѣ Рижской духовной Консисторіи и аренбургской церкви.

готово, но еще не было иконостаса, и такъ какъ казенная палата, строившая церковь, отказалась приготовить иконостасъ, по неимѣнію для того художниковъ и рабочихъ ни въ Ригѣ, ни въ Верро, то устройство его приняли на себя архіепископъ Иннокентій и рижскій генераль-губернаторъ князь Рѣпинъ. Впрочемъ, не смотря на то, церковь въ Верро оставалась безъ священника и безъ богослуженія до 1804 г. — Въ теченіе этого времени въ г. Ригѣ прибавилось двѣ церкви и одна часовня. Именно: 1) бывшая полковою при гарнизонныхъ госпиталяхъ на петербургскомъ форштатѣ церковь во имя Пресвятой Богородицы всѣхъ скорбящихъ радости (праздникъ Живоноснаго Источника въ пяткъ Святыхъ Недѣль) выстроенная въ 1731 г. сдѣлалась приходскою (вѣроятно съ 1758 г., когда при полевомъ госпиталѣ въ форштатѣ устроена была Троицкая церковь); 2) въ 1779 г. построена на томъ же форштатѣ церковь Покровская — на кладбищѣ; 3) въ 1777 г. была устроена въ приходѣ Благовѣщенской церкви ея прихожанами часовня на кладбищѣ. Такимъ образомъ въ Ригѣ къ концу XVIII столѣтія были церкви 1 соборная, 4 приходскихъ, 1 кладбищенская (безприходная) и 1 часовня на кладбищѣ - же. Но кромѣ этихъ постоянныхъ церквей въ Ригѣ въ продолженіе всего столѣтія была церковь временная. Эта церковь во имя Пресвятой Троицы въ каждую весну устраивалась пріѣзжавшими въ Ригу на стругахъ православными купцами. Богослуженіе въ ней совершалось только лѣтомъ и только для нихъ ¹⁾.

---

¹⁾ Эта подвижная церковь ставилась на берегу Двины у Карловскихъ вѣровъ. Этотъ обычай привозить на стругахъ церковь, вынужденный начала необходимостью продолжался долго и послѣ присоединенія Лифляндіи. Въ 1753 г. купцами струговщиками устроена была церковь деревянная складная на томъ же мѣстѣ; такъ какъ мѣсто, гдѣ стояла эта церковь, понадобилось для построенія каменныхъ казармъ по новому проекту укрѣпленій, то она была разобрана и вмѣсто ея въ 1780 — 1781 г. построена за Двиною новая деревянная церковь постоянная, но богослуженіе въ ней все еще совершали пріѣзжіе монахи до 1812 г., когда къ ней опредѣленъ особый священникъ съ двумя причетниками.

Православіе въ Курляндіи.

Между тѣмъ какъ въ Лифляндіи православная вѣра въ XVIII ст. снова возсіяла и мало по малу распространилась, въ Курляндіи положеніе православныхъ не измѣнилось къ лучшему: они по прежнему находились подъ гнетомъ католиковъ и уніатовъ и только въ г. Митавѣ, столицѣ курляндскихъ герцоговъ, православіе пользовалось свободою, благодаря особенному обстоятельству. Именно: племянница Петра I Анна Іоанновна, бывшая въ супружествѣ за герцогомъ курляндскимъ Фридрихомъ Вильгельмомъ, съ 1711 г. до вступленія своего на всероссійскій престолъ въ 1730 г. жила или въ Митавѣ, или въ загородномъ Анненгофскомъ дворцѣ. Для ней и для ея немногочисленнаго придворнаго штата изъ русскихъ была устроена во дворцѣ православная церковь. Правда, нѣтъ указаній на то, была ли она открыта въ томъ же 1711 г., или нѣсколько позже, но достовѣрно извѣстно, что въ 1714 г. была уже въ Митавѣ дворцовая православная церковь ¹⁾. А такъ какъ въ Митавѣ были и кромѣ придворныхъ православные жители, то для нихъ подъ покровительствомъ герцогини въ 1726 г. была устроена другая церковь деревянная. Обѣ эти церкви существовали и послѣ вступленія Анны Іоанновны на всероссійскій престолъ и выѣзда изъ Митавы; потому что и послѣ того въ Митавѣ жили постоянно русскіе министры и православные находились подъ ихъ покровительствомъ. Когда же вторая изъ упомянутыхъ церквей обветшала, то вмѣсто ней въ 1750 г. была построена новая въ честь Св. Свмеона Богопріимца и Анны Пророчицы и въ эту новоустроенную церковь съ разрѣшенія архіепископа псковскаго Симеона „за крайнею нуждою перенесены престолъ съ антиминсомъ изъ дворцовой, а иконостасъ изъ старой церкви ²⁾. Въ томъ же году, по указу императрицы Елисаветы Петровны,

---

¹⁾ См. копію съ предписанія коллегіи иностранныхъ дѣлъ на имя министра Карла Симолина отъ 28 окт. 1764 г. въ архивѣ Митавской церкви. Въ этомъ предписаніи упоминается о пѣвчехъ, состоявшемъ съ 1714 г. при дворцовой православной церкви въ Митавѣ.

²⁾ Указъ псковской консисторіи отъ 13 октября 1750 года въ архивѣ рижской консисторіи.

Св. Синодъ митавскую православную церковь и священно-церковно-служителей по близости къ г. Ригѣ, принадлежавшей къ псковской епархіи, причислилъ къ ней же; а псковскій архіепископъ Симеонъ подчинилъ ихъ вѣдѣнію рижскаго духовнаго правленія ¹⁾. Такимъ образомъ митавскіе православные не только были въ тѣсномъ союзѣ, но и составляли одно съ церковію русскою. Въ 1759 г. курляндскій герцогъ Карлъ, бывши въ Петербургѣ у императрицы, обязался навсегда поддерживать и заботиться о митавской русской церкви и ея духовенствѣ ²⁾.

Что касается до прочихъ мѣстъ въ Курляндіи, то въ нихъ, какъ и во всѣхъ областяхъ Польскаго королевства, въ XVIII столѣтіи латинское духовенство сильно ратовало противъ всѣхъ такъ называемыхъ диссидентовъ — и протестантовъ и православныхъ, — и вооружало противъ нихъ правительство. На сеймѣ 1717 г. диссидентамъ запрещено было строить для себя новыя церкви и починивать старыя, а сеймъ 1733 г. отстранилъ ихъ отъ всѣхъ общественныхъ должностей. Всѣ представленія императора Петра I-го и его преемниковъ польскому правительству о облегченіи положенія православныхъ въ польскихъ областяхъ не только оставались напрасными, но даже еще болѣе раздражали латинское духовенство, которое старалось выставить православныхъ крамольниками и измѣнниками за то, что они просили себѣ помощи у Россіи. Фанатизмъ латинскаго духовенства сообщался и всѣмъ полякамъ и гоненіе на православныхъ было жестокое. Въ Илукстѣ, гдѣ въ 1582 году іезуитъ Антоній Поссевинъ не нашелъ ни одного католика, появились между православными латинцы и, утвердившись тамъ, устроили іезуитскій монастырь, а когда іезуиты были изгнаны, то тамъ остался монастырь миссіонерскій. Тѣхъ православныхъ, которыхъ не успѣли совратить іезуиты, увлекали къ себѣ уніаты — монахи Базилианскаго ордена. Для латинцевъ графъ

---

¹⁾ Въ указѣ Св. Синода Преосвященному Симону (отъ 12 октября 1750 г.) по сему случаю говорится, что въ Митавѣ кромѣ священно-церковно-служителей и прочихъ російскихъ правовѣрныхъ жителей обрѣтается не малое число. Указъ псковской консисторіи отъ 7 іюня въ архивѣ рижской консисторіи.

²⁾ Richter, Gesch. Th. II, Band 3, Seite 165.

Зибергъ построилъ въ своемъ имѣніи, именно въ мѣстечкѣ Иллукстѣ монастырь въ честь Рождества Пресвятой Богородицы. Въ Якобштадтѣ, на основаніи Брестскаго Собора, бывшаго въ 24 день іюля 1591 г., положено въ XVII столѣтіи начало Православному Братству, которое и устроило въ немъ для себя Николаевскую церковь. Но во второй половинѣ XVII столѣтія эта церковь принадлежала уже уніатамъ, ибо въ архивѣ якобштадскаго городского магистрата уже въ 1680 году упоминается о сей церкви, какъ объ уніатской; прихожанами при ней были и католики, и уніаты, а завѣдывало ею бѣлое уніатское духовенство, получавшее отъ тѣхъ и другихъ определенное количество хлѣба и денегъ на содержаніе. Вскорѣ уніаты, подстрекаемые якобштадтскимъ бургомистромъ Яномъ Суркевичемъ и священникомъ Николаевской церкви Михаиломъ Боровскимъ, пригласили Базиліанскихъ монаховъ, чтобы распространить и утвердить въ Якобштадтѣ и его окрестностяхъ унію. Базиліане не замедлили явиться и, пользуясь покровительствомъ и содѣйствіемъ бургомистра, стали прежде всего заботиться о построеніи себѣ монастыря. Въ этомъ имъ помогло также слѣдующее обстоятельство. Еще въ 1715 году люцинскій староста Янъ Доминикъ Борхъ пожертвовалъ въ пользу уніатскаго духовенства Николаевской церкви свои дома и грунты съ тѣмъ, чтобы эти дома и грунты по смерти уніатскаго священника поступили въ распоряженіе Базиліанскихъ монаховъ. На этихъ-то мѣстахъ и стали они строить деревянный монастырь съ церковію во имя Покрова Божіей Матери ¹⁾. Когда же во время пожара, бывшаго въ 1773 г., этотъ монастырь сгорѣлъ, то они въ 1787 г. выстроили частію на свои, частію - же на собранныя отъ добровольныхъ дателей деньги, новый монастырь каменный ²⁾. За тѣмъ, склонивши почти всѣхъ

¹⁾ Въ нѣкоторыхъ описяхъ, сохранившихся въ томъ монастырѣ, значится, что онъ существуетъ съ 1728 года.

²⁾ По присоединеніи уніатовъ къ православной церкви въ 1839 году этотъ монастырь обращенъ въ Православный Покровскій. При немъ въ 1861 году состояло православныхъ прихожанъ 276 обоего пола. Но теперь монастырь этотъ закрытъ и обращенъ въ приходскую церковь.

знатныхъ гражданъ Якобштадта принять унію, базиліане выпросили себѣ у польскаго короля Августа III тѣ же права, которыя курляндскій герцогъ Іаковъ далъ русскимъ жителямъ Якобштата и наконецъ стали явно преслѣдовать и мучить всѣхъ православныхъ, особенно же иноковъ Свято-Духова монастыря, лишили ихъ всѣхъ земель и доходовъ, смѣялись надъ ними, ругали и даже били ихъ. Могилевскіе или бѣлорусскіе православные епископы, къ паствѣ которыхъ принадлежали гонимые православные, не могли ничего сдѣлать къ облегченію ихъ участи, потому что и сами тогда терпѣли отъ католиковъ и уніатовъ неслыханныя поруганія и гоненія. Поэтому-то наконецъ настоятель Якобштадтскаго Свято-Духова монастыря Кириллъ Козловскій принужденъ былъ въ 1759 г. прибѣгнуть съ просьбою о защитѣ къ русскому министру, жившему въ Митавѣ при дворѣ курляндскаго герцога Карла ³⁾. Послѣ этого въ томъ же году посланы были судьи въ Якобштадтъ для изслѣдованія злыхъ умысловъ и нападеній на православныхъ со стороны католиковъ и уніатовъ. Но это изслѣдованіе подобно другимъ, дѣланнымъ въ Бѣлоруссіи и Литвѣ по требованію русскаго правительства не привело ни къ чему. Наконецъ Богъ умилился надъ чадами православной греко-россійской церкви въ Польшѣ, Литвѣ и Курляндіи и положилъ конецъ ихъ страданіямъ. При раздѣленіи Польши между Россією, Австрією и Пруссією большая часть земель, издревле населенныхъ православными (число которыхъ значительно уменьшилось отъ введенія уніи), вошла въ составъ Россійской Имперіи. Такъ въ 1772 г. къ Россіи присоединена между прочимъ такъ называемая Польская Лифляндія, а въ 1795 г. (по послѣднему 3-му раздѣлу)

---

³⁾ Бантышъ Каменскаго исторія объ уніи стр. 357 — 358 (изд. 1805 г.). Тамъ же помѣщена выписка изъ городскихъ ратушныхъ книгъ Якобштадта 1753 г. апрѣля 26 дня, заключающая жалобу настоятеля якобштадтскаго монастыря отца Пахомія Бенкевича греко-россійской вѣры на пасквиль, прибитый къ православной церкви Св. Георгія, на насиліе, ругательство и иобои, причиненные ему уніатами, на продержаніе его, какъ злодѣя, въ тюрьмѣ уніатскаго монастыря въ теченіе цѣлой ночи за то, что онъ показалъ тотъ пасквиль бургомистру и просилъ слѣдствія и суда; при чемъ самъ игумень базиліанскаго монастыря Трубецкой къ наибольшему поруганію говорилъ сія слова: „вотъ тебѣ императрица, вотъ тебѣ Петербургъ и Москва! вотъ тебѣ генералы и оберъ-раты! поди, жалуйся на насъ!“

вся Курляндія. Съ того времени Россія опять приняла подъ свой скипетръ тѣ земли и народы, которыми она владѣла еще въ IX и X столѣтіяхъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ утвердилась и православная вѣра до того времени оскорбляемая и гонимая. Въ 1773 г. указомъ Св. Синода всѣ православныя церкви и монастыри въ Польской Лифляндіи причислены къ Псковской епархіи, а въ 1799 г. и курляндскія церкви также переданы въ управленіе псковскихъ архіепископовъ, которые съ того времени стали именоваться псковскими, лифляндскими и курляндскими.

Распространенію православной вѣры въ Лифляндіи и Курляндіи въ XVIII вѣкѣ.

Сколько было православныхъ жителей въ Лифляндіи во время завоеванія ея Петромъ Великимъ объ этомъ нельзя сказать ничего опредѣленнаго, потому что отъ того времени не осталось никакихъ документовъ, изъ которыхъ можно бы было заимствовать такого рода свѣдѣнія. При всемъ томъ надобно принять за совершенно достовѣрное, что съ того времени, особенно же со времени окончательнаго утвержденія Лифляндіи за Россією въ 1721 г. по Ньштадскому миру, число православныхъ жителей стало болѣе и болѣе увеличиваться. Въ доказательство сего довольно указать на то, что, какъ мы выше видѣли, съ этого времени построено было не мало новыхъ церквей въ Ригѣ и въ другихъ городахъ и мѣстахъ Лифляндіи, такъ что въ 1800 г. православныхъ церквей въ Лифляндіи было 13 ¹⁾, не считая курляндскихъ церквей ²⁾. Что же касается до

1) Именно: въ Ригѣ 1) Соборная Петро-Павловская въ цитадели, 2) Алексѣевская въ городѣ, 3) Благовѣщенская на Московскомъ фортштатѣ, 4) Успенская въ замкѣ, 5) Живоноснаго Источника на Петербургскомъ фортштатѣ, 6) Свято-Троицкая въ госпиталѣ внѣ города, 7) Троице-задвинская, 8) Покровская кладбищенская. Въ другихъ городахъ: 9) въ Динаминдѣ Преображенская, 10) въ Арнсбургѣ на о. Эзель Николаевская, 11) въ Перновѣ Екатерининская, 12) въ Дерптѣ Успенская и 13) въ мызѣ Раппинъ — Захаріи и Елизаветы, кромѣ того строилась еще 14-я церковь въ г. Верро.

2) Въ Курляндіи были: въ Митавѣ 1 приходская церковь и въ Якобштадтѣ 1 монастырь (Святодуховскій) съ двумя церквами.

числа православныхъ жителей, то ихъ въ 1800 году въ предѣлахъ нынѣшней рижской епархіи было 16826 душъ обоого пола, именно: 16290 въ Лифляндіи (въ томъ числѣ въ одной Ригѣ 8643) и 536 въ Курляндіи. Правда большая часть православныхъ состояла изъ русскихъ, переселившихся сюда на жительство изъ внутренней Россіи, и потому принадлежала къ православной церкви по самому рожденію. Впрочемъ между ними были и присоединившіеся иновѣрцы и хотя по недостатку документовъ нельзя ни прослѣдить по годамъ, ни опредѣлить съ точностью числа присоединившихся въ теченіе этого времени изъ иновѣрія; однакожь изъ сохранившихся документовъ видно, что присоединенія были нерѣдки ¹⁾. При обращеніи иновѣрцевъ православные пастыри всегда дѣйствовали въ духѣ кротости одними увѣщаніями и притомъ никогда не были поспѣшны въ присоединеніи тѣхъ, кои изъявляли желаніе принять православную вѣру, но всегда требовали отъ нихъ полного и сознательнаго убѣжденія въ ея истинности и святости. Лифляндскимъ священникамъ запрещено было самимъ принимать въ православную вѣру желающихъ изъ иновѣрцевъ и мѣропомазывать безъ разрѣшенія епархіальнаго архіерея (кромѣ смертныхъ случаевъ) ²⁾. Желаящій принять православную вѣру долженъ былъ подавать прошеніе къ епархіальному архіерею или самъ или чрезъ священника. Мѣстному духовенству было предписано, чтобы оно предварительно узнавало, знаетъ ли обращающійся въ православіе различіе своей вѣры отъ православной, не изъ видовъ ли какихъ, или изъ боязни и т. и. принимаетъ его. Затѣмъ священникъ долженъ былъ преподать довольное наставленіе въ вѣрѣ и развѣ чрезъ мѣсяцъ мѣропомазать, и при этомъ взять подписку съ поручительствомъ свидѣтелей въ неизмѣнномъ

---

¹⁾ Укажемъ на нѣкоторые сохранившіеся примѣры: въ 1744 г. обращено въ православіе 4 человека изъ католичества, 20 изъ лютеранства и 2 изъ магометанства; въ 1745 г. 1 изъ католичества, 6 изъ лютеранства; въ 1746 г. 5 изъ лютеранства, 1 татаринъ и 1 еврей. Въ 1780 г. упоминается, что прежде еще обратившійся изъ лютеранъ прапорщикъ Карлъ фонъ Кенклау въ этомъ (1780) году принялъ монашество въ черниговской епархіи.

²⁾ Указъ пек. кон. отъ 23 іюля 1743 г. и отъ 29 янв. 1764 г.

пребываніи въ нѣдрахъ православной церкви ¹⁾. При такомъ истинно апостольскомъ образѣ дѣйствованія православнаго духовенства, сами даже иновѣрцы отдавали ему должную похвалу и защищали его отъ несправедливыхъ нареканій. Такъ ученый лифляндскій пасторъ А. В. Гупель писалъ въ 1774 году: „по справедливости теперь нужно сказать о Лифляндіи, что въ ней всякій совершенно безпрепятственно можетъ отправлять свое богослуженіе. И хотя аббатъ Шаппъ д’Отерошъ въ своемъ путешествіи по Сибири рассказываетъ между другими небылицами и то, будто русскіе, особливо ихъ духовенство, постоянно обнаруживаютъ стремленіе обращать другихъ въ свою вѣру и даже преслѣдовать ихъ, но это совершенная клевета! Они, конечно, стараются распространять христіанскую вѣру между язычниками, они также заботятся, чтобы никто не отпадалъ отъ ихъ церкви, но никогда не станутъ стѣснять христіанина въ его вѣрѣ. Только въ случаѣ, если русскій вступаетъ въ бракъ съ лицами другаго вѣроисповѣданія, они заботливо внушаютъ иновѣрцамъ (да и то больше простолюдинамъ) переходъ въ свою церковь, имѣя при этомъ въ виду укрѣпить взаимную любовь между супругами и облегчить имъ воспитаніе дѣтей. А принужденіе и преслѣдованіе — неслыханное дѣло. Мы, живущіе вмѣстѣ съ ними, не можемъ не похвалить ихъ кротости и вѣротерпимости. Русскіе всѣхъ состояній вступаютъ въ брачныя союзы съ нами и однакожь не видно и не слышно, чтобы они обнаружили презрѣніе изъ-за различія въ вѣрѣ ²⁾).

Состояніе православной церкви въ предѣлахъ рижской епархіи въ 1-й половинѣ XIX столѣтія.

Въ первое двадцатилѣтіе XIX вѣка православная церковь по видимому не только не распространялась, но даже сокращалась. Сличая вѣдомости о православныхъ жителяхъ въ Лиф-

¹⁾ Указъ пск. консисторіи отъ 27 ноября 1764 г.. Указомъ отъ 24 мая того же года разрѣшено рижскому протоіерею принимать обращающихся изъ лютеранъ безъ предварительнаго отношенія въ консисторію, какъ было прежде, но съ соблюденіемъ вышеизложенныхъ правилъ.

²⁾ См. А. W. Hupel Topogr. Nachr. Рига 1774 г. В. I, S. 160. 161.

ляндіи и Курляндіи за 1810 и 1820 годы съ вѣдомостями 1800 года, мы видимъ, что число ихъ сдѣлалось меньше. Именно въ 1810 г. число православныхъ христіанъ было только 11678 душъ (въ томъ числѣ въ Ригѣ было — не считая военныхъ, причисленныхъ къ госпитальной церкви — 5319 душъ). Такимъ образомъ къ этому времени число ихъ уменьшилось 5148-ю (въ одной Ригѣ 3324-мя) душами противъ 1800 года. Въ 1820 году православныхъ считалось уже только 9378 душъ обоого пола (въ томъ числѣ въ Ригѣ 4602 души); значитъ число ихъ уменьшилось еще 2300 душами противъ 1810 года, а сравнительно съ 1800 годомъ 7448 душами, т. е. почти вдвое. Но при этомъ надобно вспомнить, что въ эти два десятилѣтія были тяжелые годы для всей Россіи, а слѣдовательно для Лифляндіи и Курляндіи и что въ эти годы населеніе всей Россіи также уменьшилось вслѣдствіе войнъ съ Наполеономъ. Что касается до церквей, то число ихъ увеличилось въ первое десятилѣтіе двумя: одна изъ нихъ въ г. Верро, сооруженная еще въ концѣ предыдущаго столѣтія, окончательно устроена щедротами монаршими ¹⁾, получила священнослужителей и освящена въ ноябрѣ 1804 г. во имя великомученицы Екатерины; другая кладбищенская, построенная въ Гринвальдахъ (Курляндской губ.) генералъ-маіоршею Максимовичъ, освящена въ іюнѣ 1803 г. во имя св. Николая Чудотворца, такъ что въ 1810 г. церквей въ Лифляндіи и Курляндіи было 19 (въ томъ числѣ 2 монастырскихъ въ Якобштадтѣ, 2 военныхъ въ рижскомъ госпиталѣ и въ Динаминдѣ и три безприходныя, именно: Троице - Задвинская и Покровская кладбищенская въ Ригѣ и кладбищенская же въ Гринвальдахъ). И если въ 1820 г. было только 13 церквей (въ томъ числѣ 2 военныя, 1 кладбищенская Покровская и другая кладбищенская Всѣхъсвятская, приписанная къ Благовѣщенской, — всѣ въ г. Ригѣ) т. е. одною менѣе противъ 1810, то это произошло отъ того, что въ 1812 г. во время нашествія Наполеона предмѣстья г. Риги были сожжены, а вмѣстѣ съ тѣмъ сгорѣли и двѣ церкви, на нихъ бывшія, — Благовѣщенская

¹⁾ Государь Императоръ пожаловалъ въ эту церковь потребную утварь изъ своего кабинета.

и Живоноснаго Источника. За то Троице-Задвинская церковь, имѣвшая временныхъ прихожанъ и священно-служителей, въ 1812 г. включена въ число штатныхъ рижскихъ церквей и получила постоянный причтъ (1-го священника и 2-хъ причетниковъ), а на кладбищѣ въ Благовѣщенскомъ приходѣ вмѣсто бывшей тамъ часовни выстроена иждивеніемъ прихожанъ деревянная церковь и въ 1814 г. освящена во имя Всѣхъ Святыхъ. Что же касается двухъ сгорѣвшихъ церквей, то Благовѣщенская была построена вновь съ двумя придѣлами (во имя Николая Чудотворца и Преподобнаго Сергія Радонежскаго) и въ 1818 г. освящена самимъ архіепископомъ исковскимъ Евгеніемъ, а церковь Живоноснаго Источника была на время перенесена въ приписную къ ней, въ Покровскую кладбищенскую, въ которой и совершалось богослуженіе для прихожанъ до 1825 г.

Царствованіе Императора Николая I-го особенно достопамятно въ лѣтописяхъ рижской епархіи быстрымъ распространеніемъ православной вѣры въ Лифляндіи и Курляндіи и учрежденіемъ рижской епархіи. Въ 1830 г. было уже 20 церквей, въ числѣ ихъ двѣ, выстроенныя вновь 1) каменная въ гор. Лемзалѣ въ 1829 г. и 2) Покровская въ приходѣ Носѣ, въ Дерптскомъ уѣздѣ и одна церковь Александро-Невская въ г. Ригѣ, выстроенная въ 1825 г. вмѣсто сгорѣвшей церкви живоноснаго Источника. Число же православныхъ жителей простиралось до 11335 человекъ обоюго пола (въ томъ числѣ 6252 въ г. Ригѣ). Такимъ образомъ число православныхъ церквей увеличилось двумя, а православныхъ жителей 1957 человекъ противъ 1820 г.. Но съ особеннымъ успѣхомъ и быстротою стала распространяться и утверждаться православная вѣра между туземными жителями Лифляндіи и Курляндіи съ 1836 г., когда указомъ 14 сентября Государю Императору угодно было учредить въ Ригѣ епископскую кафедру. Учрежденіе ея вызвано не только важною и значительностію г. Риги, но главнымъ образомъ усиленіемъ въ немъ раскола при отсутствіи высшаго духовнаго правительственнаго лица и надеждою при помощи его скорѣе обратить заблуждающихся къ истинной вѣрѣ. Но такъ какъ число православныхъ жителей въ Лифляндіи и Кур-

ляндіи, а также число православныхъ церквей и духовенства были еще не достаточны для особаго епархіальнаго управленія ими, то Государь Императоръ изволилъ утвердить предположеніе Св. Синода объ открытіи въ Ригѣ пока только викаріатства для псковской епархіи. Первымъ епископомъ рижскимъ былъ Преосвященный Иринархъ, перемѣщенный сюда изъ тверской епархіи, въ которой былъ также викарнымъ епископомъ. Онъ обратилъ свою дѣятельность на распространеніе православной вѣры между эстами и латышами и уже въ короткое время его служенія она сдѣлала замѣчательные успѣхи. Въ 1836 г. было православныхъ въ Лифляндіи и Курляндіи 13317 душъ обоого пола (только 1982 болѣе противъ 1830 г.), а въ 1840 г. ихъ считалось уже 17457 душъ обоого пола ¹⁾ (въ томъ числѣ 8420 въ Ригѣ), т. е. 4140 болѣе противъ 1836 г. и 6122 болѣе противъ 1830 г.. Въ теченіе этого десятилѣтія (1830—1840 г.) прибавилось также двѣ церкви, въ г. Либавѣ (1834 г.) и въ Альтъ-Гринвальдѣ ²⁾ (1838 г.). Но Преосвященный Иринархъ успѣлъ положить только начало успѣшнѣйшему распространенію православія въ Лифляндіи и Курляндіи, потому что уже въ 1842 г. былъ переведенъ на епископскую кафедру въ Вологду. На мѣсто его прибылъ въ Ригу новый епископъ Филаретъ, бывший ректоромъ московской духовной академіи. Съ особенною равноапостольскою ревностію занялся онъ дѣломъ распространенія православной вѣры во ввѣренной его управленію епархіи, и его труды увѣнчались необыкновеннымъ успѣхомъ: съ 1845 года эсты и латыши стали толпами обращаться къ православной церкви. Въ 1844 г. при 20 приходскихъ церквахъ (всѣхъ церквей вмѣстѣ съ приписными къ приходскимъ кладбищенскими и полковыми было 25) считалось православныхъ 20686 душъ обоого пола; слѣдовательно въ теченіе 4-хъ лѣтъ — 1840—1844 число ихъ увеличилось 3273-мя. Но въ концѣ 1848 г., когда Преосвященный Филаретъ былъ переведенъ въ Харьковъ епископомъ, въ предѣлахъ рижской епархіи было уже

¹⁾ Въ томъ числѣ единовѣрцевъ 171 душа.

²⁾ Къ Альтъ-Гринвальдской церкви въ 1838 г. былъ назначенъ самостоятельный причтъ, т. е., священникъ и причетники.

98 православныхъ церквей и при нихъ состояло 138416 прихожанъ. Такимъ образомъ въ четыре года православная церковь приобрѣла себѣ въ Лифляндіи, Курляндіи и на о. Эзелѣ 117730 новыхъ чадъ. Преемникомъ Епископа Филарета былъ назначенъ Епископъ Ковенскій Платонъ (съ 1850 г. Архіепископъ Рижскій и Митавскій), который и прибылъ въ Ригу въ декабрѣ 1848 г.. Ему надлежало многое совершить въ епархіи: недоконченное его предшественниками исправить, начатое продолжить, ново-насажденное утвердить и возрастить. Заботясь о благоустроении ново-учрежденныхъ приходовъ, устраняя все, что могло вредить новонасажденной церкви, утверждая и назидая ее, онъ также, подобно своимъ предшественникамъ, заботился о дальнѣйшемъ преуспѣяніи православной вѣры въ своей епархіи. Господь благословилъ заботы и труды его успѣхомъ. Въ 1850 г. было уже въ рижской епархіи вообще 117 церквей (1 кафедральный соборъ и 108 приходскихъ; кромѣ того 4 приписныхъ къ нимъ, 2 монастырскихъ и 2 домовыхъ) и при нихъ 115 священниковъ (въ томъ числѣ 4 протоіерея, 21 дьяконъ и 226 причетниковъ, а православныхъ прихожанъ 146183 души обоого пола (въ томъ числѣ въ Ригѣ 9749 душъ)¹⁾, для ближайшаго надзора и управленія епархія раздѣлена была на 10 благочинныхъ округовъ.

---

¹⁾ Не считая а) военныхъ чиновъ, принадлежавшихъ къ полковымъ церквамъ въ рижскомъ госпиталѣ и въ крѣпости Динаминдѣ и б) единовѣрцевъ, которыхъ было 536 душъ обоого пола и которые имѣли 3 церкви. Значить число православныхъ увеличилось сравнительно съ 1848 годомъ 7767 (а съ единовѣрцами 8303) душами.

Управленіе православної церкви въ Прибалтійскихъ губерніяхъ со времени присоединенія Ливоніи къ Россіи до открытія винаріатства въ г. Ригѣ ¹⁾.

Православныя церкви г. Риги въ первые годы присоединенія ея къ Россіи находились въ вѣдѣніи мѣстоблюстителя патріаршаго престола въ Россіи митрополита Стефана Яворскаго. Но въ 1725 году Высочайшимъ повелѣніемъ указано: „завоеванный городъ Ригу съ принадлежащимъ къ нему уѣздомъ приписать для лучшаго во всякихъ къ духовному правительству принадлежащихъ дѣлахъ смотрѣнія къ епархіи Его Преосвященства (Ееофана Архіепископа Псковскаго и Нарвскаго), а въ соборную церковь протопресвитеромъ назначенъ протоіерей Симеонъ Ермарновскій, съ тѣмъ, чтобы онъ въ городѣ Ригѣ и въ уѣздѣ во всякомъ духовномъ правленіи былъ заащикомъ и надъ всѣми священники и причетники смотрѣлъ за всякимъ ихъ благочиніемъ, дабы они во всякомъ церковномъ служеніи были искусны и благоговѣйны и тщательны, аще кто явится въ томъ неисправенъ, то таковыхъ предавать смиренію по разсужденію и винъ ихъ“, (Ук. Пск. к. 1825 г. 19 Мая). Съ этого времени до открытія викаріатства въ Ригѣ въ 1836 г. дѣло православія въ Ливоніи развивалось и укрѣплялось подъ архипастырскимъ руководствомъ псковскихъ іерарховъ. За этотъ періодъ времени псковскіе іерархи, подъ вліяніемъ которыхъ находилась православная церковь въ Ливоніи, послѣдовательно идутъ въ такомъ порядкѣ: Ееофанъ Прокоповичъ Архіепископъ Псковской и Нарвскій (1718—1725), Рафаилъ Забаровскій съ 1725 года, изъ архимандрита калязинскаго монастыря, но потомъ Кіевскій митрополитъ, Варлаамъ съ 1731 г., Епископъ Стефанъ Калиновскій изъ архимандритовъ Троицкаго Александровскаго монастыря съ 1739 г., Архіепископъ Симонъ съ 1745 г., Веніаминъ Григоровичъ, переведенный изъ Твери съ 1758 г., Гедеонъ Криновскій съ 1761 г., Иннокентій Архіепископъ съ 1763 г., который съ 1764 г. сталъ называться

---

¹⁾ Очеркъ этотъ составленъ протоіереемъ Н. Дмитревскимъ.

Псковскимъ и Рижскимъ, Ириней Архіепископъ съ 1788 г., которому повелѣно именоваться Псковскимъ, Лифляндскимъ и Курляндскимъ, Мееодій съ 1814 г., Евгений, бывшій Епископъ Калужскій, съ 1815 г., а впослѣдствіи назначенъ Кіевскимъ Митрополитомъ 1822 г., Евгений, бывшій Епископъ Курскій, съ 1822, который въ 1825 г. былъ переведенъ въ Тобольскъ, а на мѣсто его назначенъ изъ Астрахани Епископъ Мееодій съ 1825 г.

Для псковскихъ іерарховъ, управленіе церковными дѣлами въ Ливоніи сопровождалось не малыми затрудненіями насколько по отдаленности лифляндскихъ православныхъ церквей отъ центра епархіальнаго управленія, настолько по особенностяхъ положенія православія въ средѣ иновѣрнаго общества, недовѣрчиво относившагося къ началамъ русско-народной жизни вообще и въ частности къ православію. Свѣтъ православія, вновь возженный въ присоединенной къ Россіи Ливоніи, возсіялъ во тьмѣ инославія. На новооткрывшейся нивѣ православія требовалось поставить такихъ дѣятелей, которые бы проходили свое служеніе съ достоинствомъ и сознаніемъ важности возложеннаго на нихъ дѣла, съ умѣньемъ оградить чистоту и святость православной церкви и внушить къ ней уваженіе. Выполненіе этой задачи, при скудности научно-богословскаго образованія тогдашняго русскаго духовенства, сопряжено было съ трудностію выбора лицъ достаточно къ тому подготовленныхъ. Еще въ 1715 г. Императоръ Петръ Великій писалъ лифляндскому губернатору, князю Голицину: „понеже вы паче другихъ извѣстны, что въ Ригѣ попы зѣло плохи, отчего не малый есть стыдъ отъ тамошнихъ жителей, то сыщите въ Смоленскѣ добрыхъ и искусныхъ поповъ и прочихъ церковныхъ причетниковъ, сколько потребно и вышлите ихъ въ Ригу, а которые въ Ригѣ непотребные, тѣхъ отпусти“. Такимъ образомъ псковскіе архіепископы, принявши въ свое управленіе церкви г. Риги и смежныхъ съ нею уѣздовъ, должны были обратить особое свое вниманіе и заботливость на то, чтобы здѣсь въ церквахъ были достойные священнослужители, и нужно отдать справедливость, что въ этомъ дѣлѣ, насколько

возможно, псковскіе святители при назначеніи священниковъ выказали особую осторожность и разборчивость въ лицахъ, призываемыхъ къ священнослуженію въ предѣлахъ Ливоніи. По крайней мѣрѣ въ разсматриваемый нами періодъ времени идетъ непрерывный рядъ такихъ настоятелей Рижскаго Петро-Павловскаго Собора, которые по своему уму, житейской опытности, такту въ обращеніи съ лицами высокопоставленными, по своей церковной начитанности и даже солидному богословскому образованію ¹⁾, съ достоинствомъ проходили возложенное на нихъ служеніе. За то настоятели Рижскаго Петро-Павловскаго Собора во мнѣнн епархіальнаго начальства пользовались почетнымъ преимуществами ²⁾. Псковскіе іерархи поставляли для себя особую заботливость о приготовленіи достойныхъ лицъ къ занятію священно-служительскихъ мѣстъ. Изъ Псковской Духовной Консисторіи разсылались указы за указами объ отдачѣ дѣтей духовенства въ открытую во Псковѣ семинарію, и родители, уклонявшіеся отъ помѣщенія дѣтей своихъ въ семинарію, подвергались значительнымъ денежнымъ штрафамъ ³⁾. Распоряженіями епархіальной власти требовалось, чтобы ищущіе священства представляли заручныя одобренія со стороны прихожанъ ⁴⁾, впрочемъ псковскіе іерархи при назначеніи священниковъ къ

¹⁾ Такъ протоіерей Рижскаго Петро-Павловскаго Собора Николай Ростовецкій послѣ себя оставилъ значительную бібліотеку и вдова его предлагала Псковской Семинаріи купить у нея эту бібліотеку.

²⁾ Члену Псковской Духовной Консисторіи протоіерею Іоанно-Богословской г. Пскова церкви Симону Яновскому во вниманіе къ его заслугамъ было предоставлено первенство между епархіальными протоіереями, выключая настоятеля Рижскаго Петро-Павловскаго Собора. (Ук. Пск. Консист. 1807 г. 11 іюня). Впослѣдствіи протоіерей Симонъ Яновскій назначенъ былъ настоятелемъ сего Собора въ 1813 г.

³⁾ Священникъ Рижской Благовѣщенской церкви Дмитрій Пахомовъ за недоставку сына своего въ псковскую школу былъ оштрафованъ 13 р. 50 к. (Ук. Пск. Консист. 1753 г. 30 іюня).

⁴⁾ Псковскій архіепископъ Стефанъ предписалъ, чтобы ищущіе священническихъ или причетническихъ должностей представляли заручныя отъ приходскихъ людей челобитныя въ Консисторію Псковскую, а Консисторія должна была представлять въ С.-Петербургъ Его Просвященству (Преосвященный въ то время находился въ С.-Петербургѣ для присутствованія въ Св. Синодѣ). (Ук. Пск. Консист. 1740 г. 20 ноября). Такое же распоряженіе сдѣлалъ Преосвященный Геденъ, требуя, чтобы ищущіе священнослужительскія мѣста представляли „отъ прихожанъ знатныхъ персонъ и добросовѣстныхъ людей и духовныхъ закашиковъ заручныя одобренія. (Ук. Пск. Консист. 1761 г. дек. 11 дня).

приходскимъ церквамъ съ твердостію отстаивали независимость своихъ распоряженій. Такъ къ Благовѣщенской церкви былъ назначенъ священникъ Михаилъ Филиповъ; но староста оной церкви Петръ Мокеевъ при объявленіи указа „съ товарищи“ кричалъ и тому Его Преосвященства указу выказалъ послушаніе и не велѣлъ попа того пускать въ церковь, за что староста подвергнутъ запрещенію: „къ нему никакими церковными требами въ домъ не входить и на благословеніе его не принимать и чтобы онъ отъ церкви Божіей яко гнилой и непотребный удъ былъ отсѣченъ“. (Ук. Пск. Консист. 1728 г. 9 ноября). Въ виду такой рѣшительной мѣры староста смирился.

Помимо прямыхъ дѣлъ, относящихся къ церковному управленію, руководительная дѣятельность псковскихъ іерарховъ въ отношеніи къ рижскому духовенству проявляла свою заботливость особенно въ случаяхъ Высочайшихъ посѣщеній г. Риги. Когда прошелъ слухъ, что Ея Величество Государыня Императрица Екатерина II намѣрена посѣтить Ригу, то изъ Псковской Духовной Консисторіи прислано было подробное въ указѣ 1764 г. 2 апрѣля наставленіе о встрѣчѣ Ея Величества и самъ Архіепископъ Псковской Иннокентій посѣтилъ Ригу для встрѣчи Ея Величества. Такое же наставленіе ¹⁾ дано было рижскому

---

¹⁾ Главные пункты сего наставленія слѣдующіе: 1) Гдѣ Его Императорское Величество соизволитъ имѣть шествіе чрезъ города или погосты, то бы въ тѣхъ церквахъ, гдѣ будетъ Высочайшее шествіе, была соблюдаема во всѣхъ чистота и ежели есть что неисправное, немедленно было бы что можно поправлено; 2) всѣмъ священнослужителямъ, въ тѣхъ мѣстахъ находящимся, приказать наистрожайше подтвердить, чтобы въ платѣ и въ прочемъ соблюдена была всякая благопристойность, опрятность и чистота, а при томъ чтобы были всегда трезвенны и въ должностяхъ своихъ исправны; 3) въ самое время Высочайшаго шествія въ тѣхъ церквахъ отъ утра до полудни были готовы къ слушанію литургіи и просфоры бы были изъ чистой муки и хорошо выпечены; 4) во время проѣзда въ городѣ и прочихъ церквахъ, которыя во близости состоятъ будутъ, въ пути производить колокольный звонъ, гдѣ же Его Величество изволитъ отдохновеніе, тамъ быть звону, только во время пріѣзда и отъѣзда; 5) священникомъ во время шествія выходить къ дорогѣ, если то будетъ по близости къ церкви въ лучшихъ ризахъ и епитрахили, имѣть крестъ на блюдѣ; если же въ проѣздѣ не изволитъ Его Величество остановиться, съ крестомъ не подходить, но стоять на сторонѣ дороги, если же изволитъ остановиться, съ крестомъ только подойти къ каретѣ; по проѣздѣ же Его Величества возвращаться съ крестомъ въ церковь; 6) гдѣ будетъ Его Величество имѣть прибытіе въ церковь, должно быть отъ ученыхъ протопоповъ или священниковъ привѣтствіе пристойное сему вождедѣльному случаю, кото-

духовенству и при встрѣчѣ Его Величества Государя Императора Павла Петровича съ Великими Князьями при указѣ 6-го апрѣля 1797 г. Къ чести рижскаго духовенства нужно отмѣтить, что оно при Высочайшихъ посѣщеніяхъ съ достоинствомъ держало себя, такъ что Монаршія щедроты причту Петро-Павловскаго Собора проявлялись въ значительныхъ денежныхъ пожертвованіяхъ, а въ 1827 г. при посѣщеніи г. Риги Государемъ Императоромъ Николаемъ Павловичемъ генераль-губернаторъ объявилъ соборному протоіерю, что Государь Императоръ російскимъ духовенствомъ, какъ при представленіи онаго Его Величеству, такъ и при встрѣчахъ въ соборѣ, остался довольнымъ (Ран. Петроп. протоіер. Псковск. Преосвященному 23 окт. 1827 г.). Псковскіе іерархи прилагали даже особую заботу къ упроченію добрыхъ отношеній рижскаго духовенства къ мѣстнымъ гражданскимъ правящимъ властямъ. Такъ Преосвященный Иннокентій въ 1792 г., увѣдомляя рижскаго соборнаго протопопа о назначеніи въ Ригу генераль-губернаторомъ князя Н. В. Репнина, предписываетъ ему протопопу съ прочимъ низшимъ духовенствомъ, когда Его Сіятельство прибудетъ въ Ригу, сдѣлать ему надлежащее почтеніе и поздравить съ благополучнымъ прибытіемъ, при чемъ о. протопопъ можетъ для сего приготовить краткую рѣчь (Ордеръ Преосвящ. Иннокентія 1 окт.).

Для ближайшаго непосредственнаго наблюденія за церквами г. Риги и смежныхъ съ нею уѣздовъ была въ Ригѣ учреждена Духовная контора, значеніе которой, какъ правительственнаго учрежденія, еще не вдругъ опредѣлилось. Въ 1730 году изъ Духовной Конторы была послана въ Рижскую генераль-губернатора канцелярію копія указа о томъ, чтобы церковниковъ безъ вѣдома епархіальной власти ни

ровъ бы было сколько можно краткое и ясное, по прочтеніи привѣтствія поднести должно св. крестъ. Гдѣ же не изволитъ входить въ церковь, тамъ говорить привѣтствіе, гдѣ заблагоразсудитъ начальствующій или подобный тому при семъ шествіи, въ чемъ и спрашивать у него наставленія; 7) отъ имени Его Преосвященства предписывается къ рижскому о. протопопу, дабы былъ у нихъ въ готовности какъ можно лучшаго письма и въ окладѣ св. образъ Петра и Павла для поднесенія Его Величеству, когда соизволитъ быть въ Ригѣ.

по какимъ дѣламъ брать подъ караулы и допрашивать не дер-
зали. Но секретарь не принялъ сего указа, спрашивая по ка-
кому указу Духовная Контора имѣется (Ук. Пск. Консист.
1730 г. Апр. 29). Правда Контора производила судъ надъ
подвѣдомственными ей духовными лицами, но не иначе, какъ
по порученію Псковской Консисторіи. Такъ одинъ подъячій
жаловался Псковскому архіепископу на священника Замковой
Успенской церкви Михаила Ѳеодорова, что тотъ ему причи-
нилъ разныя обиды. Вслѣдствіе этой жалобы указомъ Псков-
ской Консисторіи 1732 г. августа 21 дня предписано было
протопресвитеру Ростовецкому, какъ заикадику Рижской Ду-
ховной Конторы, о семъ дѣлѣ разыскать и по указамъ Ея Импе-
раторскаго Величества оное дѣло рѣшить въ непродолжитель-
номъ времени и о томъ рапортовать въ Духовную Консисторію,
а по рѣшеніи и дѣло подлинное прислать, а въ Ригѣ оставить
копію. Около 1739 г. Духовная Контора переименована въ
Духовное Правленіе; но организація его оставалась въ преж-
немъ видѣ. Главнымъ и единственнымъ заказчикомъ въ немъ
былъ соборный протоіерей. Въ іюлѣ 1764 г. къ тому времени,
когда въ Ригѣ ожидали прибытія императрицы Екатерины II,
впервые посѣтилъ Ригу Преосвященный Псковской Архіепископъ
Иннокентій, какъ для встрѣчи Государыни, такъ и для бого-
служенія. Преосвященный осмотрѣлъ Рижское Духовное Прав-
леніе и нашелъ, что оно ни мало не оправдываетъ своего на-
званія, потому что состоитъ всего изъ „одной персоны“, именно
соборнаго протоіерея, не имѣвшаго въ своемъ распоряженіи
даже писца. Преосвященный распорядился: въ Рижскомъ Прав-
леніи присутствовать и исправлять всѣхъ дѣлъ теченіе тремъ
персонамъ: рижскому протоіерею настоятелю собора и двумъ
священникамъ Алексѣевской церкви, а для письма и исправле-
нія, производствомъ дѣлъ приказныхъ назначить писца достой-
наго. Соборные протоіереи всегда были присутствующими въ
Лифляндскомъ Духовномъ Правленіи, учрежденномъ въ 1727 г.
Соборные протоіереи, присутствовавшіе въ Лифляндской Ду-
ховной Конторѣ, а затѣмъ въ Духовномъ Правленіи, слѣ-
дуютъ по времени въ такомъ порядкѣ: Симеонъ Ярмарковскій

съ 1725 г., Николай Ростовецкій съ 1730 г., Савва Карповъ Глазовскій съ 1753 г., Спиридонъ Тихомировъ съ 1786 г. изъ окончившихъ курсъ Псковской духовной семинаріи, Симеонъ Яновскій съ 1813 г. изъ воспитанниковъ низшихъ классовъ семинаріи, Іоаннъ Дьяконовъ съ 1819—1836 г. кандидатъ С.-Петербургской духовной академіи.

Вѣдѣнію Лифляндскаго Духовнаго Правленія подлежали приходскія церкви г. Риги и въ смежныхъ съ нею уѣздахъ, а также полковыя церкви. Въ 1727 г. въ Бѣлгородскій, стоявшій въ Ригѣ полкъ, назначенъ священникъ, коему велѣно было явиться протопресвитеру Ермарновскому и быть подъ вѣдѣніемъ его. Но полковые попы не безъ упорства признавали надъ собою власть Псковскаго Преосвященнаго. Въ 1731 г. полковые попы отказывались поминать имя Псковскаго Архіепископа на ектеніяхъ на вечерни, утрени и обѣдни. Указомъ Псковской Духовной Консисторіи 1731 г. временно завѣдывающею протопресвитерскою должностію іерею Михаилу Филипову предписано таковыхъ поповъ штрафовать. Дѣятельность Лифляндскаго Духовнаго Правленія разширялась по мѣрѣ умноженія церквей въ Лифляндіи. Въ 1750 г. Митавская Симеоновская церковь была причислена къ Псковской епархіи и соборному протопопу Ростовецкому велѣно принять эту церковь въ свое вѣдѣніе и за священнослужителями во исправленіи должностей „и всякаго благочинія имѣть достодолжное смотрѣніе, священнослужителей содержать въ повиновеніи, освидѣтельствовать церковное имущество по описи, если таковая имѣется“ *). Въ 1769 г. вѣдѣнію Лифляндскаго Духовнаго Правленія подлежали слѣдующія церкви: 1) Соборная Петро-Павловская, 2) Алексѣевская, 3) Успенская Замковая, 4) Живоноснаго Источника при городскомъ госпиталѣ 5) Динаминдская Преображенская, 6) Благовѣщенская, 7) Троицкая при полевыхъ дальнихъ гошпиталяхъ, 8) Митавская, 9) Перновская, 10) Эзель-

---

*) Въ 1833 г. была открыта Полоцкая епархіа и къ ней была причислена Митавская церковь. Лифляндскому Духовному Правленію предписано было сдать Митавскую церковь протоіерею Кунинскому. Но въ 1836 г. Митавская церковь по прежнему перечислена къ Псковской епархіи.

екая; полковыя: 1) Лейбъ-Кирасирская Николаевская, 2) Николаевская кирасирская Его Высочества Наслѣдника, 3) Знаменская третьяго кирасирскаго полка, 4) Воскресенская Ростовскаго пѣхотнаго полка, 5) Владимірская Нижегородскаго пѣхотнаго полка, 6) Покровская Углицкаго пѣхотнаго полка, 7) Петро-Павловская Кіевскаго пѣхотнаго полка, 8) Россійскаго вѣстоваго фрегата. Надъ приходскими церквами былъ благочиннымъ священникъ Сергѣй Заклинскій (онъ же и присутствующій въ Духовномъ Правленіи), а надъ полковыми „десятиначальникомъ“ назначенъ былъ священникъ Лейбъ-Кирасирскаго полка Алексѣй Малашевскій. Въ 1788 г. дерптская церковь подчинена вѣдѣнію Лифляндскаго Духовнаго Правленія; доселѣ въ Дерптѣ былъ самостоятельный закащикъ. Въ 1808 г. въ вѣдѣніи Лифляндскаго Духовнаго Правленія состояло штатныхъ церквей 12; по вѣдомости за тотъ же годъ лицъ духовныхъ показано: протоіереевъ 3, священниковъ 15, діаконѡвъ 9, причетниковъ 25. Изъ нихъ было окончившій курсъ богословскій или одинъ философскій — протоіеревъ 3, священниковъ 9.

Псковской Преосвященный Иннокентій въ 1764 г. сдѣлалъ распоряженіе, по которому Лифляндскому Духовному Правленію дано положеніе, болѣе приличествующее его назначенію, и опредѣленъ внѣшній порядокъ, соотвѣтствующій ему какъ коллегіальному учрежденію. Въ какомъ видѣ доселѣ находились внѣшній порядокъ и обстановка духовнаго правленія видно изъ рапорта благочиннаго Алексѣевской церкви священника Сергія Заклинскаго въ Псковскую Духовную Консисторію; въ семъ рапортѣ сказано, что они (т. е. вновь назначенные присутствующіе въ Духовномъ Правленіи) ничего не приняли, какъ только одно зеркало, стоящее на крайне ветхомъ и весьма непристойномъ столѣ безъ прикрытія, насылаемыхъ же указовъ и всякихъ письменныхъ текущихъ дѣлъ, неотмѣнно подлежащихъ для содержанія и храненія въ ономъ мѣстѣ совсѣмъ ничего не оказалось кромѣ ветхаго сундука запечатаннаго давнихъ годовъ съ письмами и одного ветхаго же, открыто стоящаго, меньшаго шкафа также давнихъ годовъ съ ветхими письмами прежнихъ правителей, но дѣла находились на дому

у протоіерея Глазовскаго. Онъ же доносилъ, что присутствующіе часто, когда приходятъ въ Правленіе, находятъ двери его запертыми и чрезъ это терпятъ посрамленіе, что Глазовскій протопопъ покоецъ, отведенный для помѣщенія Духовнаго Правленія, не отопляетъ. Псковскою Консистоіею предписано дѣла хранить въ Правленіи, сдѣлать приличную обстановку на счетъ штрафныхъ денегъ, и имѣть въ Правленіи дневальнаго церковника, а протоіерею Глазовскому сдѣлать выговоръ. По вѣдомости за 1770 г. въ Духовномъ Правленіи значится три присутствующихъ члена — соборный протоіерей, рижской Алексѣевской церкви протопопъ Семень Малгинъ и той же церкви священникъ Сергѣй Заклинскій, а также подъячій, сторожъ, назначенный изъ церковниковъ, не умѣющихъ грамотъ, и разсылные изъ дьячковъ. Засѣданія членовъ Правленія были три дня въ недѣлю, начинались въ 9 часовъ утра и оканчивались въ 1 часть пополудни. Изъ слѣдственныхъ дѣлъ составлялись экстракты и таковыя вмѣстѣ съ дѣлами отсылались на разсмотрѣніе въ Консистоію. На покрытіе денежныхъ расходовъ по содержанію Лифляндскаго Духовнаго Правленія были отпускаемы изъ казны незначительныя денежныя средства. Въ 1799 г. на содержаніе шести Духовныхъ Правленій Псковской епархіи за полгода изъ Казенной Палаты получено 360 р. Изъ этой суммы въ Рижское Духовное Правленіе выслано было на двухъ сторожей 10 руб. Главный источникъ для содержанія Духовнаго Правленія составляли взимаемые на этотъ предметъ съ духовенства взносы, которые были и не малы. Такъ въ 1822 г. на содержаніе Духовнаго Правленія представлено отъ причта Митавской церкви — протоіерея 30 руб. асс., отъ него же на сдачу годовыхъ дѣлъ 5 р.; отъ діакона 12 р. асс., за переплетъ годовыхъ дѣлъ 3 р. асс. Отъ причта Перновской церкви — священника 10 р., діакона 6 р. по 2 коп. съ рубля изъ жалованья и на переплетъ годовыхъ бумагъ 2 р.
